Посвящение

Эту книгу я пишу не для широкой публики. Сейчас миллионы моих сограждан прильнув к телевизорам, умиляются и волнуются за героев зарубежных сериалов. А эта книга о моей маме Устинович Клавдии Васильевне, обычной русской женщине, прожившей долгую трудную жизнь, помнившей революцию и гражданскую войну. Всё коснулось её: и сталинские репрессии и война с немцами. А уж, сколько вершин и ухабов отпустила её судьба полной мерой, что ни в какой сериал не вместишь. Эту книгу я пишу для её детей, её внуков, правнуков, праправнуков, что бы прочли, что бы помнили, что бы знали свои корни.

Наталья Емельянова.

Глава первая
"Родословная"

Пролог

Совсем ненадолго вышла из дому бабушка Саломея, только проведать стельную корову, Подстелить ей свежей соломки. Вернувшись, почуяла, как потянуло дымом. Она кинулась в закуть[1], но там уже полыхало во всю.

Саломонида Даниловна привыкла командовать в доме, и всегда сама принимала решения. Мысль работала быстро и четко. Одной ей с огнём не справиться. А в доме, как назло, кроме неё никого из взрослых. Только она, да ребятишки, да дочка ещё принесла понянчить на день четырехмесячную Кланьку[2].

Первым делом, повыталкала ребятишек на улицу, покидала им кой-какую одежонку. Затем стала выносить из дома вещи, начиная с самого ценного: иконы, деньги, бумаги. Потом сундуки с добром. Раз за разом бросалась она в задымлённую избу. И то выносила ворох собачьих дох[3], то волочила тяжёлые сундуки. И всё время ей что-то мешало действовать свободно, но внутреннее чутьё ей подсказывало, что это «что-то» бросить никак нельзя.

Вот и крыша занялась. Всё! Больше в дом идти опасно. Да и главное вынесла. А что жалеть о столах да лавках, когда весь дом придется отстраивать сызнова.

Испуганные ребятишки жались в кучу на узлах. И вдруг, как кипятком обварило – «Кланька!?». В доме она остаться не могла. Бабушка мысленно прошарила все углы в пылающем доме. Нет, она всё, что смогла, вынесла, но и среди плачущих ребятишек Кланьки нет. И тут вспомнила, что-то ей всё время мешало работать. Да, этот свёрток у неё под левой рукой… Зажатая у бабушки под мышкой, надышавшись угару, Кланька крепко спала.

Не отблеск ли того пожара вел её потом всю долгую жизнь, ел дымом глаза, обжигал душу, и выводил невредимой из жизненных лихолетий.

---

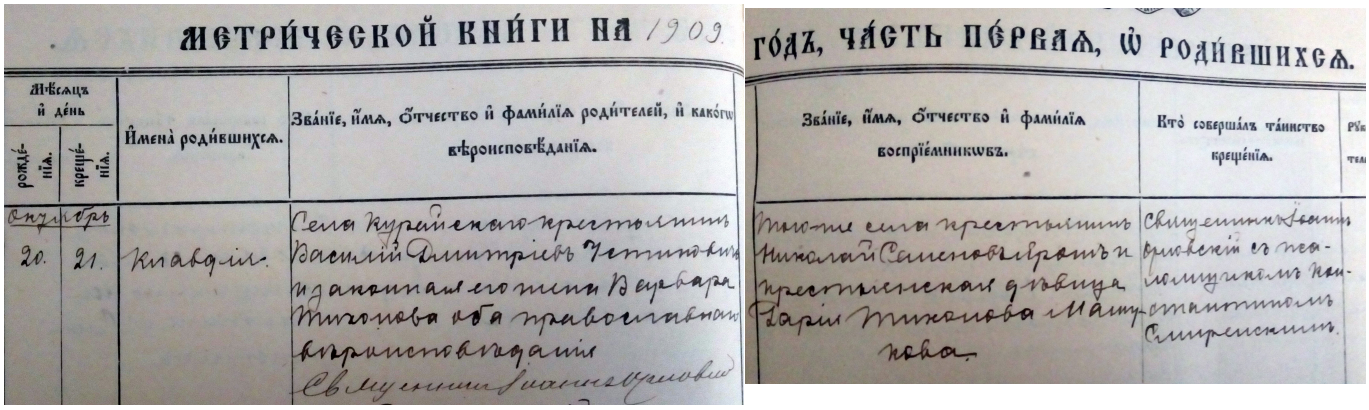
[1]Закуть – угол за печкой, иногда отгороженный от избы перегородкой или занавеской. Кухня.

[2]Выписка из церковной книги рождений Курайского Никольского прихода.

20 октября 1909 года (старый стиль)

Клавдия… села Курайского крестьянина Василий Дмитриевич Устинович и законная жена его Варвара Тихоновна, оба православного вероисповедания.

Священник Иосип Орловский с псаломщиком Константином Смиренским


МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1909 ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ.

[3]Собачья доха – длинная широкая шуба из собачьих шкур, с высоким воротником. Необходимая вещь для поездок в санях зимой. Её одевали поверх обычной зимней уличной одежды. В длинные полы заворачивали ноги. Высоким воротником прикрывали лицо от встречного ветра и летящего из под копыт снега.

Вступление

Студенческие годы, наверное, многие, как и я, вспоминают с теплотой и любовью. Задорное, весёлое было время. Я жила тогда в общежитии. Славные девчонки подобрались в нашей комнате. Учились, старались, помогали друг другу. Но и повеселиться от души тоже могли. Танцы, концерты, театры, походы. В общем, ни один выходной не пропадал зря. А на каникулах мы путешествовали по городам и весям. Мне до сих пор странно, что мне на это хватало стипендии. А сейчас я и на зарплату не всегда могу себе позволить съездить в соседний город.

Приближался праздник 9 Мая, и мы решили отметить его на «Столбах». Для красноярцев не нужно объяснять, что это такое, потому что наверно каждый из них хранит в душе гордость, что рядом с городом природа создала этот мир причудливых скал. Рай для скалолазов и художников.

Вот там мы и решили отпраздновать День Победы. Но в последний момент компания развалилась. Кому-то нужно было срочно уехать, у других оказались иные неотложные дела. А я поехала к маме.

У мамы был испечён наш фамильный праздничный пирог с яблоками и брусникой. Мы пили с ней чай и смотрели телевизор. В моей бурной студенческой жизни вдруг, оказалась тихая остановка. Впереди был ничем не занятый день.

Ведущая по телевизору задавала гостям передачи один и тот же вопрос: «Где Вы встретили День Победы?». И люди рассказывали каждый свою историю.

Тут я спросила – «Мама, а где ты встретила День Победы?».

- В Ужуре.
- Разве ты жила в Ужуре? А как ты туда попала?
- Это длинная история.

Но времени у нас было много и мама начала рассказывать, факты цеплялись за факты, события за события. Наша мама всегда отличалась особым тактом и проницательностью. И что бы я все правильно поняла, она решила рассказать все с самого начала, то есть с детства. До глубокой ночи продолжалась наша беседа. Мамина история меня потрясла, таких женских судеб я не встречала ни в кино, ни в книгах. И тогда уже у меня возникла мысль, что всё это нужно записать. Но писателем я себя не считала, я и в школе-то сочинения выше, чем на «троечку» не писала. И на вступительных экзаменах написала на скромную «четвёрочку», а бы без ошибок.

А жизнь покатилась дальше:
учёба, праздники, экзамены, выпускной, работа, замужество, ребёнок. Но где-то глубоко сидело во мне чувство несделанной работы – нужно записать мамину историю. И при редких уже встречах с ней, я иногда просила: «Мама, расскажи ещё». И мамина повесть обрастала новыми подробностями. Она вспоминала потрясающие картины из своего детства, юности. Сцены любви и семейного счастья, перемежались в её рассказах с неслыханным горем. Я слушала и думала – случись это со мной, я бы не пережила. Но наша умная красивая мама жила и радовалась жизни, и учила этому нас – своих детей.

Как-то я попросила её записать историю своей жизни. Она мою просьбу исполнила, но получилось очень сухо, как в анкете. А ведь она умела так ярко, образно говорить: двумя, тремя словами описать человека так, что мы видим его целиком. И мне очень жаль, что я не сумела сохранить всю красочность её языка. Хотя какие-то фразы я запомнила. И самые интересные слова в моём повествовании – это мамины слова.

Вот уже два года, как мамы нет, а я наконец-то с огромным опозданием взялась писать. Как я казню себя, что не сделала этого раньше, когда была возможность что-то спросить, что-то уточнить.

Но я старалась ничего не переврать, ничего не насочинять. Я только записала то, что рассказала мне моя мама[1].

[1]Кроме маминых рассказов, многие факты записаны со слов моей бабушки Варвары Тихоновны, сестры Мили, брата Виталия, в пересказе сестры Люси, сестры с отцовой стороны. Мама, хоть и приходилась ей мачехой, но многое ей доверяла, рассказывала о своей жизни.

Родословная

Жизнь в нашей стране весь XX век кипела, как в адском котле. И как перемешанные дьявольской кочергой перемещались и тасовались люди и целые народы. Бежали, шли, ехали на войну и в эмиграцию, в ссылку, в эвакуацию, на великие стройки. Целая эпоха расставаний. Многие прощались навсегда. Рвались родственные связи. Не до родственников было, живущих где-то там далеко, а может уже и не живущих. И канули в Лету семейные предания, забылись имена. И многие из нас как звали деда да бабку ещё вспомнят, а вот, кто был прадед, вряд ли назовут.

Мне посчастливилось узнать свою родословную по линии бабушки с маминой стороны до седьмого колена.

Бабушка моя Варвара Тихоновна в девичестве была Машукова. Её дед Никон Никонорович ей рассказывал, что фамилия эта идет от названия горы Машук, что на Кавказе. Что оттуда с Кавказа и идет наш род. И что по указу царицы Екатерины его дед Эльпидифор[1] приехал в Сибирь – осваивать новые земли. И была дана ему царицей грамота на беспошлинное пользование землёй на век. Грамота эта хранилась в семье, как самая дорогая и ценная бумага и передавалась из поколения в поколение. Но отцу моей бабушки Тихону Никоновичу уже пришлось платить за землю. Чиновники ему объяснили, что в грамоте написано «на век», а век – это ровно 100 лет, а 100 лет уже прошло.

Я из своего детства помню бабушкину присказку – «Век то он коротенький, всего сто лет».

Чтобы не перечислять как в библии, «Иоан родил Иакова», я просто скажу, что бабушку мою звали Варвара Тихоновна, её отец был Тихон Никонович, дед Никон Никонорович, прадед Никонор Эльпидифорович. И первым в Сибирь приехал Эльпидифор с царской грамотой на землю.

---

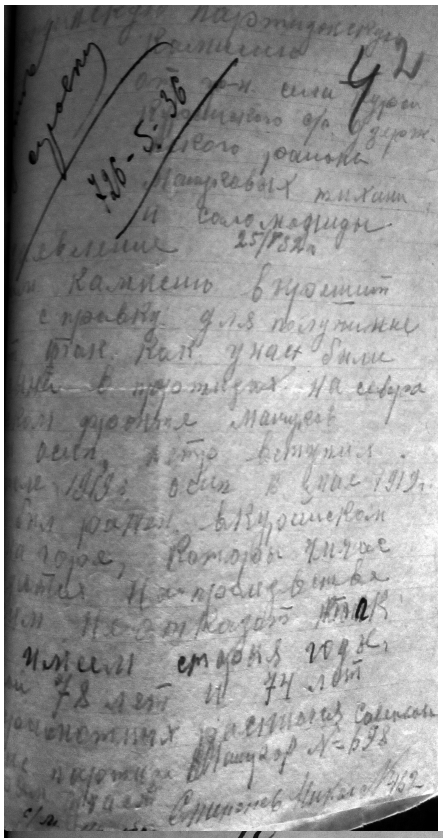
[1]ЕлпидифОр, народное ЕльпидифОр, ЭльпидифОр. Разговорное ПотифОр, ПидифОр, Подифир.
Из греческого – Элпис, Элпидос – надежда. Феро – нести. (Несущий надежду).
Словарь русских личных имён. А. В. Сперанская

Некоторые размышления на историческую тему

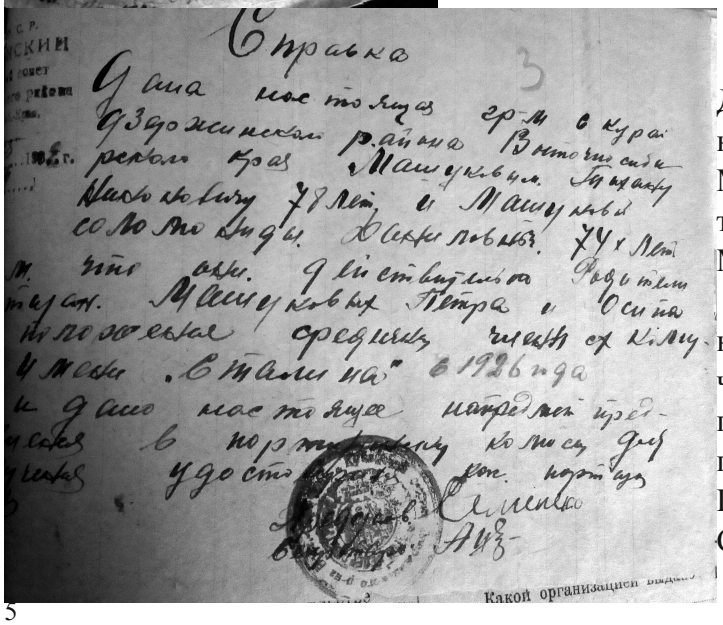
В Дзержинском архиве я нашла заявление в Дзержинскую партизанскую комиссию от Машуковых Тихона и Саломаниды от 25.05. 32 года.[1] В заявлении просьба выдать справку о том, что их сыновья были партизанами на Северо-Канском фронте. Справка им нужна для получения льгот, так как они имеют старые годы – 78 лет и 74 года.

Отсюда легко высчитываем год рождения Тихона Никоновича – 1854.
Неизвестно был ли он старшим или младшим сыном в семье, и были ли у него братья и сёстры. Но скорей всего были. Семьи в те времена были большие, и женились рано. Предположим, что Тихон родился, когда его отцу было 25 лет. Получаем примерную дату рождения Никона Никоноровича – 1830 год. Так же поступим с Никонором и Эльпидифором . Получаем примерную дату рождения Никонора – 1805 год. Эльпидифора – 1780 год. Предположим дальше, что Эльпидифору было лет 30, когда он приехал в Сибирь. Получаем примерную дату переселения – 1810 год.

1



[1]В Дзержинскую партизанскую комиссию
От граждан села Курай, Курайского с/с
Дзержинского района
Машуковых Тихона и Саломониды
25/V 32 г.
заявление.
Просим комиссию выдать нам справку для получения льгот, так как у нас были сыны в партизанах на северо-канском фронте Машуков Петр и Осип.
Петр вступил в апреле 1919 г Осип в мае 1919.
Петр был ранен в Курайском бою на горе, который чичас находится на производстве.
Просим не отказать так как имеем старые годы, первый 78 лет и 74 лет.
За неграмотных расписался (подпись) Савенкова



Справка май 1932
Дана настоящая гр-м с. Курай Дзержинского района Восточно-Сибирского края Машуковым Тихону Никоновичу 78 лет и Машуковой Саломониды Даниловны 74 лет в том что они действительно родители партизан Машуковых Петра и Осипа.
Соц.положение средняки, члены с.х комуны имени «Сталина» с 1926 года
что и дано настоящее на предмет предоставления в партизанскую комиссию для получения удостоверения род. партизанов.
Пред. с/совета Семенек
Секретарь (подпись)

5

Но в какое конкретно место он ехал на свободные земли? Вряд ли это был Курай[1], основанный в 1775 году, где удобные земли уже были распределены. Да и речушка Усолка, на которой стоит Курай, совсем не большЕнькая, поэтому её и перегородили плотиной, что бы была вода. А заселение Сибири шло по большим рекам, сначала по Енисею, Ангаре, потом по их притокам. Останавливались на удобных свободных землях.

Вряд ли Эльпидифор ехал в Сибирь один. Переселялись обычно колодами (несколько семей, объединённых на родственной основе).

«Путешествие» по карте Красноярского края привело к неожиданному открытию. Поднимаясь по Енисею, заходим в Ангару. Находим полноводную реку Тасееву, впадающую в Ангару. А в пятидесяти километрах от её устья село Машуково и речка в селе называется тоже Машуковка. А выше по реке Тасеевой подниматься не стали, там пороги. Сейчас – это Мотыгинский район Красноярского края.

Историческая справка: По ведомостям 1807 года были впервые отмечены 10 селений, в том числе Машуково. Всё сошлось! И прикидки по годам, и окончание беспошлинного владения землёй на век. 100 лет исполнилось примерно в 1906 или 1907 году. От туда из Машуково и пошло расселение рода Машуковых. Особенно густо Машуковых на северо-востоке края, в Тасеевском, Дзержинском, Ингашском районах.

Указ о заселении малообжитых земель Сибири Екатерина II издала в первый год своего правления 25 октября 1762 года. Он действовал все 34 года её правления и продолжал действовать после её смерти.

Как же могла выглядеть грамота на землю? Скорей всего там было написано о том, что согласно указу Екатерины Второй Эльпидифор Машуков имеет право занять свободные земли в Сибири в количестве, которое сможет освоить, и пользоваться этой землёй беспошлинно век. От сюда можно предположить, что осваивать земли позволялось только своими силами, силами своей семьи. Так новые землевладельцы оставались в статусе крестьян и не могли стать крупными землевладельцами, имеющими батраков. Вряд ли можно было эти земли продавать или сдавать в аренду. Сыновья Эльпидифора получали землю в наследство, отделялись, заводили свое хозяйство. С грамоты переписывалась копия, заверялась нотариусом, вписывалась степень родства с первоначальным владельцем грамоты. Скорей всего, поэтому и осталась в памяти поколений цепочка – Эльпедифор, Никанор, Никон, Тихон.

Так что грамота существовала в нескольких экземплярах. Тихону Никоновичу уже не понадобилось переписывать грамоту на пятерых его сыновей. Но возможно она сохранилась у кого-то из их наследников.

---

[1]Курай основан 1775г. Переселением крестьян и ямщиков из Тасеевского острога, целью основания этой деревни явилось облегчение гоньдбы по Енисейско-Канскому тракту, т.к. между деревнями Топольской и Ношинской не было промежуточного станка.

Памятные книжки Енисейской губернии.

Здесь представлены фотографии только тех родственников корнями из Курая, которые я нашла в мамином альбоме, об остальных ничего не известно.

Дядя Ваня (Машуков Иван Тихонович), старший из братьев Машуковых с женой тётей Пашей и внуками Игорем и Сашей. Фото 1956 г.

Дочь Ивана Тихоновича Машукова
Октябрина Ивановна Машукова (Малашенко) с мужем Виктором.

Октябрина Ивановна Машукова (Малашенко) с детьми.

Дочь Ивана Тихоновича Машукова – Лидия Ивановна Машукова.

Тётя Нюра (Анна Тихоновна Машукова-Письменко) с сыном Васей, невесткой и внуками. (Жила в Канске)

Дядя Петя (Машуков Петр Тихонович) с женой Марией Сафоновной. Младший из братьев Машуковых

Надпись с обратной стороны фотографии:
Дорогой сестре Клавдии Васильевне от Веры, Ивана.
1972 г. Сахалин.
Дочь Петра Тихоновича Машукова – Вера Петровна.(нижний ряд в центре)

Кланькины бабушка и дедушка

У Кланькиных дедушки Тихона Никоновича и бабушки Саломаниды Даниловны было восемь детей - пять сыновей и три дочери.

Дочери – крёстная Клани, Дарья Тихоновна, и тётя – Анна Тихоновна Письменко были замужем и разъехались

А пять сыновей вместе с жёнами и детьми жили в родительском доме, вели общее хозяйство. Жили в достатке, крестьянствовали, и нужды никогда не знали.

Но единственной и полновластной хозяйкой в этом большом доме была, конечно, бабушка.

В селе её называли бабушка Шилиха за остренький носик и привычку совать его во все дела. А может потому, что любила она пить чай, а сливочки добавлять в него шильцем. Кончик особого шила обмакивала в сливки, а потом окунала в стакан с чаем, и сливки расплывались красивым узором.

Она по утрам давала всему семейству «разнарядку»: кому сеять, кому пахать, кому ухаживать за скотиной, кому из невесток варить, кому смотреть за детьми. Она всегда была в курсе всех дел по хозяйству и бабьи проблемы невесток не были для неё секретом. Да те и сами были рады с ней пошептаться, так как знали, что бабёнку на сносях свекровь на тяжёлую работу точно не отправит.

Хозяйство было большое. Держали лошадей и рабочих и выездных,
целое стадо овец. Настригали с них столько шерсти, что забивали ей кладовку под самую крышу. Коров было двенадцать, но отношение к ним было плёвое. Лучшее сено давали, конечно, лошадям, а коровам – так, объедья. Доили их обычно девчонки. Сядет под корову, начиркает литра полтора-два, садится под другую. И только одной корове, бабушкиной любимице «Ведёрнице» был особый уход, и бабушка доила её сама, никому не доверяла.

Дав распоряжения по дому, а ослушаться их никому и в голову не приходило, бабушка Саломея уходила на службу. Она держала почту в Курае. Содержала почтовых лошадей и целый штат ямщиков. Иногда и сама правила почтовой тройкой.

Дедушка Тихон был тихим безответным человеком, и так же все в доме подчинялся бабушке.

Летом обычно сторожил огуречное поле. Когда огурцы начинали созревать, за ними приезжали с большими бочками на телегах.

Ездил дедушка и по соль на речку Усолку, возле Тасеевского соль завода, построенного ещё ссыльными декабристами и одно время поставлявшего соль ко Двору Его Величества.

Дедушка Тихон ставил шалаш, снимал с телеги огромный котел, разводил вокруг него костер. А в котёл подливал всё время солёную воду. Доставал он её из глубоких соляных шахт. Рядом с большим котлом пристраивал маленький с немудрящей похлебкой. Так и жил на берегу речки выпаривая соль, иногда больше месяца, постоянно поддерживая огонь.

Бабушка Саломонида Даниловна прожила 112 лет. Была она крепкого корня. А мать её прожила ещё больше – 120. Рассказывали, что доживала та свой век в семье младшего сына, к тому времени тоже уже глубокого старика. Была бодрой, в здравом уме и памяти. Как-то она попросила: «А стопите-ка мне, ребятишки, баньку, я, однако помирать буду». Посмеялись над ней: «Чудит бабка, такая же шустрая, как и всегда», но баньку стопили. Она взяла узелок с чистым бельём, давным-давно на смерть приготовленным. Помылась в бане, оделась и легла на лавку под иконы.

- Ребятишки! Поглядите-ка, что там бабушка делает?

- Бабушка спит.

А когда утром подошли к ней, она уже остыла. Может она с вечера умерла, а может ночью. Вот так тихонько ушла, никого не обременив ни своей жизнью, ни своей смертью. Сама себя и обмыла, и обрядила.

Кланина мама – Варвара Тихоновна

Варвара была старшая из дочерей, весёлая, жизнерадостная, работящая деревенская девка, и певунья, и плясунья. Светлая волосом и лицом, и сама была светлым человеком. Рослая и красивая бегала с младшими братьями наперегонки с жеребятами, со смехом отвергала сватанья деревенских женихов, и хоть и была совершенно неграмотной, но всё ждала сказочного принца.

Отец с матерью к замужеству с немилым не принуждали. Так и засиделась она в девках до 23 лет.

Однажды в селе появился очень странно одетый человек, на нем была шляпа, городской костюм, в руках – трость. Потом узнали, что это приехал ссыльный учитель Василий Устинович. Он и стал мужем Варвары и отцом Клани.

Отец

Василий Дмитриевич Устинович[1] был родом из Польши из города Гданьска. Учился в Краковском университет. Участвовал в студенческих волнениях. Его посчитали политически неблагонадёжным и выслали в Сибирь. Его отец Дмитрий Устинович был участником польского восстания под руководством генерала Бема. И получил от генерала награду – золотые часы. Потом эти часы перешли по наследству Василию Устиновичу.

Сёла Тасеево, Христорождественское (современное Дзержинское) и окружающие деревни были местом ссылки многих «политических».

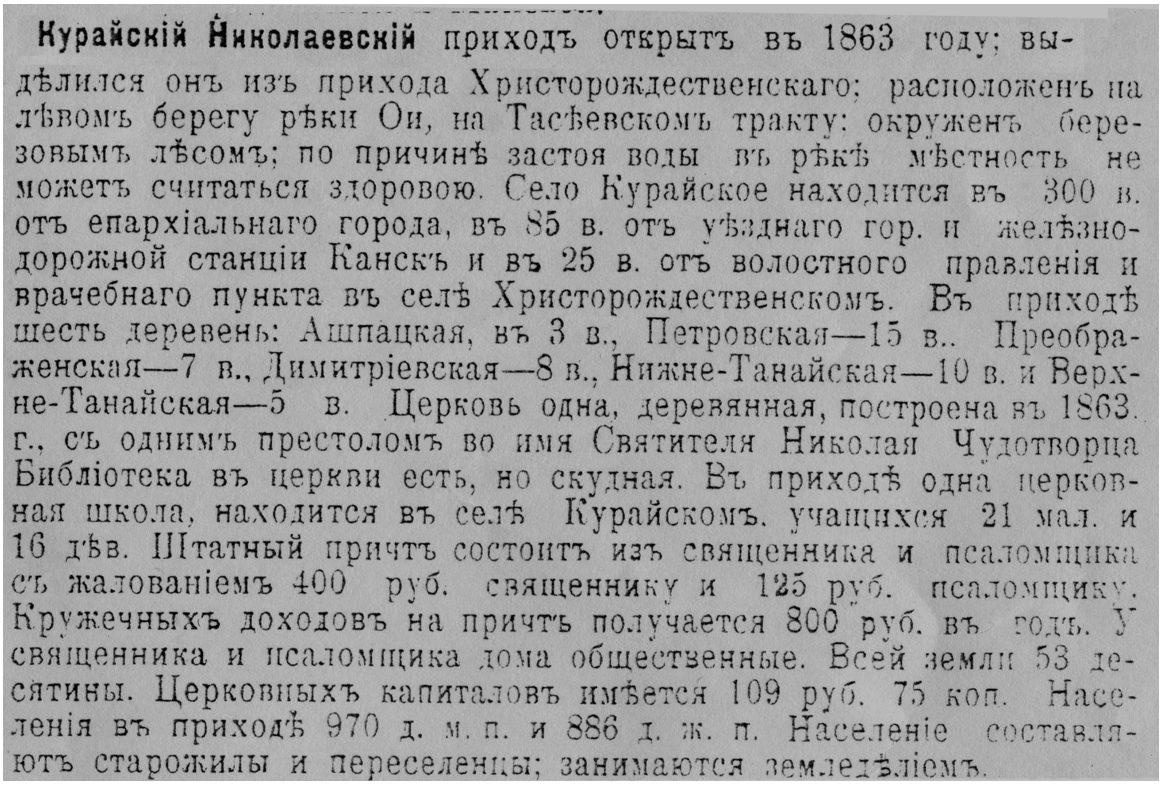
Василию Дмитриевичу местом ссылки был определен Курай, Христорождественской волости, Енисейской губернии. В Курае он работал учителем в местной школе. Школа эта ютилась в сторожке у церкви[2]. Потом Василий Дмитриевич построил на берегу ручья Курайчика большой дом на две половины.

---

[1]Здесь должна быть фотография Василия Дмитриевича Устинович. И такой портрет действительно существовал. Мама хранила его в комоде под постельным бельём. Но когда уезжала из Молодёжного, этот портрет забыла забрать. Мой отец Андрей Трофимович выбросил его. Мама пыталась сама нарисовать своего отца, но и этот портрет утерян.

По моим воспоминаниям вряд ли можно восстановить черты лица. Я только помню, что портрет был большой примерно формата А-3, в картонном паспарту с овальным окошком. Дед Василий выглядел на нем очень молодым человеком в пальто с большими лацканами, в округлой мягкой шляпе и очень приятными чертами лица.

[2]Краткое описание приходов Енисейской Епархии 1916 г. Изд.



Курайскій Николаевскій приходъ открытъ въ 1863 году; выдѣлился онъ изъ прихода Христорождественскаго; расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Ои, на Тасѣевскомъ тракту; окруженъ березовымъ лѣсомъ; по причинѣ застоя воды въ рѣкѣ мѣстность не можетъ считаться здоровою. Село Курайское находится въ 300 в. отъ епархіальнаго города, въ 85 в. отъ уѣзднаго гор. и желѣзнодорожной станціи Канскъ и въ 25 в. отъ волостного правленія и врачебнаго пункта въ селѣ Христорождественскомъ. Въ приходѣ шесть деревень: Ашпацкая, въ 3 в., Петровская—15 в.. Преображенская—7 в., Димитріевская—8 в., Нижне-Танайская—10 в. и Верхне-Танайская—5 в. Церковь одна, деревянная, построена въ 1863. г., съ однимъ престоломъ во имя Святителя Николая Чудотворца Библіотека въ церкви есть, но скудная. Въ приходѣ одна церковная школа, находится въ селѣ Курайскомъ. учащихся 21 мал. и 16 дѣв. Штатный причтъ состоитъ изъ священника и псаломщика съ жалованіемъ 400 руб. священнику и 125 руб. псаломщику. Кружечныхъ доходовъ на причтъ получается 800 руб. въ годъ. У священника и псаломщика дома общественные. Всей земли 53 десятины. Церковныхъ капиталовъ имѣется 109 руб. 75 коп. Населенія въ приходѣ 970 д. м. п. и 886 д. ж. п. Населеніе составляютъ старожилы и переселенцы; занимаются земледѣліемъ.

В одной половине жил сам с семьёй, в другой размещалась школа. Там он и учил грамоте деревенских ребятишек.

Он и жену свою Варвару Тихоновну научил читать и писать. А ещё учил её своему родному польскому языку.

Видно скучал по Родине, и хотелось ему, что бы в его доме звучала его родная польская речь.

Уже под старость бабушка Варя рассказывала мне, что её в селе считали грамотной и за это относились с уважением. А после смерти мужа приходили к ней с просьбой прочитать или написать письмо, а то и деловую бумагу.

Я помню, что читала она довольно бегло, но по складам, а в разговоре любила вставить польские слова: дзенькуе (спасибо), до видзеня (до свиданья). А ещё запомнился её рассказ, как быстро сделать чернила: в небольшой пузырёк влить ложку снятого молока, добавить немного сажи, соскобленной с печной заслонки, размешать. Густые прочные чернила готовы.

Сейчас трудно сказать, по какой причине, но пошёл работать Василий Дмитриевич под тещино начало на почту ямщиком. И стал он гонять почтовую тройку до Христорождественска и Тасеева, до Канска и Красноярска. Возил почту и пассажиров.

Зимой 1912 года он вез почту в Красноярск. Переезжая по льду одну из речек, он остановил тройку, напоил из проруби лошадей. А затем наклонился сам попить из проруби. И тут из кармана выскользнули и булькнули на дно золотые часы – награда отцу от генерала Бема. И вот они поблескивали на дне среди разноцветных камушков. Снял тулуп, рубаху, попробовал поднять рукой, нет – глубоко, не достать. Тогда разделся совсем и полез в прорубь. Часы были спасены, они даже не остановились. Но дорога до Красноярска показалась адом. Пронизывающий холодный ветер, казалось, гулял даже мех рёбер.

В Красноярске свернул к знакомому 4-х этажному дому на Воскресенской[1]. Сердобольная хозяйка заведения тут же провела наверх, уложила в горячую ванну. Потом спохватилась, что-то клиент долго не выходит. Зашла проверить, а он уже мёртв.

Хоронили Василия Устиновича в Курае. На поминки пекли пироги с брусникой. Один сунули трехлетней Кланке и отправили, что бы не путалась у взрослых под ногами. Она сначала откусила сама, потом прошла в комнату, где лежал в гробу отец, и стала «кормить» пирогом и его. Измазала и лицо, и белую рубашку. Так его и похоронили, в рубашке вымазанной брусникой.

Не понимала тогда еще Кланя, что стала сироткой, вместе со старшей сестрой пятилетней Татьяной и младшей Мариичкой, которой был всего годик.

Татьяна ненадолго пережила отца, и было на месяце два покойника.

[1]Улица Воскресенская – современный проспект Мира. Главная улица левобережного Красноярска, исторический центр.

Отчим

Через три года после смерти Василия Устиновича, Саломонида Даниловна выдала замуж свою вдовую дочь Варвару за телеграфиста своей почтовой станции Прокушева Гавриила Дормидонтовича. Это был высокий худой человек, всегда носил одну и ту же причёску: зачёсанные назад, длинные до плеч, ровно подрезанные волосы. Никогда не носил шапки и даже в морозы ходил с открытой головой. Человек он был нелюдимый с тяжёлым характером.

Клане новый мамин муж не понравился сразу. Бука. Никогда не поговорит с детьми, не пошутит, не поиграет. Ни разу не принес гостинчика, не приласкал. Вроде бы не замечал их вовсе. А когда поднимал на них с Мариичкой тяжёлый взгляд, от него становилось жутко, и сжималось от страха детское сердечко.

В 1916 году Варвара Тихоновна с новым мужем и детьми собрались переезжать в Красноярск. Но маленькая Кланька вцепилась в бабушкин подол и закатила рёв. Нет, не поедет она никуда с этим страшным дядькой.

- Пусть остаётся, - строго сказала бабушка Саломея.

И Кланька осталась в семье бабушки двадцать восьмым ртом.

Прокушев Гавриил Дормидонтович с женой Варварой Тихоновной.

В семье бабушки Саломеи

В доме у бабушки Саломеи всё подчинялось строгим заведенным ей порядкам.

Стол накрывали два раза. За первый стол садились шестнадцать ребятишек. Рассиживаться за столом не позволялось, и ребятишки «молотили» ложками быстро. За второй стол садились взрослые. Во главе стола – бабушка и дедушка, а по краям пять их сыновей и пять невесток.

Спали ребятишки все вповалку на полатях. Раз как-то Кланя оказалась в самом дальнем углу полатей. Проснулась среди ночи от духоты. Кромешная тьма. Воздуха не хватает. Спросонья не может сообразить, где же она. Протянула руки – сбоку доски, сверху доски, снизу то же доски. Жуткая мысль поразила детскую душу: «Да я же в гробу! Наверное, я уснула, а все решили, что я умерла». И дикий вопль переполошил всех в доме.

Первой на помощь с зажжённой лампой в руке, как всегда пришла бабушка. Успокоила. И с тех пор всегда укладывала Кланю только с краю полатей.

Мама обещала Клане, что приедет за ней через год, но через год она не приехала, а только сообщила в письме, что у неё родился сын. Младенца окрестили Василием. Гавриил Дормидонтович конечно был против такого имени. Но она втихаря от мужа уговорила кума с кумой и они понесли крестить мальчика в церковь в тот день, когда нарекали только Василиями[1], да ещё какими-то старинными труднопроизносимыми именами. Так у Варвары Тихоновны снова был дорогой, любимый Васенька.

А дочке из города она прислала посылочку. В посылке оказались ботиночки, чулки, платье и панталончики. Всё очень красивое и необычное. В деревне такого не носили.

И вот Кланька, наряженная во всё новое, гуляет как по подиуму по широкой лавке у стены. Соседи прибегают подивиться на такое чудо. Особенно всех удивляют панталончики. И Кланя гордая и счастливая приподнимает пальчиками подол и всем показывает голубенькие штанишки.

Бабам в деревне штаны носить не полагалось. Бабушкины невестки, когда забегали в избу с мороза, первым делом спешили к печи и, задрав подолы, притыкались задами к теплой кирпичной стенке погреться. И только в самые жестокие морозы, когда ездили в лес по дрова, надевали под юбку мужнины штаны.

Всё в бабушкином доме делалось по-хозяйски, домовито и рачительно. Всем в доме находилась работа, даже самым малышам. Девчонки с самых малых лет пряли шерсть, вязали шерстяные чулки, рукавички.

Кланя как-то попросила: «Можно, я свяжу чулочки подлиннее, а то бегать на улице – коленки мёрзнут».

- Хватит и так, нечего зря шерсть переводить – строго ответила бабушка.

Но шерсти в доме хватало, как впрочем, и всего другого.

В семье была традиция устраивать большую стирку только в первые солнечные мартовские дни. «Мартовское солнышко бельё белит» - приговаривала бабушка. А всю долгую зиму бельё не стирали, но после каждой бани надевали чистое, а стирку копили до весны.

По весне кололи на речке лед, возили его санями и спускали в специальный глубокий подвал, вырытый во дворе – ледник. В этом «холодильнике» летом хранили продукты.

А ещё в начале зимы затевали пельменные дни, когда пельмени стряпали всей семьёй, присоединялись и мужики и ребятишки. Пельмени замораживали в сенях и ссыпали в короба, в кули. Стряпали столько, что бы хватило на всю зиму.

Мясо на пельмени рубили в специальном деревянном корытце сечкой, обязательно смешивая свинину и говядину, добавляли много лука, чеснока, перца, а чтоб не было жёстким, разводили свежими сливками.

Новомодная машинка – мясорубка бабушке не понравилась.

- «Вот еще, буду я есть эту жеванину!».

---

[1]Василий Гаврилович Прокушев отмечал день рождения 30 апреля. Скорей всего это был день крещения – Василий Великий.

В дальнюю дорогу зимой всегда с собой брали мешочек с пельменями и небольшой самовар на два отделения. Этот самовар выручал в любом месте: в дороге, в лесу. Его можно было вместо воды, набить снегом, разжечь, и в отделении с краником закипал чай, а в другом варились пельмени.

Кедровые орехи заготавливались тоже мешками. Один такой мешок открытым всегда стоял у порога. И каждый, кто заходил или выходил, нагребал горсть себе в карман. Только во время поста мешок завязывали и выносили в сени. Орех считался скоромной едой.

Однажды во время поста Кланька вышла в сени и углядела в одном мешке с орехами маленькую дырочку, а из неё так соблазнительно торчит орешек. Кланька осторожненько его взяла, и только хотела положить в рот, как в сени вышла бабушка. Кланька запаниковала, куда же спрятать орешек, и быстренько сунула себе в ухо. Бабушка ничего не заметила, прошла мимо.

Кланька попыталась достать из уха злополучный орешек, а он никак не достаётся, только ещё больше уходит в глубину. Кланька уже и ухо расцарапала, а достать не смогла. Сказать о своём преступлении кому-то из взрослых она побоялась. И только через неделю, когда орех разбух, а боль в ухе стала нестерпимой, она тихонько подошла к бабушке: «У меня ухо болит». Бабушка посмотрела, покачала головой и велела запрягать лошадей. Повезла она Кланьку в Христорождественское в больницу. И пока бабушка ждала её за дверью, смешливый доктор блестящими щипчиками вытащил из уха заплесневевший орешек, помазал какой-то вонючей мазью, и заверил, что до свадьбы всё обязательно заживет.

- «Только бабушке про орешек не говорите» - прошептала Кланька.

Молния

Однажды в летний день дедушка Тихон сидел в доме, у открытого окна. А за окном грохотала гроза. Влетевшая в окно молния пронзила тело дедушки Тихона и, пролетев через комнату, юркнула в круглую дырку в печи. Дырка эта была сделана для самоварной трубы и обычно затыкалась заглушкой, а тут оказалась открытой.

Дедушка лежал на полу без признаков жизни. Все попытки как-то оживить его ни к чему не приводили. Побежали за знахаркой. Та велела прикопать пораженного молнией в землю. Сыновья понесли бездыханное тело в огород, вырыли между гряд небольшую ямку, положили туда отца и стали закидывать мокрыми комьями земли. Знахарка ходила вокруг, читала молитвы и заклинания.

Вдруг тело Тихона Никоновича резко дёрнулось, он открыл глаза и закашлялся.

- Всё, молния ушла в землю, - сказала знахарка и велела вести отца в баню, пропарить веником, вернуть ему тепло, что вытянула из него земля.

После того случая дедушка Тихон прожил ещё долгую жизнь

В няньках

В семь лет Кланьку отправили на заработки «в нянки». «В нянках» - так называлась любая работа в людях, не только нянчить чужих детей, но и любая помощь по дому, по хозяйству, чаще всего просто за еду. Иногда рассчитывались с родителями деньгами или продуктами, отдавали «нянкам» что-нибудь из одежды.

Когда в Шушенском музее экскурсоводы рассказывают о том, как Ленин и Крупская приютили в своей семье девочку-сиротку Пашутку и показывают маленькую комнатку с узенькой кроватью, где жила эта Пашутка, становилось понятно, что была эта девочка «в нянках». Так было принято повсеместно и никого это не удивляло. Даже не самые бедные семьи отправляли девчонок «в люди», на заработки. Но не говорить же на весь мир, что будущий вождь мирового пролетариата использовал детский труд.

Кланька сначала работала в семье еврея раз в неделю, по субботам. Семья эта была не очень богатой, но очень верующей. А евреям в субботу работать не полагалось, и они свято чтили день субботний. Они всей семьёй отдыхали, читали священные книги, молитвы. А Кланька

топила у них с утра печь, разогревала приготовленную с вечера еду, приносила воду, мыла посуду, мела пол. Глава этого семейства – старый еврей после обеда любил покурить трубочку, но чиркнуть кресалом, чтобы разжечь огонь тоже считалось работой, и Кланька разжигала для него трубку.

Потом работала «приходящей нянькой» у богатой барыни. Муж той с утра уходил на службу, детей у них не было. Кланька привычно делала всю работу по дому и как могла, развлекала барыню деревенскими новостями, так как та сильно скучала.

Скуки ради, ходила барынька иногда в гости к своей приятельнице попадье. Она бы и чаще ходила, да попадья была постоянно занята в хлопотах о своём многочисленном семействе.

И скуки же ради, обучала она деревенскую девочку благородным манерам. К приходу мужа они вместе с педантичностью, по всем правилам расставляли на столе тарелки, раскладывали ножи, вилки и ложки, выстраивали целый ряд бокалов и фужеров.

Когда мужа не было дома, она усаживала девочку с собой за стол, велела красиво держать спину, показывала, как пользоваться вилкой и ножом. Наставляла, о чем можно вести разговоры за столом, а о чем ни в коем случае нельзя.

В свободное время она читала Кланьке вслух разные интересные книжки, представляя себя в разных ролях. Должно быть, мечтала она быть актрисой и устраивала перед единственной зрительницей целые представления.

Раз, возвращаясь от попадьи, попала она под сильный дождь. Скинув у порога перемазанные грязью лаковые туфельки, велела Кланьке их вымыть. Кланьке не раз уже приходилось мыть грязные башмаки её мужа. Так же поступила она и с туфельками. Налила в тазик воды, погрузила туда туфельки, и стала возёкать их тряпкой. Барынька с визгом выхватила туфли из воды и давай колошматить ими Кланьку по чему попало. Вытолкала Кланьку на улицу, под дождь. И вдогонку, в сердцах прокричала: «Что б и духу твоего в моём доме больше не было!»

Больше Кланьку в няньки не отправляли. Иногда, когда в доме для неё не было срочной работы, отправляли в школу.

Деревенские праздники

В семье бабушки свято чтили все православные праздники. Кланьке казалось, что праздники придумали специально для детей. То-то им раздолье, и угощение и веселье.

Накануне Рождества ребятишки собирались стайками, наряжались, кто во что горазд. В жестяной звезде, укреплённой на длинной палке, зажигали свечу и шли колядовать. Насыпав в карманы зерна, обходили соседей, родных и чужих. Никаких репетиций, старшие и так знали все колядки наизусть, а младшие подхватывали:

Сею, вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю,
Со скотом, животом,
Маленьким ребяткам,
Пёстреньким теляткам.
Маленький мальчик
Сел на стаканчик,
В дудочку играет,
Христа прославляет.

А как весело было на Пасху. С утра все нарядные, в новой одежде, торжественно шли в церковь. После церкви, наевшись от пуза разных вкусностей, ребятня высыпала на улицу. Каждый нес в кармане несколько крашеных яиц, и начинались игры, стукалки и катание яиц. Другой удачливый парнишка возвращался домой с полной шапкой выигранных яиц.

Но больше всего Кланя любила Троицын день. Накануне праздника перед каждым домом ставили небольшую берёзку, а кто две или даже три. Для этого вырубали в лесу берёзку и ставили

в небольшую вырытую перед домом ямку. Что бы березка подольше не завяла, в ямку наливали несколько вёдер воды и присыпали землёй. Улица сразу преображалась, становилась, зелёной, нарядной.

Под берёзки выносили столы, накрывали белыми скатертями и ставили угощение. Вся семья усаживалась вокруг столов на покрытые домотканными дорожками лавки. Соседи, родня приглашали друг друга к столу. Шло веселье, песенная перекличка. Молодежь затевали прямо посреди улицы хороводы, игры с поцелуйчиками.

Было принято угощать каждого проходившего мимо ребёнка. Вот ребятишки и бегали шустро между столами, а потом хвастались друг дружке полученными гостинчиками.

Обычно к троице в запруде расцветали белые лилии. И девчонки делали себе украшения-кулоны из этих цветов. Расщепив длинный стебель лилии на две половинки, надламывали эти половинки на квадратики, получались «цепочки». Кончики «цепочек» соединяли вместе, получалось шикарное украшение - кулон.

В жестокие Крещенские морозы ребятишки сами себе устраивали развлечение. Накинув на головы шубейки, они выносили на крыльцо ковшик воды и выплёскивали его высоко в небо. На землю капли воды падали уже замёрзшими льдинками. «Брильянтики» - называли их ребятишки.

На Масленицу особой объедаловки Кланя не запомнила, ели как обычно, соблюдая мясопуст. Но последний день Масленницы – Прощёное Воскресенье, был особенным. В этот день принято было каяться в содеянных за год грехах. И взрослые, и дети становились на колени перед своими родителями, каялись, просили прощения, многих пробивало на слёзы. И только Кланька, когда доходил до неё черёд, как взрослая, рассказывала о своих детских прегрешениях не родителям, а бабушке и дедушке.

Ранней весной ребятишки находили угощение себе сами: в поле, в лесу, на берегу речки. Самые первые «конфетки» - это набухшие почки боярки. Вкуснее те, где спрятаны не листики, а нераспустившиеся цветочки. За ними шли похожие на маленькие свечки, кисленькие, смолистые почки сосны, зелёненькие щёточки распускающейся лиственницы. Среди проклюнувшейся из под снега травы, тоже можно было найти много чего съедобного и вкусного: молодые листочки конского щавеля, кисличка, баранчики. На бережочке выдергивали корешки солодки. На южном, первым выходящим из под снега склоне, копали мучнисто-сладкие луковицы саранок. А когда расцветали медунки, в солнечную погоду, из глубины каждого синего или розового цветочка можно было высосать малюсенькую капельку меда.

Гражданская война

Не приехала мама за Кланей и на следующий год. В стране грянула революция, а за ней - гражданская война. По дорогам стало ездить опасно.

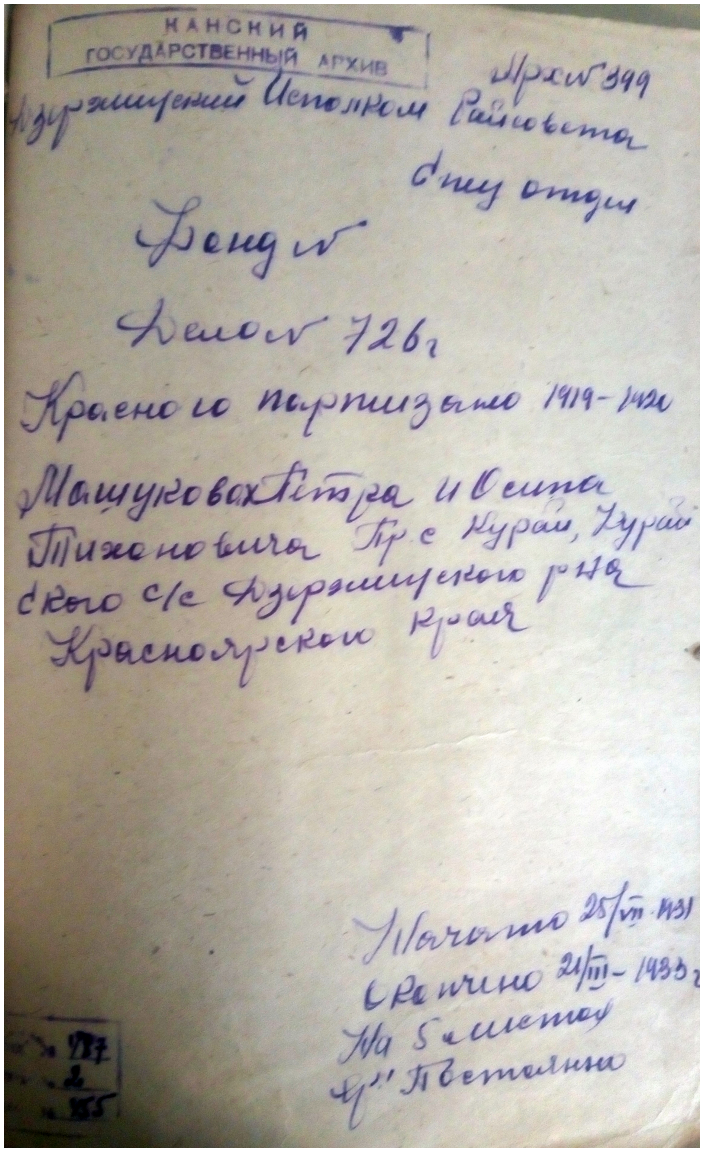
Тревожно было и в бабушкином доме. Казалось бы, радоваться бабушке надо, возвращались под её крылышко сыновья. Незадолго до революции вернулся с заработков, с золотых приисков на реке Зее старший сын Александр. В 1918 году пришёл домой из германского плена Иван, и почти вместе с ним воротился бабушкин любимец Тина, Тихон Тихонович. Его списали из царской армии по здоровью.

Они и женились вместе. Кланя помнила, как в церкви венчали сразу две свадьбы. И батюшка водил вокруг аналоя сначала одну пару, потом другую.

Но жить, да радоваться не приходилось. Заварушка, затеянная в, казалось бы, далёком Питере, докатилась и до сибирской деревеньки.

Первым в партизаны ушёл младший из сыновей Петя, ему в то время не исполнилось и 18 лет. Когда через несколько дней зашёл домой за провизией, с ним ушёл и Осип[1]. Потом партизанили Иван и Александр. Только Тина, покалеченный в царской армии оставался дома. Бабушка Саломея потом говорила, что четыре сына были у неё «красные», а один «белый».

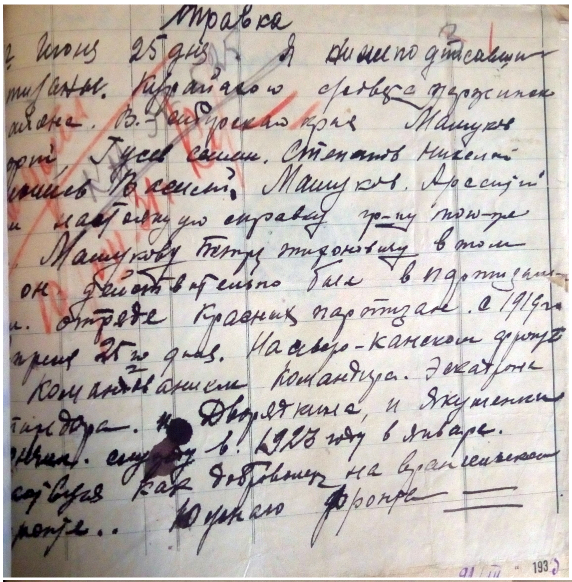
1



Дзержинский исполком райсовета

Личные дела бывших красных партизан

- М-
Дело №726
Красного партизана 1919 – 1920 г.
Машуковых Петра и Осипа Тихоновича
С Курай Курайского с/с Дзержинского р-на
Красноярского края
Начато 25/VII – 1931
Окончено 21/III – 1933 г.
На 5 листах
Хр. Постоянно.

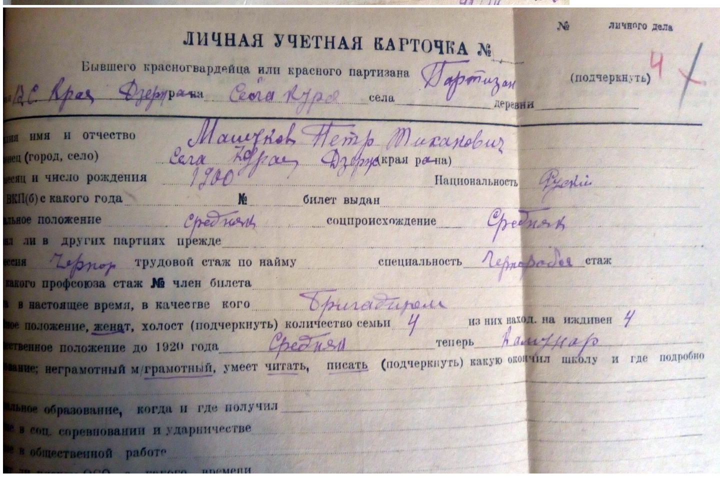


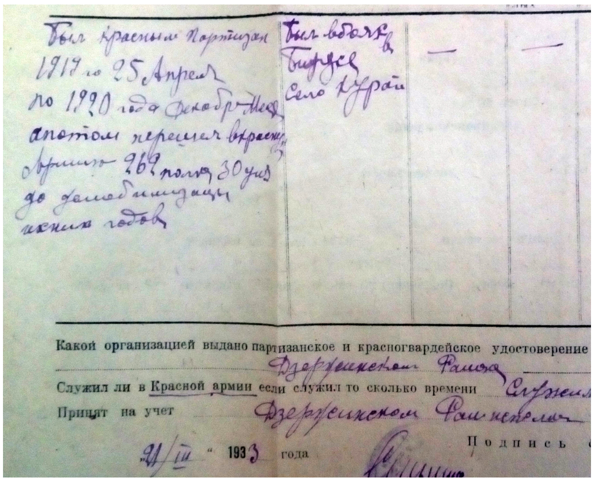
Справка

1931 г. Июня 25 дня. Я нижеподписавшиеся партизаны Курайского с/совета Дзержинского района В-Сибирского края Машуков Григорий, Гусев Семён, Степанов Николай, Малышев Василий, Машуков Арсений дали настоящую справку гр-ну Машукову Петру Тихоновичу в том, что он действительно был в партизанском отряде красных партизан с 1919 года апреля 25 дня. На северо-канском фронте под командованием командира эскадрона Дворяткиня и Якушенки.

Окончил службу в1923 году в январе участвуя как доброволец на Врангельском фронте Южного фронта.

Неподложность сего подписали партизаны (подписи)





Личная учетная карточка бывшего красногвардейца или партизана

ПАРТИЗАН

Машуков Петр Тихонович

Уроженец села Курай Дзержинского 1900 г.р.

Национ. – Русский

Член ВКП(б) ------ (прочерк)

Социальное положение. Средняк

Соцпроисхождение Средняк

Профессия Чернор.

Специальность Чернорабочий

Работа в настоящее время, специальность Бригадиром.

Семейное положение женат

Количество семьи 4

Из них на иждивении 4

Имущественное положение до 1920 г. Средняк

Теперь Камунар

Образование, грамотный, умеет читать, писать

Отношение к партизанским движениям.

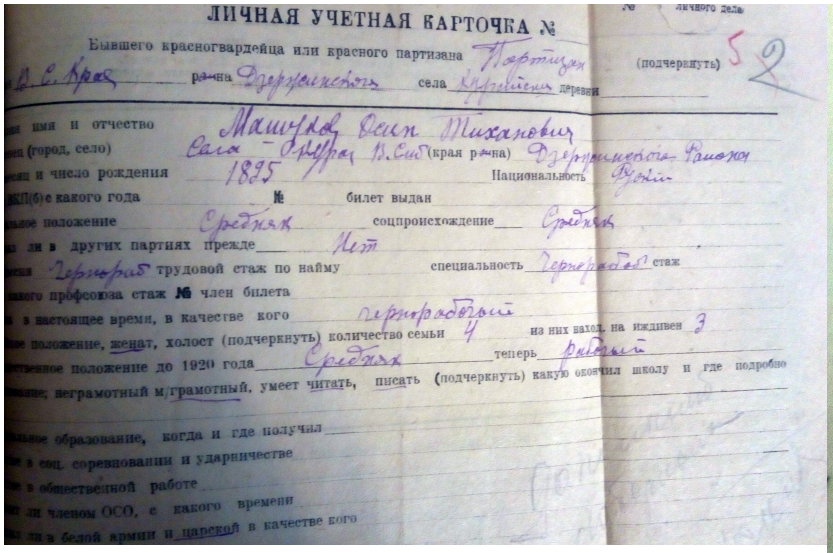
Был красным партизаном 1919 го 25 апреля по 1920 года декабря месяца

А потом перешол в Красную Армию 262 полка 30 див. До демибилизации ихних годов.

Был в боях в Бирусе село Курай.

Служил в Красной Армии 1920 по 1923 год.

21/III- 1933 г. (подписи)



ЛИЧНАЯ УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА №

Бывшего красногвардейца или красного партизана Партизан (подчеркнуть)

р-на Дзержинского села Курайского деревни

имя и отчество Машуков Осип Тихонович

(город, село) Села Курай В. Сиб (края р-на) Дзержинского района

и число рождения 1895 Национальность Русин

(б)с какого года № билет выдан

ное положение Средняк соцпроисхождение Средняк

ли в других партиях прежде Нет

Чернораб трудовой стаж по найму специальность Чернорабочий стаж

ного профсоюза стаж № член билета

в настоящее время, в качестве кого чернорабочий

ное положение, женат, холост (подчеркнуть) количество семьи 4 из них наход. на иждивен 3

ственное положение до 1920 года Средняк теперь рабочий

ание; неграмотный м/грамотный, умеет читать, писать (подчеркнуть) какую окончил школу и где подробно

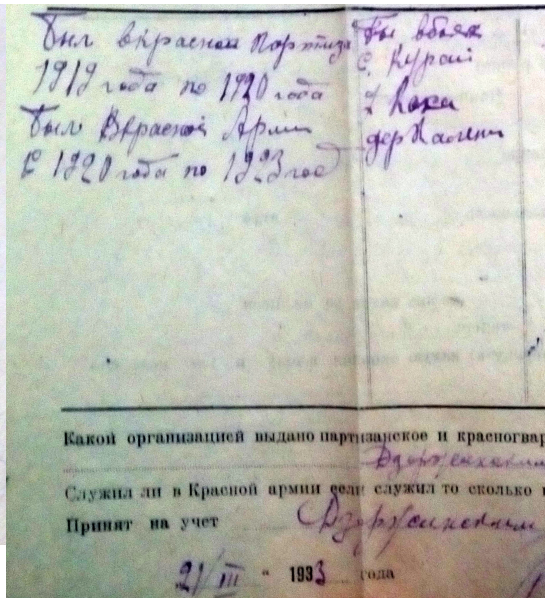
ное образование, когда и где получил

в соц. соревновании и ударничестве

в общественной работе

ли членом ОСО, с какого времени

ли в белой армии и царской в качестве кого



Был в красных партизанах 1919 года по 1920 года Был в Красной Армии с 1920 года по 1923 год

Был в боях с. Курай у Коси дер. Камни

Какой организацией выдано партизанское и красногвар

Служил ли в Красной армии сели служил то сколько

Принят на учет

21/III 1933 года

Личная учетная карточка бывшего красного партизана
Машуков Осип Тихонович
Уроженец села Курай в. Сиб края Дзержинского района 1895 г.р.
Средняк, Чернорабочий
Женат, количество семьи – 4
Из них на иждивении 3
Грамотный, умеет читать, писать
Служил в царской армии
Отношение к партизанским движениям
Был в красных партизанах 1919 года по 1920 года. Был в Красной Армии с 1920 года по 1923 год.
Был в боях с. Курай у Коси дер. Камни.
21/III – 1933г. Подписи

Самовар

Село Курай несколько раз переходило из рук в руки. Его занимали, то «белые», то "красные». С одного края села, партизаны уходили в лес, а с другого в него уже вступали части белой армии.

Бабушка Соломея отгоняла ребятишек от окон, больно стукая напёрстком по затылку, чтобы не глазели попусту. Опасаться приходилось всего.

Бабушкин дом в селе был самый большой, и белые почти всегда выбирали его себе на постой. По-хозяйски заходили во двор. Требовали корму коням, а себе еды и самогону.

Бабушка загоняла ребятишек на полати, и чтоб сидели ни гу-гу. Отсылала подальше с глаз молодых невесток, а сама прислуживала за столом незваным гостям.

Ребятишки, потихоньку выглядывая из-за занавески, заприметили, что «беляки» покидали патронташи с патронами на полку, что рядом с полатями. Когда те допились до невменяемого состояния, повыдёргивали патроны, набили ими полные за пазухи.

До партизан было недалеко, только плотину перебежать, да подняться в гору. Но на плотине – часовой, не пустит. Но тут кто-то предложил, а давайте возьмем самовар. Медный двухведёрный самовар тоже набили доверху патронами и потащили к реке.

У плотины[1] прохаживался часовой с винтовкой.

- А вы куда, мелюзга? А ну, домой!

- Там у нас дяденьки-офицеры чаю просят, нас послали самовар чистить.

Пулей перелетели через плотину, девченок оставили чистить самовар песком, а мальчишки с патронами карабкались в гору к партизанам. Партизаны их уже встречали. С горы им всё село – как на ладони, а в бинокль они узнавали лица своих родных и лица врагов.

Ребятишки потом не раз ещё бегали к партизанам, на них особо и внимания не обращали. Относили записки, и если ни заставали никого в условном месте, то оставляли послание в дупле большой сосны.

---

[1]Плотина в Курае Фото 2008 г.

Скачки

Отношение к лошадям в семье бабушки и дедушки было почтительное, им и особый уход, и корм лучший. Ребятишек к лошадям приучали сызмальства. А боронили так только ребятишки. Дедушка Тихон нарочно из своих внуков выбирал кого поменьше да полегче, чтобы лошадь меньше уставала. А Кланька росла худющей, так что лет с пяти частенько приходилось боронить. Дедушка подсадит на лошадку, на холку ей потничек подстелет, что бы помягче сидеть было.

А как-то раз Кланька даже скачку выиграла. Случилось это во время Гражданской войны. Клане тогда девять лет было. Село Курай много раз переходило из рук в руки, то «белые» занимали его, то «красные». В тот раз в селе стояли «белые». И как всегда для постоя облюбовали бабушкин дом, самый большой в селе.

По-хозяйски расположившись, они требовали еды, самогона и сена для коней. И среди этих прожжённых войной и жизнью вояк оказался совсем молоденький казачок. Он, наверное, был чуть постарше Клани, этот мальчик по имени Юра. В нарядной казачьей форме, подогнанной по его росту, в новеньких сапожках, он специально вышел позадаваться перед деревенской ребятнёй. Но когда он стал водить своего вороного конька, с тоненькими точёными ногами, под добротным седлом, и расхвастался, что на этом жеребчике его никто не обгонит, Кланино сердце не выдержало. Она вывела из стойла своего любимца Гнедка.

Ловко вскарабкавшись на его спину, ударила под бока голыми пятками. Почуяв знакомую легонькую ношу, Гнедко взмыл стрелой. И под свист и улюлюканье белоказаков гонка началась. Кланька летела, вцепившись в гриву и подпрыгивая на жёсткой хребтине. Она верила в Гнедко, уж он то её всегда понимал. Они с ним и в ночное не раз ездили, и в речке купались, и наперегонки мальчишкам не уступали. И пусть не думает этот расфуфыренный казачок, что если она девчонка, да ещё деревенская, то ему не ровня. Ветер раздувал её платьишко, две длинные тоненькие косички летели где-то далеко за спиной. И в своей победе она не сомневалась ни капельки.

А вечером её ждала «заслуженная награда». Дедушка Тихон, сняв со стены вожжи, лупцевал ими долго и от всей души. Кланька заливалась горючими слезами. Жалко было себя, жалко дедушку, но больше всего жалко было Гнедка. Вместо красавца-коня его стойло занимала чалая паршивая кобылка. Белые посчитали такой обмен справедливым, и что хороший конь им нужнее. [п6]

Через несколько дней за селом снова гремел бой. И всё село примолкло в ожидании исхода. Чья возьмёт, свои или «белые» войдут в село? Бабушка молилась перед иконами. И вот показались всадники. В село возвращались «белые». За всадниками потянулись телеги с ранеными, а потом и с убитыми: и Кланя увидала, как на одной из телег рядом с мужиком с чёрной окровавленной бородой лежит задавака и воображало – казачок Юра. И даже сейчас на его губах застыла ехидная ухмылочка. И было страшно и непонятно, зачем его положили рядом с убитым…

dzerzhinskoe.ru

Дзержинец

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙОНА

12+

10 ФЕВРАЛЯ 2017 г. Пятница № 6 (10201)

Издаётся с апреля 1931 года

РАССКАЗ

Скачки

Дни рождения для меня всегда были большой радостью, потому что каждый год поздравить меня приезжала из Красноярска моя мама. Привозила недорогие, но такие трогательные подарки, а для меня самым большим подарком был её приезд. Вот и в тот день на душе было празднично. Мы с мамой решили пройтись по улицам Большой Ури, и вдруг видим – у обочины дороги бьётся лошадь, запутавшись ногами в какие-то ремешки. Мама подошла поближе.

– Давай поможем лошадке, что ж она так мучается.

И она, ласково успокаивая конягу, распутала вожжи, поправила чересседельник, вставила на место удила.

А вдалеке по улице уже бежал, размахивая руками, пьяненький скотник. Мы привязали лошадь к столбу и пошли своей дорогой.

– Мама, где ты так научилась обращаться с лошадьми? – с удивлением спросила я. – Ты ведь всю жизнь прожила в городе.

– Ну, не всю жизнь. Детство-то у меня было деревенское. Прошло в селе Курай Христорождественской волости, сейчас это Дзержинский район.

Жила я в большой семье дедушки и бабушки, там ребятишек сызмальства приучали к лошадям. А боронили так только ребятишки. Дедушка нарочно из своих внуков выбирал кого поменьше да полегче, чтобы лошадь меньше уставала. А я росла худющей, так что лет с пяти частенько приходилось боронить. Дедушка подсадит на лошадку, на холку ей потничек постелет, чтоб помягче сидеть было, и боронишь, пока не сомлеешь.

Мама вдруг улыбнулась какой-то грустной улыбкой и сказала:

– Раз я даже скачку выиграла.

И замолчала надолго. А меня разобрало любопытство.

– Что же ты молчишь, расскажи!

И мама начала свой рассказ, потрясший меня до глубины души.

Случилось это во время Гражданской войны. Мне тогда девять лет было. Село наше Курай много раз переходило из рук в руки, то «белые» его занимали, то «красные». В этот раз в селе стояли «белые». И как всегда для постоя облюбовали бабушкин дом, самый большой в селе.

По-хозяйски расположившись, они требовали еды, самогона и сена для коней. И среди этих прожжённых войной и жизнью вояк оказался совсем молоденький казачок. Он был, наверно, чуть старше меня, этот мальчик по имени Юра. В нарядной казачьей форме, подогнанной по его росту, в новых сапожках, он специально вышел позадаваться перед деревенской ребятнёй. Но когда он стал водить своего вороного конька с тоненькими точёными ногами под добротным седлом и расхвастался, что на этом жеребчике его никто не обгонит, моё сердце не выдержало. Я вывела из стойла своего любимца Гнедка.

Ловко вскарабкавшись на его спину, ударила под бока голыми пятками. Почуяв знакомую лёгонькую ношу, Гнедко взмыл стрелой. И под свист и улюлюканье белоказаков гонка началась. Я летела, вцепившись в гриву и подпрыгивая на жёсткой хребтине. Я верила в Гнедка, уж он меня всегда понимал. Мы с ним и в ночное не раз ездили, и в речке купались, и наперегонки мальчишкам не уступали. И пусть не думает этот расфуфыренный казачок, что если я девчонка, да ещё деревенская, то ему не ровня. Ветер раздувал моё платьишко, две длинные тоненькие косички летели где-то далеко за спиной. И в своей победе я не сомневалась ни капельки.

А вечером меня ждала «заслуженная награда». Дедушка Тихон, сняв со стены вожжи, лупцевал ими долго и от всей души. Я заливалась горькими слезами. Жалко было себя, жалко дедушку, но больше всего жалко было Гнедка. Вместо коня-красавца стойло занимала чалая паршивая кобылка. Белые посчитали такой обмен справедливым, и что хороший конь им нужнее.

Через несколько дней за селом снова гремел бой. И всё село примолкло в ожидании исхода. Чья возьмёт, свои или белые войдут? Бабушка молилась перед иконами. И вот показались всадники. В село возвращались белые. За всадниками тянулись телеги с ранеными, а потом и с убитыми; и я увидела, что на одной из телег рядом с мужиком с чёрной окровавленной бородой лежит задавака и воображала-казачок Юра. И было страшно и непонятно, зачем его положили рядом с убитыми...

Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА (Ашурок)
г. Железногорск

п.6 Вариант рассказа «Скачки» читаный мной (автором) со сцены Всероссийского телевизионного фестиваля «Россия молодая» в феврале 2003 года.

Напечатанного в общественно-политической газете Дзержинского района «ДЗЕРЖИНЕЦ» 10 февраля 2017 г.

Игра в куклы.

После праздника Покрова Кланька пришла к подружке Ульянке поиграть в куклы. Головки своим куклам они делали из маленьких кочанчиков, вырастающих под нижними листьями больших капустных кочанов. Их так и называли – куколки. Капусту в огороде срубили, и на девчонок свалилось целое «богатство». Они забились в уголок за занавеской и там наряжали своих «деточек». Привязывали к длинным шейкам куколок скрученные из тряпочек кофточки, к кофточкам – юбочки, повязывали платочки. Из красных ягод марьина корня низали для них бусы. Высыхая ягодки сморщивались и превращались в чёрные «кораллы»

Фамилия Ульянки так же как у многих в Курае была Машукова, но её отца звали по кличке Данилка-Пузанок. Был он человек недалёкий, придурошный.

В сенях громко застучало, девчонки затихли в своём уголочке. А к Пузанку пришёл незнакомый мужик в длинной дохе и стал его расспрашивать, кто в селе партизаны. Пузанок назвал соседей и Кланькиных дядей, дядю Петю и дядю Ваню.

Кланька мышкой выскользнула за дверь и помчалась домой. С порога, запыхавшись, выпалила: «К Пузанку пришёл чужой дядька в длинной дохе, спрашивал про партизан. Он вас назвал и соседей назвал».

Иван позвал брата: «Петро! Собирайся, быстро! Уходим в лес. А ты, Кланька, беги до соседей. Скажи пусть тоже уходят».

Колчаковцы, что бы обойти партизан через лес, построили на болоте лежнёвку. Для этого сгоняли крестьян из окрестных деревень на валку леса. Остатки этой лежнёвки, дороги из лежащих поперёк брёвен, можно увидеть до сих пор.

Во время раскулачивания большое хозяйство Кланькиных бабушки и дедушки не было раскулачено, но не, потому что их сыновья сражались за Советскую власть, а только потому, что не держали они батраков, обходились своими силами. Назвать их эксплуататорами трудового народа никак было нельзя.

Глава «Страшная»

Зимой дядя Саша поехал в лес по дрова и взял с собой Кланьку. Кланька осталась в избушке, растопила печь, поставила котелок, варить похлебку. Нашла за печкой веник и взялась наводить в избушке порядок. Вдруг дверь распахнулась, на пороге стояли трое бродяг. Двенадцатилетняя девочка со страху забилась за печь и стояла там, прижав к груди веник.

Непрошеные гости вели себя по-хозяйски. Прямо руками выхватывали из котелка не проварившееся мясо. С чавканьем обгладывали кости. Обжигаясь, выпили через край похлёбку. И только насытившись, обратили внимание на перепуганную девочку. То, что кричать бесполезно, Кланька поняла сразу, но грубая грязная ладонь зажала ей рот.

Вдалеке тюкал топор дяди Саши. И под его ударами падали на снег берёзки, одна, другая, третья…

Беда не ходит одна. После пережитого ужаса Кланька стала просыпаться по ночам в мокрой луже. Бабушка Саломея позвала для Кланьки знахарку. По мелочам бабушка заговаривала болезни сама. Она лечила живот смешным заговором:

Не коли в бока,
Не коли в ребра,
Коли в жопу,
Жопа выпернет.

При этом водила рукой вокруг пупка «по солнышку» и боль проходила.

Порезы она крепко зажимала пальцами и читала «Отче наш» и специальную молитву:

Иисус Христос
Ехал через мост.
Конь споткнулся,
Ногу поранил,

А кровь не канет.

И кровь действительно останавливалась. Но с Кланькой случай был особый. Знахарка кропила Кланьку водой, читала молитвы, что бы укрепилась в ней жила водяная. В конце лечобы посадила Кланьку на печную заслонку и отлупила прутом, выдернутым из метлы.

После такого «лечения» Кланька проснулась в ещё большей луже.

Ребятишки взбунтовались, никто не хотел спать рядом с «вонючкой», и Кланьку отправили спать в стайку к овцам. Она стелила себе свежей соломы. Овец было много, и от их дыхания в стайке становилось тепло.

Так продолжалось почти два года, пока однажды Кланька проснулась, как это часто бывало мокрой, но обнаружила, что это кровь. Испуганная, прибежала она к бабушке. Но та только разулыбалась над её несчастьем.

-Это ты взрослеешь, девкой становишься.

Отколов с кофты булавку, показала, как подоткнуть нижнюю рубаху, что бы было «на белье». И строго настрого наказала, чтобы ни один мужчина, никогда не увидал ни капли её крови. В завершении бабушка нахлестала девочку по щекам ладонью, приговаривая, чтоб цвели, как маков цвет и не вяла её девичья краса.

Больше мокрых неприятностей у Кланьки не случалось.

У мамы в Краснотуранске

Большинство жителей Курая носили фамилию Машуковы. Что бы как-то различать были придуманы различные прозвища: Петушковы, Абрамовы и другие. Клаиных сестёр и братьев в деревне звали «Тихонята». На вопрос – «Чьи вы?» - отвечали «Тихоновы». Кланя так и считала, что это их фамилия. И только уезжая из деревни в пятнадцать лет узнала, что так их звали по имени дедушки Тихона, а фамилия у всех была Машуковы, и только у неё фамилия была папина – Устинович.

Хотя называть отца папой – это по-городскому, а в деревне и дети и взрослые отца называли тятей. А папой назывался хлеб.

- «Тятя, дай папы». (Отец, дай хлеба).

Мама приехала за Кланей, когда ей исполнилось пятнадцать лет. Повезла она её в Краснотуранск. В то время они там жили. Отчима – дядю Ганю часто переводили по службе. До этого они жили в Худоеланске, Усть-Ербе и других местах.

И вот Кланя в родительском доме. Но совсем не по-отцовски, тяжелым масленым взглядом посматривает на подросших падчериц отчим.

Мама приготовила для Клани угощение – помидоры. Кланя с восхищением смотрела на такую невидаль. В Курае такого не росло ни у кого. Какие они красивые, красные и, конечно же, очень сладкие. Кланя откусила кусочек и тут же выплюнула: - «Фу, какая гадость!»

- Доча, попробуй со сметанкой, с зелёным лучком, тебе понравится.

Нет, всё равно – не вкусно. Клавдия потом всю жизнь недолюбливала помидоры за тот обман её детских ожиданий.

В Краснотуранске Клава подружилась с Леусовой Валентиной, потом они уже взрослыми встречались в Красноярске, поддерживали зародившуюся в детстве дружбу.

Оказалось, что Клаиины деревенские школьные знания никуда не годятся, и мама наняла для неё учителя.

Оставшись одна в доме, Кланя подошла к большому зеркалу в тёмной раме. Зеркало висело на стене под наклоном и стоило чуть отойти, оно отражало её в полный рост. Отражение в зеркале Клане понравилось. Из зеркала на неё смотрела темноволосая девочка с совершенно правильными чертами лица и большими карими глазами. «Папин портретик» - называла её мама.

Рядом с зеркалом стоял гардероб. Кляня обнаружила в нем несколько нарядных маминых платьев. Там же стояли туфли на высоких каблуках. Часами Кланя кружилась перед зеркалом, то

представляя себя заморской принцессой, то знатной дамой.

Но приходил учитель, и приходилось садиться за скучнейшие занятия. Учитель рассказывал какую-то ерунду и у него так смешно топорщились усы, когда он говорил. А Кланя мечтала: - «А что если взять шляпу отчима (все равно он её не носит) и прикрепить к ней мамин газовый шарф, получится очень красиво. Барышень в таких шляпках она видела на картинках, которыми была обклеена изнутри крышка сундука, ещё там, в бабушкином доме.

Когда через месяц мама принесла учителю деньги за обучение, он отказался их брать, сказал: «Ваша девочка – дурочка, я её ничему не научил».

- Кланечка, твой отец был грамотным, за это его очень уважали в деревне. Он бы очень огорчился, если бы мог видеть, как ты неприлежно учишься – укоряла мама, и наказала – Учителя слушай внимательно. Всё, что он говорит, запоминай.

Занятия продолжились. И случилось чудо! Непонятные раньше цифры выстроились в логические ряды. Рассказы учителя из истории и географии стали захватывающе интересными. Кляня испещряла тетради рядами ровных крупных букв, почти не делая ошибок. Ей очень хотелось походить на своего отца, которого помнила только по рассказам матери, но очень им гордилась.

Когда мамы не было дома, а сестричка Мариичка и брат Вася ушли в школу, Кланя затеяла уборку в комнатах. Только отчим сидел за столом и следил за ней как кошка за мышкой. Вдруг он резко встал, обхватил Кланю жилистыми руками и, прижав к себе, стал тыкаться мокрыми губами куда-то ей за ухо.

- «Сейчас же отпустите, а то так заору, что все соседи сбегутся!»

Отчим нехотя разжал руки и, уйдя в сени, долго там откашливался, словно поперхнувшись.

«Себя я спасла, а вот сестричку свою не сумела» - вспоминала потом Клавдия. Лет через шесть скорбное известие привело её опять в родительский дом.

Повесилась её девятнадцатилетняя сестричка Мариичка. Клавдия сама разговаривала с врачихой производившей вскрытие, и та ей сообщила, что сестра её была на пятом месяце беременности. Не родившийся младенец был мужского пола.

Клавдия понимала, что все разговоры о несчастной любви и каком-то незнакомом парне – пустое. Мариичка была тихой домашней девочкой, дома её и подстерегла беда. Но как сказать об этом безутешной матери, она не знала.

Портрет сестры Маришки

Школа

Для дальнейшего обучения Кланю собирались отправить в Красноярск. Соседский парень взялся отвезти её документы в школу. Ему всё равно по пути и школу он знает.

И вот Кланя в большом городе. Остановилась она у сестёр Гавриила Дормидонтовича, живших вместе на Каче[1], в небольшом домике с крохотным огородиком. Эти милые женщины целыми днями строчили на машинке платья, отделывали их вышивками, а в выходной продавали на барахолке, тем и жили.

Кланя пришла в школу, но там её документов не оказалось. Может этот парень что-то напутал? Кланя обошла другие школы, но нигде документов не было, и нигде её не брали.

Отчаявшись, она зашла в кабинет директора и, встав на коленочки, попросила: «Возьмите меня в школу, я очень хочу учиться». И Кланю взяли.

В этой школе-девятилетке с педагогическим уклоном обучение велось бригадным методом. Класс делился на бригады, а в бригаде каждый ученик отвечал за свой предмет. Клане досталась математика.

Когда учитель задавал классу вопрос, вставал бригадир и говорил: «Отвечать будет вот такой-то ученик». Оценка ставилась всей бригаде. Кланя очень старательно готовилась к математике, что бы ни подвести бригаду. По остальным предметам знания были весьма поверхностны.

По окончании школы, Клавдию с комсомольской путёвкой, по линии ликбеза направили в северную деревню[2], обучать население грамоте. Школа размещалась в «Красном чуме», хотя это был совсем не чум, а сельский клуб, больше похожий на деревянный сарайчик, но с теплой печкой, керосиновой лампой и школьной доской, заставленный несколькими столами и лавками.

Среди жителей было много коренных северян, действительно живших в настоящих чумах.

Днем Клавдия проводила уроки с детьми, а вечером обучала грамоте взрослых. Кроме того читала собравшимся вслух газеты. Со взрослыми работать было попроще, они хотя бы её понимали, а маленькие северята почти не знали русского языка. Они приходили на уроки в мешковатых меховых одеждах, усаживались прямо на пол между лавок, радуясь теплу и освобождению от каждодневных работ, доставали из-за пазухи трубочки, раскуривали их. На все замечания молоденькой учительницы, только лопотали что-то на своем языке.

Многое в жизни северян было для Клани удивительным и так непохожим на жизнь в её родной деревне. Их маленькие, никогда не плачущие дети целые дни проводили в кожаных сумках, притороченных на боку оленей, поглядывая на мир черненькими глазками. В эти сумки вкладывали болотный мох (сфагнум), впитывающий много влаги и очищающий от любой заразы. Когда мох загрязнялся, его меняли на свежий.

Потом Кланя узнала, что этим мхом можно лечить раны, использовать в перевязках.

В тот день Клавдии нужно было везти в райком комсомола отчет о проделанной работе. Она запрягла лошадь и уже садилась в одноколку, когда к ней подбежал парень, секретарь их комсомольской организации и сказал, что ему срочно нужно в райком, а её отчет он завезёт сам. Но не успел он выехать за село, как раздался выстрел из кулацкого обреза.

Хоронили парня всем селом. У Клавдии долго хранилась фотография с тех похорон, на ней толпа народа на площади, лиц не разобрать, возможно, среди них и тот, кто стрелял.

На следующий день после похорон Клавдия, никому не докладываясь, сбежала из этой деревни в Красноярск. Она просто опасалась за свою жизнь.

---

[1]Речка Кача – исторический центр Красноярска. Отряд казаков Андрея Дубенского остановился на стрелке при впадении Качи в Енисей. Это было первое поселение. Рядом обрыв с красной глиной, отсюда - Красноярск.

[2]Увы, я не знаю названия этой северной деревни. Миля тоже не помнила. Больше спросить не у кого.

Комсомольская юность

В Красноярске в те годы было только две крупные организации ПВРЗ (паровозо-вагоноремонтный завод) и речное пароходство. И ничего не было удивительного в том, что Клава связала свою дальнейшую судьбу с Енисейскими речниками. Должность её называлась секретарь-стенографистка. Это была не просто работа, это был образ жизни – представлять собой лицо всей организации. По неписаным правилам все секретарши одевались очень модно, даже изысканно. У Клавы появилась длинная до щиколоток черная юбка-годе, с черным лаковым пояском, белая блузка, отделанная узким кружевом, у воротничка тонкий бархатный шнурок, завязанный маленьким изящным бантиком, фильдеперсовые чулки и черные лаковые туфли на высоком каблуке. Ухоженные руки и наимоднейшая стрижка «под фокстрот» завершали образ. Для выхода на улицу имелось тёплое пальто, сапожки «Джимми» из мягкой кожи на низеньком каблучке и белая пуховая шаль, повязанная вокруг головы особым образом так, что широкий угол, ложась красивыми складками, закрывал одно плечо, а узкий свободно свисал с другого.

А вокруг неё кипела бурная комсомольская жизнь. И она принимала в ней самое активное участие.

Повестка одного из комсомольских собраний звучала так: «Может ли комсомолец носить галстук? Может ли комсомолка носить сережки?». Диспут вылился не в обсуждение, а в бичевание буржуазных пережитков. Вердикт был вынесен жесткий – нет, не могут!

А Клава и не носила никогда серёжек. Уши ей проколола ещё в детстве бабушка, прямо на покосе, во время отдыха. Она послюнила пальцы, натерла ими мочки и проткнула их большой булавкой. Потом продернула в дырочки нитки.

Выдернула она их из подола своей холщевой рубахи, завязала узелки и велела ниточки иногда передёргивать, что бы дырочки ни заросли. Другим бабушкиным внучкам родители дарили дешёвенькие серёжки, а Клане никто не дарил, ни каких. И дырочки в ушах превратились в маленькие зёрнышки, различимые только на ощупь.

У речников Енисея был свой клуб с революционным названием «Красный бурлак»[1]. Клава очень скоро стала в нём завсегдатаем танцевальных вечеров, концертов, диспутов, но больше всего её привлекал театр. Самодеятельный театр речников имел солидный репертуар, а Клавдии стали предлагать в нём ведущие роли. Она играла в пьесе Островского «Без вины виноватые», исполняла Любовь Яровую в спектакле Тренёва с тем же названием.

В комедии «Жена по паспорту» играла бойкую домработницу, которую пытается соблазнить молодой балбес – хозяйский сынок. Его мать, заметив это, что бы как-то спасти ситуацию и избежать огласки ведёт их в ЗАГС. Но сыночек никак не хочет воспринимать домработницу в качестве жены. У него есть подружка – этакая модная фифочка. Но острая на язычок домработница так отбрила её по телефону, что зал покатывался со смеху. В финале пьесы она всех ставит на свои места и становится хозяйкой в доме.

Комсомольцы и сами писали сценарии на злободневные темы. Одним из самых

[1]Клуб «Красный бурлак» находился на перекрёстке проспекта Мира и улицы Сурикова, напротив церкви.

талантливых по праву считался Яшка Яхонтов. В одной из его постановок Клавдия сыграла роль Буржуазной Революции. Её, в белом длинном платье, в парике с длинными белыми косами, восседающую на носилках выносили на сцену буржуй, фабрикант, банкир и кулак. Но на сцену выбегала девушка в черной кожанке и красной косынке в окружении революционных матросов (она изображала Пролетарскую Революцию) и опрокидывала Буржуазную Революцию.

Кроме таланта сценариста, Яша слыл ещё отличным танцором и галантным кавалером. Когда он приглашал на танец Любочку, все расступались, чтобы полюбоваться этой парой. Любочка порхала бабочкой, а Яшка выделывал такие коленца, что народ только ахал. Во время какого-то сложного па Любочка вдруг как-то странно засеменила ногами.

Яша Яхонтов, друг семьи.

Оказалось, у неё лопнула резинка, и шелковые розовые трусики скользнули в низ. Яшка в мгновение ока, упав на одно колено и, подав партнерше руку, повёл её вокруг себя. Любочке ничего не оставалось, как обежать круг.

В это время Яшка движением иллюзиониста, другой рукой поднял злосчастный предмет и засунул себе в карман, и как ни в чем не бывало, продолжал танец. И только потом свою партнёршу, уже в полуобморочном состоянии отвел в грим-уборную. Притворив за собой дверь, обратился к стоящей рядом Клавдии – «Хоть ты её успокой. Никто же ничего не понял».

- «Чего не понял?» - переспросила Клавдия и поспешила к рыдающей Любочке. В дверь постучали. Это снова был Яшка.

-«Мадам. О, пардон, мадемуазель, вы обронили свой кружевной платочек», и положил на край гримировочного столика розовый комок. Любочка билась в истерике.

Но не только в стенах своего любимого клуба «Красный бурлак» молодежь проводила время. Походы, песни у костра, зимой – лыжи. Особо любимыми были выходы на «Столбы».

Компания на Столбах.

У речников на Столбах была своя избушка. Собирались обычно большой компанией. Такие постоянные компании «столбистов» даже имели свою форму одежды. Речники носили на ногах колоши, подвязанные верёвочками. Колоши обязательно новые с нестёртым рифлёным рисунком на подошве, что бы ни скользить по скалам.

У парней широкие сатиновые шаровары дополнялись широким галстуком с крупным узлом, а вот рубашки под галстуком не было, и ничего не было.

Это считалось особым шиком и отличало от других компаний, одевавшихся не менее экстравагантно.

Повальное увлечение спортом захватило и Клаву. Она отлично бегала и на короткие и на длинные дистанции, видно сказалась деревенская закалка. Частенько занимала призовые места.

Однажды ,поздно вечером, два парня хулиганского вида преградили ей дорогу. Она жулькнула лежащим в кармане механическим фонариком. От неожиданного звука парни расступились. Она прошла между ними и пустилась бежать, уверенная, что они её не догонят.

Иосиф Козулин

Однажды к квартирной хозяйке Клавдии зашла её приятельница Анисья Федоровна и очень удивилась: - Интересно, почему это у твоей жилички на тумбочке стоит фотография моего племянника Иосифа?

- Так это же её кавалер. А что, племянник твой хороший парень?

- Племянник мой – всем парням парень и красивый и образованный, единственный сын у родителей. Сестра моя души в нём не чает. А что за девушка твоя квартирантка?

-Да уж не хуже твоего племянника. Садись-ка к столу, самовар вскипел.

Но и за чаем приятельницы продолжали оживленно шептаться.

Иосиф Козулин был лидером по натуре. Обладал даром красноречия и умел убеждать. Не зря комсомольцы избрали его своим вожаком. Очень любил игру в шахматы и, хотя чаще проигрывал, чем выигрывал, но играл так азартно, что посмотреть на это зрелище, поболеть за него собирались все окружающие.

А вот как о своём пионерском детстве вспоминает красноярский писатель Георгий Кублицкий в книге «Уходит река к океану…»

«Отряд устраивал походы. Во главе с вожатым Осей Козулиным мы переправлялись через Енисей на плашкоуте – «самолёте», который удивлял всех приезжающих. От берега к берегу его гоняла бешеная сила течения. Толстый и длинный трос был закреплён на мертвом якоре возле Посадного острова.[1] С десяток больших тяжёлых лодок, расставленных вдоль троса, поддерживали его так, чтобы он нависал над водой. Отвалив от берега, паромщики, вращая большое деревянное колесо, ставили два длинных руля парома под углом к течению. Течение, ударяя в рули и борта, заставляло плашкоут описывать дугу к причалу противоположного берега. Так и «качался» он, подобно маятнику на своем стальном тросе, перевозя за день сотни подвод и тысячи пассажиров. А управлялись с этим делом два паромщика и Енисей.

Так вот мы переправлялись через Енисей, пересекали остров, дожидались второго плашкоута, действующего на протоке и, в конце концов, высаживались у песчаного берега. За домиками огородников, поселившихся возле переправы[2], начиналась степь с перелесками. Она тянулась до заречных гор. Ни души, одни суслики насторожено торчали у нор рыжими столбиками.

Мы воспитывали волю и выносливость. Воды с собой не брали, под июльским солнцем брели босиком по жесткой траве к горам. Будь у нас барабан или горн – было бы легче. Но в отряде по бедности не было ни того, ни другого. Шагали под песню:

Пионер, будь готов
Бить буржуев, кулаков…»

Клава всегда поражалась: почему за Иосифом идут люди, почему ему доверяют? И не только молодежь, но и люди умудрённые жизнью прислушиваются к нему. Сколько же ему лет? На вид совсем молодой, симпатичный. Под каким-то предлогом она заглянула в его учетную

---

[1]Современное название – «Остров отдыха».

[2]Современная правобережная предмостная площадь.

комсомольскую карточку. Увиденное её сразило. Оказалось, Иосиф не старше её, а младше. На целых шесть дней! Оба они 1909 года рождения, но она родилась шестого ноября, а он – двенадцатого.

Комсомольцы собрались в «Красном уголке»[1] за выпуском очередного номера стенной газеты. Заметок набралось много, они уже не помещались на столе, часть их разложили на полу. Тут же у стола пытались примоститься художники с красками, но их отправили работать на подоконник. И тут кто-то предложил: «А пойдёмте к Осе Козулину. У него дом большой, свободно». «Конечно, пойдём» - подхватил идею Иосиф.

Большой, светлый дом на Дубровинского[2] блистал чистотой и уютом. Множество высоких стрельчатых окон заливали его светом.

Мама Иосифа – Любовь Никифоровна приветливо встретила молодежь. Усадила всех пить чай. За чаем спросила: «Девушки, кто из вас умеет доить корову?

- Я умею – не подумавши ляпнула Клавдия.

- Вот и хорошо. Останешься за меня на хозяйство? Мне к мужу нужно съездить в Новосёлово. Коровка у нас смирная, а я дня за три обернусь.

- Но как же я успею, рано утром – засомневалась Клавдия – я живу на квартире, это далеко от сюда.

- А зачем тебе идти на квартиру? Можешь и здесь ночевать. Дом большой, место всем хватит.

И вот Кланя идет с работы под ручку с Осей к нему домой. Вместе они управляются по хозяйству, вместе готовят ужин. Особенно Клавдию поразила кладовая в Козулинском доме. Вся заставленная бочками с солёной рыбой, и с потолка, подвешенные на крюках, касаясь хвостами пола, свисали огромные рыбины.

Постель Клава постелила себе на сундуке. А Иосиф ушел спать в свою комнату. Утром под ручку шли на работу.

Любовь Никифоровна загостилась у мужа, вернулась она только на пятый день. Занесла в дом корзины с рыбой и поспешила проведать свою любимицу – коровку. Прошлась по стайкам и порядкам осталась довольна.

Вечером, как обычно, под руку пришли с работы Ося с Клавой. Она усадила их ужинать. А за ужином и заявила: «Что же это получается, молодые люди, вы вместе спите, а не расписаны, Не по-людски это».

- Да мы и не спали – начала было оправдываться Кланя, но Иосиф сильно сжал ей под столом руку и, глядя прямо в лицо, спросил: «Разве ты против, расписаться со мной?»

- Нет ни против – прошептала Кланя, опустив глаза.

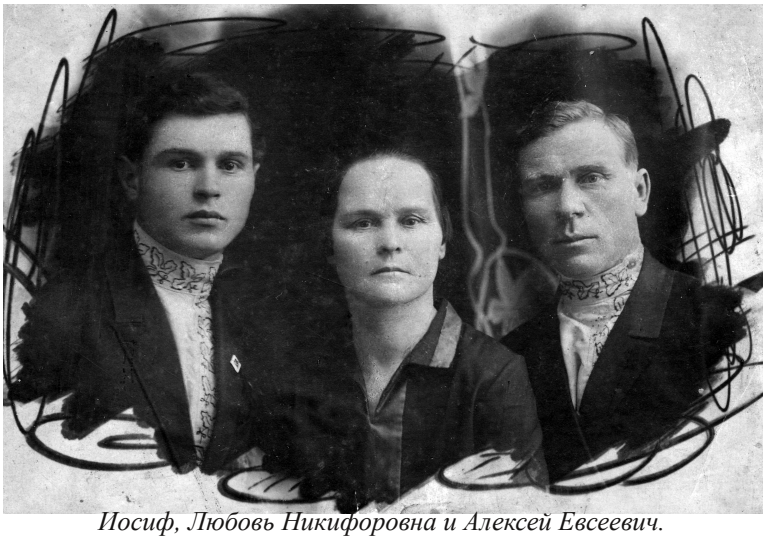
---

[1]Красный уголок – советский аналог красного угла избы, спец. выделенное место в пространстве производственного типа, предназначенный для идейно-воспитательного воздействия, как средства коммунистического воспитания. Были первичными центрами агитационной работы. К.У. работали под общим руководством партийных, профсоюзных и комсомольских организаций.

[2]Улица Дубровинского и сейчас в Красноярске – левобережная набережная Енисея. Дом стоял в районе современного ресторана «Енисей Батюшка».

Семейная тайна.

Клава вошла в семью Козулиных, как родная. Любовь Никифоровна и Алексей Евсеевич отнеслись к ней как к дочери, радуясь счастью своего сына. И неустанно говорили невестке, как они её любят. Кланя однажды возразила: «Но ведь сын вам родной, поэтому вы его любите больше».



Иосиф, Любовь Никифоровна и Алексей Евсеевич.

- Оба вы мне одинаковые – в сердцах бросил Алексей Евсеевич. Тут-то и открылась семейная тайна. Оказалось, что по-молодости Любава любила молодого графа Горохова, шибко любила. Работала она тогда поварихой на пароходе, а Иосиф Горохов был капитаном на этом пароходе. Но строгий родитель – Горохов старший, на брак сына – графского отпрыска с кухаркой не согласился, а отправил его на учебу в далекий Санкт-Петербург.

Тут-то и посватался к ней матрос с того же парохода - Алексей Козулин, прикрыл собою девичий грех, и мальчонку народившегося на себя записал.

Любава других детей рожать не захотела, что бы ни делить с ними единственную любовь.

Иосиф очень любил и уважал отца Алексея Евсеевича. Сам, рожденный на Стрелке, в месте слияния Ангары и Енисея, он разделил с отцом и его любовь к могучей сибирской реке. «Мы – Енисейские речники» - не без гордости говорил он и в другой профессии себя не мыслил.

Капитан Иосиф Иванович Горохов

В 1928 году Иосиф был принят в коммунистическую партию. Партийную комиссию по приёму возглавлял капитан Иосиф Иванович Горохов.Козулина расспрашивали по истории партии, задавали вопросы о текущем политическом моменте. Он прекрасно ориентировался и в том и в другом. Потом спросили о его происхождении.

Глядя прямо в лицо Иосифу Горохову Иосиф Козулин чеканил слова: «Отец мой Козулин Алексей Евсеевич, потомственный речник, начальник пристани в селе Новоселово…»

Простить бывшему графу предательство своей матери он не мог.

В семье Козулиных

Всё в новой семье Клавдии было не так в её родительском доме, и уж конечно не так, как в деревне у бабушки. Даже готовили здесь по другому.

Когда-то Любовь Никифоровна кухарила в еврейской семье, и еврейские традиции привнесла в уклад своего дома. Так каждая каша готовилась со своей приправой: пшённая каша подавалась с молоком, его наливали прямо в тарелки, к гречневой поджаривались шкварки. Густую манную кашу выливали в глубокий лист, и когда она застывала, сверху заливали густым ягодным киселём, и снова выносили на холод. Потом резали на кусочки, получалось вроде небольших пирожных, красиво и вкусно. И только рисовую кашу ели с маслом.

В июне 1931 года Алексей Евсеевич вместе с женой в новую навигацию ушли по Енисею на Север. За хозяйку в доме осталась Клавдия. На её попечение кроме большого хозяйства, оставили ещё и бабушку Дашу – мать Любови Никифоровны. Она была к тому времени совсем «плохая», вот старшая из дочерей и взяла её к себе.

Клава уже не ходила на работу, ждала своего первенца, дохаживала последние сроки.

Подошла она, в который уже раз к бабушке Даше и видит, что той совсем плохо, последние минуты доживает. Жалея бабушку и не зная как ей помочь, Клавдия присела к ней, положила её падающую голову к себе на колени, прижала к своему большому животу. Под её убаюкивание медленно угасала одна жизнь, а рядом за тоненькой, туго натянутой живой оболочкой толкалась, заявляя о своём существовании новая нарождающаяся жизнь.

Когда Иосиф вернулся с работы, бабушка уже отошла. Набежавшие в дом соседи, родственники пытались выпроводить Клавдию из дома.

- «Беременная не должна смотреть на покойников».

- Зачем мне теперь уходить, когда бабушка умерла у меня на руках, - недоумевала Клавдия.

Бабушку Дашу (Авдотью Михайловну) похоронили, не дожидаясь возвращения домой Любови Никифоровны с мужем.

Через несколько дней после похорон бабушки Даши Клавдия родила девочку.

Дочка родилась 4 июля. Иосиф предложил назвать её Милей, Милкой.

Авдотья Михайловна с внуком Иосифом на руках и Любовь Никифоровна

«Какая-то коровья кличка» - возразила Клавдия, - «Уж лучше Людмилой». Так и записали, но для родных она так и осталась Милей, и сейчас кажется роднее этого имени и не найти.

«Первая дама» города Красноярска

В 1934 году было организовано в Красноярске Енисейское речное пароходство, и первым его начальником был назначен Иосиф Алексеевич Козулин[1].

После рождения дочери семья переехала в свою квартиру на улице им. Карла Маркса. Квартира большая, с желтой деревянной лестницей в комнаты на втором этаже. Этот деревянный двухэтажный дом стоит и сейчас.

Могла ли подумать деревенская девочка, спавшая с овцами на соломе, что станет «первой дамой» города Красноярска и первой в нём красавицей[2]. Её муж – начальник одного из ведущих предприятий города. Она продолжала работать секретарём-стенографисткой, теперь уже при муже, продолжала участвовать в спектаклях клуба «Красный бурлак». И ещё пела, аккомпанируя себе на гитаре. Один из наиболее часто звучавший со сцены номеров в её исполнении, был цыганский романс «Соколовская гитара»[3]. Занятия по вокалу в Народной консерватории проводил с ней Пётр Словцов[4], выпускник Московской консерватории, солист Киевского оперного театра.

Год Клавдия просидела дома с маленькой дочкой. Что бы жена ни заскучала, Иосиф принес ей билет в театр Пушкина, а сам остался дома с ребёнком. Вернувшись со спектакля, Клавдия застала дома интересную картину. Миля и не думала засыпать, впервые расставшись с мамой, она плакала и плакала, а отец уже перепробовав все педагогические приёмы, играл для неё на гармошке.

Помня прошлые успехи Клавдии в спорте, к ней пришли с работы и стали уговаривать пробежать за коллектив кросс по улицам города. Она сначала отказывалась, потом всё же согласилась, но год без тренировок сказался самым пагубным образом. На середине дистанции она сорвалась и с тех пор в соревнованиях не участвовала.

---

[1]История Красноярского речного порта

Красноярский речной порт был образован 1 апреля 1934 года в результате объединения пристаней Красноярск №1, 2, 3, 4, и баз «Енисей», «Конный остров», «Злобино», «Шпалопропитка», «Лесоэкспортная площадка».
Порт располагался на левом берегу Енисея. Предприятие почти не имело механизации. Единственным подспорьем грузчиков были тачки и тележки. Помимо переработки грузов порт занимался перевозкой пассажиров на пригородных и транзитных линиях. К нему были приписаны пароходы, баржи, лесовозы, паромы и глиссирующие теплоходы.
Первым начальником речного порта был назначен потомственный речник, красноярец Иосиф Алексеевич Козулин.

[2]В студенческие времена я жила в общежитии пединститута рядом с речным вокзалом. Мама приехала меня навестить, и мы с ней гуляли по набережной Енисея недалеко от речного вокзала. К нам подошёл мужчина, оказалось, что это давний знакомый Василий Чечкин (один из трёх братьев Чечкиных, в своё время очень известной семьи). Вот он-то мне и сказал: « А ты знаешь, что твоя мама была самой красивой женщиной в Красноярске, первой красавицей. Фотографии не могут передать того какой она была, по жизни она выглядела гораздо интересней».

[3]Один из вариантов цыганского романса «Соколовская гитара»

Соколовский хор у «Яра»
Был когда-то знаменит.
Соколовская гитара
До сих пор в ушах звенит

Тройка мчится быстро к «Яру»
Сердце рвется на простор,
Чтоб забыться под гитару,
Услыхать цыганский хор.

Там была цыганка Аза.
Запоет – прощай печаль!
Жизнь прекрасней станет сразу,
Все за жизнь отдать не жаль.

Но судьба не пощадила,
Ведь она порою зла –
Как-то Аза простудилась
И, бедняжка, умерла.

В этот день все гости «Яра»
Не могли вина не пить.
Соколовская гитара
Не могла зазвеселить

Соколов не вынес муки –
Больше всех по ней тужил,-
Взял свою гитару в руки,
Пополам переломил.

И теперь приедешь к «Яру»
Грусть-тоска тебя возьмет:
Соколовская гитара
Никогда уж не споет.

Город и имена. Пётр Словцов

В 20-30 гг. прошлого столетия всесоюзную славу приобрёл уроженец села Устьянское Канского уезда оперный и камерный певец Пётр Словцов (1886-1934). Его называли «сибирским соловьём».

Родился Пётр в семье церковного дьякона. С детства обращал на себя внимание звонким серебристым голосом. После смерти отца в пятилетнем возрасте мать перевезла его в Красноярск и отдала учиться в духовное училище, а затем в семинарию. После её окончания Словцов поступает учиться в Варшавский университет на юридический факультет. Но через полгода он покидает вуз для обучения пению в Московской консерватории в классе профессора Горди.

Словцов был солистом Киевского оперного театра, работал в Петрограде, выступал с Шаляпиным, Неждановой. Но всегда считал, что Сибири оперное искусство также необходимо, как столицам. И в 1918 г. переехал в Красноярск. Вместе с женой Риоли-Словцовой создал в родном городе Народную консерваторию, а затем оперный театр. Залы на спектаклях были переполнены. Любовь к певцу в городе была так велика, что красноярцы, зная, когда он репетирует дома, собирались толпами под его окнами.

После смерти мужа Маргарита Риоли-Словцова ещё 20 лет преподавала в Красноярске. Одна из её учениц - профессор Красноярской академии искусств Екатерина Иоффель.

Нельзя сказать, что имя Словцова земляками забыто. Но долгое время должной славы не воздавалось. Так, улица имени выдающегося тенора находится на отдалённой окраине. Сегодня справедливость восстанавливается. В начале года в Красноярске прошёл фестиваль, посвящённый 125-летию со дня рождения певца. Возможно, не последнюю роль в этом сыграл выход в 2007 г. диска с его архивными записями. А спустя год в Америке был издан аудиосборник «Пётр Иванович Словцов. Русский тенор». Теперь на англоязычном сайте о нём упоминают как о мировом оперном теноре.

Его называли «сибирским соловьём».

ВОПРОСЫ

Начало - в № 14-20.

29. Как сейчас называется улица, на которой находится здание бывшей Народной консерватории:
а) Словцова, б) Горького,
в) Ленина?

30. Что сейчас находится в здании духовной семинарии, где учился Словцов:
а) Красноярский гарнизонный военный госпиталь,
б) оно снесено и на его месте построен торгово-развлекательный центр,
в) парк?

31. Как называется фестиваль, который в этом году был посвящён Петру Словцову:
а) «Саянское кольцо»,
б) «Парад звёзд в Оперном»,
в) «Искусство балета»?

32. Кого из известных земляков учила Екатерина Иоффель:
а) Дмитрия Хворостовского,
б) Евгения Устюгова,
в) Романа Солнцева?

Знаешь ли ты историю столицы края?

29. _____
30. _____
31. _____
32. _____
Ф. И. О. участника конкурса _____
_____
Адрес, телефон _____
_____

Купон отправляйте по адресу: 660049, г. Красноярск, а/я 25270, с пометкой «Историческое путешествие», или по e-mail: aif@krasnoyarsk.aif.ru.

Зелёное платье

Приближался праздник и Клавдия решила сшить себе новое платье. Портниха раскрыла перед ней журналы мод.

- Посмотрите, первые модницы Москвы и Ленинграда сейчас носят длинные платья до пола.
- Но в Красноярске сейчас такого никто не носит.
- Должен же кто-то одеть первым. Почему бы это не быть вам? Сошьём?
- Сошьем.

Для платья подобрали темно-зелёный шёлк, он струился и переливался при каждом движении, как живой. Портниха украсила его изящным серебряным узором по горловине и подолу. Но когда отделывала его по трафарету, усыпала серебряной пудрой, и всё платье засверкало и засеребрилось.

Но накануне праздника Иосиф заявил, что на праздничный вечер он идет один, так как у него нет второго пригласительного билетика. Обескураженная Клавдия не нашлась, что ему ответить, но про себя решила, что всё равно пойдет.

Праздничный вечер уже начался, когда она в своем нарядном платье, с новой прической вошла в зал клуба речников. Приглашённые сидели за столиками. На сцене выступали артисты самодеятельности. Иосиф сидел за столиком недалеко от сцены в компании друзей, как всегда в центре внимания. Компания от души веселилась, внимая его шуткам. Он уже выпил свою рюмку водки. Иосиф всегда пил только одну первую рюмку, не важно, большую или маленькую. И не какими силами его не могли заставить выпить вторую. Некоторые, зная эту его особенность, по первой наливали чуть ли ни полный стакан. Он выпивал и его, а потом весь вечер веселился наравне со всеми, играл на гармошке, неплохо пел. Но больше любил поговорить, весело, остроумно.

Клавдия села невдалеке за свободный столик и с интересом наблюдала за происходящим. Иосиф осматривался вокруг близорукими глазами. Очки носить он стеснялся. И вдруг узрел недалеко за столиком женщину необыкновенной красоты.

- Кто это?! Вон та женщина в красном платье?
- Ты хотел сказать, в зелёном?
- Ну да, в зелёном.

То, что он дальтоник, Иосиф не признавался даже близким друзьям.

- Вы её знаете?
- Конечно, знаем – хохотнули мужики.
- Познакомьте!

Друзья, умирая от смеха над водевильностью ситуации, повели Иосифа Алексеевича к столику Клавдии, знакомиться…

Дома разговор вышел резким, нелицеприятным. Каждый вдруг припомнил старые накопившиеся обиды, недопонимание. Кто-то из них первым бросил – «Все! Развод!». «Да, развод!» - подхватил второй.

Развели их на удивление быстро, не задавая лишних вопросов, не вникая в подробности личной жизни. «Не сошлись характерами и всё». Клавдии вернули её прежнюю фамилию – Устинович.

Она вышла из здания суда, остановилась на высоком крыльце, глотнула морозного воздуха. На душе было пусто и холодно. Что дальше…?

Следом вышел Иосиф, привычно взял её под руку.

- Ну, куда пойдем?
- ?
-А, пошли домой!

И они пошли домой. Не прошло и года, как у разведенной четы Козулиных родился сын Виталий.

Визит к капитану

Однажды Клавдию остановил на улице человек в белом капитанском кителе. «Горохов Иосиф Иванович» - представился он. «Видите ли, ваш муж Иосиф Козулин – это мой сын».

- Да не волнуйтесь вы так. Я знаю эту историю.
- У вас же есть дети?
- Да, девочка Миля – ей четыре года и мальчик Виталий – ему два.

Семейная фотография. Клавдия с сыном Виталиком на руках. Миля на коленях у деда Алексея и Иосиф.

- У меня к вам большая просьба. Приведите детей ко мне в гости, я очень хочу на них посмотреть.

На следующий день Клавдия, одев детей понарядней, повела их к капитану. Холостяцкая квартира бывшего графа Горохова была по казарменному чистой и аккуратной. Иосиф Иванович угощал дорогих гостей чаем с конфетами и не переставал восхищаться: «Это же мои родные внуки».

Виталик с воодушевлением декламировал стихи Маршака

-Тётенька чала, дяденька ит:
Чёнка енька может сти
Тётенька закричала, дяденька говорит:
«Собачонка маленько могла подрасти».

Алексей Евсеевич

Алексей Евсеевич несколько лет работал шкипером баржи «Веснянка», Потом его перевели начальником пристани в Новосёлово.

Зимой 1933 года Алексей Евсеевич вместе со своей бригадой долбил вмёрзшую в Енисей баржу. Очень промерз, чтобы как-то согреться выпил пол стакана водки. Но всё равно чувствовал себя простуженным и мечтал только скорей добраться до дома. Там уж дорогая его Любава заварит ему чаю с только ей известными травками, уложит под теплое одеяло и всю простуду как рукой снимет. Но в конце рабочего дня всех пригласили на партийное собрание в театр Пушкина. Там в мягком бархатном кресле Алексея Евсеевича как-то быстро разморило, и он сам не заметил, как задремал. Не слышал он и разгоревшейся дискуссии и эмоциональной речи выступавшего анархиста. Разбудил его раздавшийся рядом возглас: «Поддержим речь товарища анархиста аплодисментами». Жиденькие аплодисменты перебил другой голос: «Речники, уходим!».

Несколько его знакомых поднялись и пошли на выход. Алексей Евсеевич спросонья непонимающе повертел головой и вышел вслед за ними. Разве мог он тогда предполагать, что наступят суровые времена и его уход с партийного собрания расценят как политическую диверсию.

Алексей Евсеевич и Любовь Никифоровна (крайние слева) среди жителей Новосёлово.

Ленинград

Иосифа Алексеевича направили на учёбу, на три года в Ленинград в Академию речного транспорта. Как человеку семейному ему выделили две большие комнаты в общежитии слушателей Академии по улице Перевозной 8 «Б». Этот каменный четырехэтажный дом стоял на набережной реки Мойки[1]. Всё здесь нравилось Клавдии и большие светлые комнаты, и вид из окна на набережную. Лучики света весь день играли на никелированных сверху до низу спинках кроватей. Потом скользили по стеллажам книг, занимавшим всю стену от пола до потолка.

А Иосиф – большой книголюб, находил и приносил в дом всё новые и новые интересные книги. Нравились и соседи, такие же слушатели Академии речного флота, сплошь друзья Иосифа.

Многие так же, как и они приехали на учёбу семьями. Компанией ходили в театры, рестораны, музеи, гуляли по Ленинградским улицам, знакомились с достопримечательностями.

В одно из посещений ресторана, в меню оказались «пельмени сибирские».

- А что? Давайте закажем, соскучились по пельмешкам.

Но принесённое официантом блюдо скорей напоминало крупные конфеты-подушечки из твёрдого теста с жёстким не вкусным мясом внутри. Клавдия первая возмутилась: «Какие же это пельмени? В Сибири отродясь таких пельменей не стряпали». Официант молча исчез, а вместо него у столика появился огромный, толстый повар в белом халате и высоком накрахмаленном колпаке.

- Вам не понравились наши пельмени?

- Конечно, не понравились, - продолжала возмущаться Клавдия, у нас в Сибири пельмени делают совсем не так.

- Пройдёмте, пожалуйста, на кухню, - пригласил повар. Клавдии выдали белый халат, на голову водрузили такой же высокий белый колпак.

Огромная кухня сверкала чистотой и блестящей посудой. Все повара и поварята столпились у большого стола, всем хотелось научиться стряпать настоящие сибирские пельмени. Это напомнило ей лепку пельменей в большой семье бабушки Саломеи.

По команде Клавдии просеяли лучшую муку, замесили крутое тесто, добавив в воду несколько взбитых яиц.

К 50-летию Красноярского края

ПУТЬ К ПРИЧАЛУ

КРАСНОЯРСКОМУ речному порту исполнилось 50 лет.

В мае 1882 года первый пароход «Москва» появился в Красноярске, открыв сообщение между нашим городом и Минусинском. Хозяин парохода купец Гадалов обратился в красноярскую городскую управу с прошением об устройстве пристани на Воротниковском взвозе (ныне там располагаются тепловая элеваторная и багажный склад речного вокзала).

Пристанью Красноярск пользовались частные пароходства, а с 1907 года и «Срочное казенное пароходство по р. Енисей». После Октябрьской революции, в январе 1918 года была проведена первая национализация частных и казенного пароходств, а окончательная — с разгромом колчаковщины.

1 февраля 1920 года в Красноярске был образован РУпВод (районное управление водного транспорта бассейна реки Енисей) при активном участии известного енисейского капитана К. А. Мецайка и большевика В. А. Позднякова, который был назначен временно исполняющим обязанности управляющего Енисейским водным районом.

В 30-е годы значительно возросли перевозки грузов, увеличился флот. Пристань Красноярск 1 апреля 1934 года была преобразована в Красноярский речной порт.

Первым его начальником был потомственный речник, член партии с 1928 года Иосиф Алексеевич Козулин. Несмотря на молодость (ему в то время шел 25-й год), он обладал большим опытом работы с людьми. Окончив Красноярскую школу водников, плавал матросом, был на комсомольской и партийной работе, затем на хозяйственной — в транспортном директорате Комсеверопути. Возглавив речной порт, он создал сплоченный, работоспособный коллектив. В 1936 году Козулин первым из енисейских речников был направлен на учебу в Ленинград, в академию водного транспорта

В послевоенные десятилетия Енисейское речное пароходство возглавлял Иван Михайлович Назаров. По его инициативе в Красноярске был построен речной вокзал. Он вошел в строй в июне 1952 года и стал архитектурным украшением города на Енисее. Речники старшего поколения, хорошо знающие, сколько сделал И. М. Назаров для развития Енисейского пароходства, считают речной вокзал вечным ему памятником.

20 февраля 1956 года речной порт объединился с портом Норильского горно-металлургического комбината, расположенным на правом берегу Енисея в Красноярске и имевшим высокий уровень механизации.

За успехи в выполнении заданий по переработке грузов и внедрение комплексной механизации погрузочно-разгрузочных работ Красноярский речной порт Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1966 года награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В многотысячном коллективе порта трудится немало заслуженных ветеранов. С 1951 года носит звание лауреата Государственной премии СССР А. И. Санжиров, ныне начальник смены Енисейского грузового района. Тридцать лет работает в порту крановщица Н. П. Ващенко, делегат XXV съезда КПСС, лауреат Государственной премии СССР, депутат крайсовета.

Сейчас Красноярский речной порт — высокомеханизированное предприятие, оснащенное современной техникой. Годовой объем переработки грузов превышает 13 миллионов тонн.

Н. ТЫЧКОВ,
ветеран Енисейского речного пароходства.

Приготовили фарш, смешав пополам свежайшую свинину и говядину. Клавдия сказала, что мясо надо порубить сечкой, но подходящего инструмента не нашлось и мясо перекрутили на мясорубке. Это было единственное отступление от бабушкиного рецепта, но повар

[1]Миля в 1972 году была в Ленинграде на курсах повышения квалификации и нашла этот памятный ей с детства дом на берегу Мойки.

пообещал, что непременно заведет на кухне сечку и корытце для рубки мяса. Что бы фарш не был жёстким, его разбавили свежими сливками. Лук, чеснок, перец – всё добавили, как положено. Тоненько раскатали из теста кружочки, и все принялись лепить пельмени. Кривенькие, косенькие на первых порах, они резко отличались от ровненьких пельмешек Клавдии, выходящих из под её умелых пальцев. Что бы ещё усилить эффект, она умело поприщипывала рантик очередного пельменя, украсив его изящной рюшкой.

- А такие пельмени делала моя бабушка на праздник, для дорогих гостей.

Кто-то из знакомых красноярцев, посетив Ленинград уже после войны, рассказывал, что в одном из ресторанов Ленинграда его угощали точно такими пельменями с рюшечкой.

Вернувшись к своему столику, Клавдия застала обиженного, скучающего без неё мужа.

- Вечно ты встрянешь со своим языком.

Учился Иосиф Алексеевич в Академии только на отлично, был секретарем партийной организации. Задачи партии он ставил для себя превыше всего. Он и жене своей Клавдии говорил: «Партия для меня на первом месте, на втором – работа, а потом уже вы мои дорогие и горячо любимые жена и дети».

9 мая 1937 года у них в Ленинграде родился третий ребёнок – девочка Мариичка. Клавдия так назвала её в честь своей трагически погибшей сестры.

Год 1937

А между тем в Академии речного транспорта стало происходить что-то невероятное. Бесследно исчезли несколько преподавателей. Никто ничего конкретно не знал. По городу ползли слухи, один страшней другого. Из Красноярска тоже шли недобрые вести: арестован отец Иосифа, Алексей Евсеевич, работавший на тот момент начальником пристани в Новосёлово. Арестован и его друг, и шурин Таскин Андрей Георгиевич – начальник порта в Игарке.

Кто в Красноярске не знал двух знаменитых речников, двух друзей Алексея Козулина и Андрея Таскина, они и женаты были на сестрах. Алексей Евсеевич на старшей – Любови Никифоровне, а Андрей Георгиевич на младшей из трёх сестер – Анисьи Федоровне. (Отцы у сестёр были разные, но это не мешало им родниться).

Алексею Евсеевичу было предъявлено нелепейшее обвинение, будь-то бы, будучи начальником Новосёловской пристани, он специально заражал клещом баржи, предназначенные для перевозки зерна. Припомнили ему и тот самовольный уход с партийного собрания зимой 1933 года.

Иосиф торопил время, скорей бы в Красноярск. Он должен сам во всём разобраться, должен доказать всем невиновность отца. Наконец долгожданные каникулы, и Иосиф с женой и тремя детьми едут в Красноярск. Как же это хлопотно, путешествовать с маленькими детьми. С собой, кроме необходимых вещей, продуктов в дорогу, ещё чемодан детской одежды и чемодан пелёнок для Мариички. На пятые сутки приехали в Красноярск, это было 6 июля. Остановились у Клаиных родителей.

Любовь Никифоровна и Анисья Фёдоровна (стоят). Сидит дед Фёдор (отец Анисьи). Рядом стоит мальчик Иосиф

Вечером Клавдия предложила: «Давайте отметим день рождения Мили. Он прошёл 4 июля. Но что это за день рождения «в поезде». Ни пирог испечь, ни праздничный стол накрыть».

У бабушки Вари для внучки нашлась мочёная брусника. Испекли традиционный открытый праздничный пирог с брусникой и яблоками. За ужином посидели по-домашнему, в семейном кругу.

Утром Иосиф собрался в город. Нужно было узнавать судьбу отца, как-то оказать ему помощь, добиться справедливости.

- Куда ты пойдешь? – спросила Клавдия.
- Пока не знаю, но я всё равно докажу всем, что отец – честный человек.
- Возвращайся поскорее, а то, как мы тут без тебя.
- А вы всегда со мной! Иосиф достал из кармашка пиджака небольшую фотографию. На ней была Клавдия с Милей и Виталиком[1].
- Нам надо обязательно сфотографироваться всем вместе и обязательно с Мариичкой.

Иосиф похлопал себя по карманам.

- Так, документы я взял, деньги с собой. Куплю что-нибудь к обеду. Ну, я пошёл.

Ластившуюся к отцу любимицу Милю поднял на руки и подкинул высоко к потолку.

Уходя, с порога еще раз оглянулся на Клавдию, присевшую на стул с Мариичкой на руках. С двух сторон к ней прильнули Миля и Виталик.

Но ни к обеду, ни к ужину Иосиф не вернулся. Лишь ближе к вечеру в дом постучался гость – Павел Чечкин. То, что он сообщил, не входило ни в какие рамки, было против здравого смысла, составляло высшую несправедливость.

Чечкин и Козулин случайно встретились на улице, разговорились, как старые друзья. Иосиф поделился тревогой за своего отца. Павел и предложил ему пойти прямо в НКВД. Уж там-то точно знают всё. Там помогут.

Высокое серое здание на площади Революции, через дорогу от парка Горького, поражало своей неприступностью: зарешёченные окна, на крыльце – часовой с винтовкой.

Иосиф представился часовому, показал документы. Тот передал его просьбу дежурному. Через некоторое время дежурный офицер вышел на крыльцо.

- Козулин Иосиф Алексеевич?
- Да, это я.
- Зайдите на минуточку к следователю NN. (Он назвал фамилию и имя следователя).

Павел остался ждать друга у крыльца. Обещанная минута затягивалась. Попытался тоже представиться и пройти, но ему ответили:«Вас не приглашали».

До вечера протоптался он у крыльца. И только когда на его очередную попытку узнать, что же с его другом, его в грубой форме попросили освободить территорию, понял, что произошло непоправимое. Иосиф арестован!

Это высокое крыльцо с часовым оказалось входом без выхода.

---

[1]Эта фотография сохранилась в деле Иосифа Козулина. Такая же точно хранилась у Мили.

Жена «врага народа»

Растерянная, без копейки денег за душой, Клавдия не знала, что ей делать. Все их деньги, вся стипендия, полученная Иосифом в Академии, лежали в кармане его пиджака. Но, главное, как узнать, что с мужем, где он. Но не было ей ответа. В «высокие кабинеты» её, как и других горемык, просто не пускали. На крыльце НКВД стоял молоденький солдатик с винтовкой и на все вопросы и просьбы отвечал одно – «Не положено!»

- Как это не положено – возмутилась Клавдия, - здесь где-то находится мой муж, и я должна знать, что с ним.

С ребёнком на руках она оттолкнула часового и попыталась пройти. Часовой, сорвав с плеча винтовку, приткнул остриё штыка к кружевному конвертику с Мариичкой и завизжал сорвавшимся голосом: «Уходи тётка! Говорю же тебе, не положено». Над ним то же довлела власть и ему, то же было страшно.

День за днем продолжались бесплодные хождения Клавдии по кабинетам, но приносили они только унижения и оскорбления. У неё появилось новое имя – «жена врага народа». А её детей соседские ребятишки дразнили «враженятами» и бросали вслед камни. Знакомые на улице отворачивались, не здоровались. А некоторые, заметив её вдалеке, перебегали на другую сторону улицы, только что бы ни поздороваться.

Она пыталась устроиться хоть на какую-нибудь работу, но «жену врага народа» не брали нигде. А тут и отчим обратился к ней с серьёзным разговором: «Ты бы съехала от нас, Клавдия. Твоего мужа арестовали, могут и Васю арестовать, а ведь он тебе брат всё-таки». Возразить было нечего. Клавдии ничего не оставалось, как податься с детьми к свекрови. После ареста Алексея Евсеевича их дом и всё имущество было конфисковано, и Любовь Никифоровна снимала половину небольшого домика в посёлке Водников. Она уже приютила у себя младшую сестру Анисью с тремя детьми. Муж Анисьи Андрей Таскин, начальник Дудинского порта, тоже был арестован, всё имущество в Дудинке конфисковано. При аресте он успел передать жене, что бы она срочно уезжала к сестре в Красноярск, а то могли бы и её арестовать, а детей - в детский дом.

Приютила Любовь Никифоровна и Клавдию. Она сама «жена врага народа», «мать врага народа», но горе не согнуло её в дугу. Держала она, как и прежде по жизни царственную осанку. Вот только волосы на голове, раньше спадавшие до плеч густой пшеничной волной, превратились в легкий, белый пушок.

Жены «врагов народа»: Анисья Федоровна, Клавдия, Любовь Никифоровна.

Три женщин и шестеро детей разместились в половине небольшого домика, их объединяло не только родство, но и общее горе.

Приближалась осень, а у Клавдии с собой не было даже теплых вещей, всё осталось в Ленинграде, ехали-то только на лето, на каникулы.

Любовь Никифоровна вынесла ей теплый полушубок: «На, продай на рынке, денег должно хватить на дорогу. Поезжай в Ленинград, за детьми я присмотрю».

И Клавдия поехала за вещами. Она почти не ела в дороге, только пила чай, но молоко в груди прибывало и прибывало. Она то и дело убегала в туалет, сдаивать прямо в умывальник молоко из разбухшей груди.

-«Мариичка, девочка моя, как ты там обходишься без моего молочка?»

Чемоданов с вещами набралось двенадцать штук, но всё равно, всё, что хотелось бы взять, уложить было невозможно. В комнату вошел сосед, наблюдая за сборами предложил: «Клавдия,

продай библиотеку, дам 100 рублей».

- «Да ты что, смеёшься? Такие книги! За сто рублей? Ни за что! Лучше в печке сожгу!».

Но замыкая дверь так любимой ей светлой квартиры, с окнами на Мойку, вдруг остро почувствовала, что никогда сюда не вернётся.

В вагоне растолкала все свои двенадцать чемоданов по полкам, и очень боялась прихода контролёров, ведь провозить можно было только два места багажа.

А вот и контролёры, зашли целой бригадой.

- Где, чьи вещи?

И тут военный, сидящий напротив, указал на два самых больших чемодана Клавдии.

- Это мои.

Другие пассажиры из их купе последовали его примеру и разобрали по себе почти весь Клавин багаж.

Дети «врагов народа»: вверху – Валентин. Миля, Виталий, Евгения, Ким.

В Красноярске Клавдия продолжала хождения по кабинетам. В толпе женщин перед крыльцом НКВД, она услышала, что хорошо бы узнать фамилию следователя, тогда есть надежда, попасть к нему на приём. Тут Клавдия вспомнила, Павел Чечкин ей сказал, что Козулина пригласили «на минуточку» в кабинет следователя NN[1]. Женщины, стоявшие рядом, когда услышали, что она знает фамилию следователя, чуть не разорвали её на куски. Как ей это удалось?

Но она уже прорывалась сквозь толпу в кабинет следователя. В руках Мариичка, в подол вцепились Виталик с Милей. Смахнув со стола бумаги, положила сверток с Мариичкой, рядом прямо перед следователем посадила на стол Виталика и Милю.

- Мужа моего арестовали! И детей арестовывайте, мне их кормить нечем.
- А какая у вас специальность?
- Секретарь-стенографистка.
- Ну, о чистой работе даже и не мечтайте.

Под трехголосый детский плач следователь выписал Клавдии направление на работу на кирпичный завод, садчицей кирпича Гофманской печи.

На кирпичном заводе в первый день работы Клавдию поставили на замес глины. Глину для кирпича месили в больших ямах. Нехитрое приспособление для замеса приводилось в движение одной лошадиной силой.

Весь день Клавдия водила лошадку под уздцы по вытоптанному кругу. Что бы у лошади не закружилась голова, на глаза ей одевали шоры – накладки из толстой кожи. В них лошадь могла смотреть только вперёд и ничего не видела по сторонам.

На работу Клавдия надела тёплые ботинки на каблучке с высокой шнуровкой, кожаное пальто Иосифа и белый пуховый берет.

Ох и поиздевались над ней работающие рядом женщины, сами в фуфайках и кирзовых сапогах. Каких только «лестных» слов не услышала она в свой адрес за этот свой наряд. А она одела то, что у неё было. Выбрала из того, что смогла привезти из Ленинграда. Многое из привезённых вещей было уже продано, нужно было на что-то кормить детей. Первым из её гардероба исчезло красивое зелёное платье.

---

[1]Фамилии этого следователя Миля вспомнить не смогла. Больше вспомнить некому. Она канула в историю. А вот имя того, кто написал донос на Иосифа Козулина – известно. После ареста Козулина он занял его место – начальника Енисейского пароходства. Потом по Енисею даже ходил ледокол, носящий его имя. Но пусть и оно канет в Лету.

Работа садчицей кирпича оказалась не только грязной, но и очень тяжелой. Она должна была укладывать бруски сырой глины в печь для обжига. Сырой кирпич - очень тяжелый, это после обжига он становится легким, пористым, а нормы на заводе были очень большие. К концу смены у Клавдии болели руки и ноги, неимоверно ныла спина, но она едва дотягивала до дневной нормы. Но постепенно стала втягиваться в работу, привыкать. И тут её к себе вызвал начальник цеха.

- Сегодня ты должна посадить в печь не норму, а полторы нормы кирпича. Не посадишь, тебя посадим, - и сам рассмеялся своей остроте.

За каждую сотню кирпичей нормировщик выдавал Клавдии жестяной жетончик, она, не останавливаясь, бросала их в карман брезентового фартука. Сначала пыталась считать, но потом сбилась со счета. Перед глазами мелькали только кирпичи, кирпичи, кирпичи. Она понимала, что должна непременно сделать эти полторы нормы. У неё дети и тюрьму ей никак нельзя.

Вот и конец смены. Клавдия высыпала на стол жетончики, стала пересчитывать дрожащими руками. В голове стучало. Неужели не сделала? Ведь посадят, как обещали. От волнения сбилась со счета, стала пересчитывать, опять сбилась. Подошел нормировщик, стал помогать считать. Оказалось, она сделала не полторы, а две нормы с лишним. С этого дня это количество кирпичей и стало дневной нормой для неё и других садчиков кирпича[1]. А Клавдии вскоре присвоили звание «Стахановки»[2].

---

[1]К сожалению, я не помню цифру, сколько тысяч штук кирпича составляла эта новая норма. Меня всегда поражала мамина память на цифры. В девяностые годы знакомая выписала для неё по почте шаль. Это почему-то всегда было дефицитом. Мама сказала, что это четвертая шаль в её жизни: первую она купила по молодости, вторую перед войной, третью перед моим рождением, а эта четвертая. И назвала стоимость каждой шали в рублях и копейках. (И это не смотря на прошедшие денежные реформы). У меня, увы, вообще нет памяти на цифры. Во втором поколении природа отдыхает.

[2]Стахановское движение возникло в 1935 году и названо по имени забойщика Донбасской шахты Алексея Григорьевича Стаханова добывшего за смену почти 15 норм угля за счет серьёзной подготовки и рационализации условий производства. После на других шахтах Донбасса рабочие последовали его примеру, а затем и работники других отраслей производства. Стахановское движение всячески поощрялось.

Жить стало страшно

Жить стало страшно. Не всегда поймёшь, от кого ждать помощи, а от кого беды. Был на кирпичном заводе начальник пожарной охраны. По делу и без дела шнырял он по всем углам, высматривал, вынюхивал, и не только нарушения пожарной безопасности. Заглядывал он и в курилку к мужикам, но не столько, что бы следить за непотушенными окурками, а главное тихонько послушать, кто, о чём говорит, не упоминают ли всуе имя «вождя народов». А потом строчил доносы, и человек, сказавший неосторожное слово, исчезал навсегда.

Следил пожарный начальник и за тем, не завернул ли кто свой обед в газетку с портретом вождя, а газетки портреты эти печатали часто. Но народ, прочитав газету, сталинские портреты предусмотрительно вырезал и прикалывал на стенку рядом с фотографиями близких. И только потом газету использовал на курево, обёртку или по прямому назначению – в сортир.

Один из кирзаводских как-то замолвил словечко про свою «хреноватую» жизнь, но замолк, покосившись глазами на парадный портрет Сталина, висевший тут же в цеху. Той же ночью за ним приехал «чёрный воронок», больше этого человека ни видал ни кто.

Половина дома, где ютилась Клавдия с детьми, была совсем небольшой, вернее - это была всего одна комната, но с печкой. У Клавдии ребятишки мал мала меньше. Миле – шесть лет, Виталику – четыре, Мариичке нет и года. У Анисьи – тоже трое. Старшей Жене – тринадцать, Валентину – одиннадцать, младшему Киму – восемь. Спали все вповалку на полу.

А за стенкой в этой же избушке проживал с женой шкипер Бродягин. Он имел привычку каждый вечер напиваться до "поросячьего визга". И всю обиду на свою треклятую жизнь вымещал на соседях. И в тонкую перегородку, разделявшую избушку на две квартиры, летели вперемешку с матами и угрозами сапоги и пустые бутылки. Целое «гнездо» «врагов народа» поселилось у него за стенкой, и он как мог, проявлял политическую бдительность. Среди ночи от его дебошей просыпались с плачем дети, но детский плач злил его ещё больше.

- Тише, деточки, тише. Сидим как мышки, ни гу-гу, - успокаивали детей женщины. Ведь разозлившись сосед может настрочит донос и арест – неминуем. Только маленькая Мариичка ещё не понимала, что не надо плакать. Вздрагивала от каждого шороха, а от грохота и ругани за стеной билось в конвульсиях её маленькое тельце. «Это родимчик её бьет» - определила бабушка Люба. Детский участковый врач осмотреть ребёнка отказалась, заявив, что такой ребёнок у неё на участке не числится. Тогда нашли бабку-знахарку, и та было, уже согласилась, полечить ребёночка за небольшую плату. Но, поняв в какую семью её приглашают, прикинулась дурочкой, и ничего-то она не знает и не понимает, и лечить не умеет.

Шкипер за стеной продолжал бушевать каждую ночь, а Мариичка продолжала плакать.

- Когда же замолкнет этот вражонок? – неистовал сосед. И Мариичка покорно смолкла на восьмом месяце своей коротенькой жизни.

Малюсенький гробик стоял на столе, а в нем, накрытая беленькой простынкой лежала маленькая ленинградка.

- Что же это, моей девочке не досталось ни цветочка, ни зелёной веточки, - горевала Клавдия. За окном бушевала настоящая декабрьская метель, даже в лес за лапником не сходить. И тут её взгляд упал на разросшееся в кадке деревце туи. Она взяла ножницы и настригла с него пушистых веточек, и обложила ими весь маленький гроб.

В семье сохранилась единственная фотография Мариички – в этом гробу. Сфотографировать ребёнка при жизни как-то не получилось.

День выборов

В то воскресенье были выборы. Клавдия, Ниса и Любовь Никифоровна с утра пораньше сходили на избирательный участок, проголосовали. Это только так называлось – «выборы», на самом деле выбора никакого не было, кандидат был один, и голосовать за него было обязательно. Да это и неважно было кого выбирать во власть. Для всех важнее было другое – кого эта власть придет ночью арестовывать. По стране катилась вторая волна арестов. Сначала забирали тех, кого называли «врагами народа», а теперь добрались до их жён, других родственников, находившихся в полном неведении о судьбе близких. Каждый день приносил новые слухи: забрали кого-то из соседей, кого-то из знакомых или родных. Были арестованы мужья двух племянниц Гавриила Дормидонтовича. А когда пришли с арестом во второй раз, то забрали не жен «врагов народа», а их старшую сестру – незамужнюю Ольгу.

Надвигающийся вечер сгущал сумерки, а вместе с ним сгущалось напряжение в доме. Детей уже отвели ночевать к соседке Акулине Степановне, жившей вместе с дочкой Нонкой через дом напротив. Уж если этой ночью придут арестовывать, то хотя бы детей не отправят в детский дом. О том, каково приходится детям «врагов народа» в детском доме были хорошо наслышаны.

Ольга Прокушева, племянница Гавриила Дормидонтовича.
Надпись с обратной стороны фотографии:
Моим родным сестрам Шуре и Марусе со всеми племянниками: Нелей, Эдей, Эриком Изой и Аликом.
На память от вашей одинокой Оли.
О. Прокушева.
10-го февраля 1946г. Воскресенье. День выборов в Верх. совет СССР.
Г. Канск. Снимок моего соквартирника Челак Алексея

Забирали людей и увозили в том, в чём они были одеты. С собой разрешалось взять только одну смену нижнего белья.

У них уже давно были приготовлены узелки. Спать ложились одетыми. Что бы с собой была хоть какая-то смена одежды, одевали на ночь по два платья. Анисья-рукодельница покумекав, расставила по швам ещё несколько любимых платьев, и одевала на ночь уже пять штук.

И вот среди ночи раздался стук в дверь. Стучали громко, по хозяйски. Женщины выглянули во двор, у крыльца стояла запряжённая в сани лошадь. Вот оно – неотвратимое, неизбежное. Взяли в руки приготовленные узелки, а Ниса вдруг заявила: «Мне на двор нужно».

- Ниса, какое «на двор»? Там же мужики! Сходи вон на ведёрко.

В дверь уже тарабанили с неистовой силой.

- Ниса, ну ты чего расселась?

- Да, я чего-то встать не могу.

Женщины вдвоём подхватили её за руки, с трудом подняли, поставили на негнущиеся, ставшие вдруг ватными ноги. Только тогда откинули крючок. В дверь вломились трое мужчин.

- Почему долго не открывали? Быстро садитесь в сани.

Все расселись и молча ехали по тёмным улицам. Кое-где мелькали огоньки. Любовь Никифоровна завертела головой, осматриваясь по сторонам.

- А куда нас везут? Кажется в другую сторону.

И действительно, их привезли… на избирательный участок, и заявили: «Вы не голосовали!».

- Да как же, не голосовали? Голосовали мы! Ещё утром.

Стали разбираться, выяснилось, что они действительно проголосовали, просто кто-то забыл отметить их в списках. С тем и отпустили на все четыре стороны. Домой не шли, на крыльях летели. Не всё в жизни горе – бывает в ней и нечаянная радость.

Деньги вдове

Клавдия возвращалась с работы. Темнело. Мелкий противный дождь усиливал темноту. Ноги скользили по раскисшей дороге.

Прошло уже больше года со дня ареста мужа. Всё, что ей удалось узнать за это время то, что он осуждён на 10 лет без права переписки. Но многие в Красноярске уже знали, что это только так говорят – «10 лет…», а на самом деле – это означало расстрел.

И вдруг, как чертик из табакерки, перед ней вырос тёмный силуэт, воротник поднят, кепочка на глаза.

- Клавдия? – поинтересовалась тёмная личность.
- Клавдия, - сдавленным от страха голосом выдавила она.
- Козулина? – продолжал любопытствовать незнакомец.

Пытаясь сглотнуть застрявший в горле комок, она только кивнула головой.

- Возьми. Бери-бери! Велено передать вдове.

Незнакомец протянул завернутый в тряпицу небольшой сверток, и растаял за пеленой дождя. Исчез, так же как и появился.

Переступив порог дома, Клавдия протянула сверток Нисе.

- Что это?

Ниса стала развязывать клетчатый носовой платок.

- Клань! Да это – деньги. Откуда?

Теперь при свете лампочки, Клавдия рассмотрела этот мужской носовой платок в крупную клетку. Она узнала бы его из тысячи. Она своей рукой подрубала его края, ещё там в Ленинграде. И деньги были – та самая стипендия, с которой они ехали из Ленинграда на каникулы.

- Он сказал: «Вдове».

Радуница

На Родительский день или, как ещё называют – Радуницу, Клавдия привела детей на кладбище, навестить могилку их маленькой сестрички. Украсив небольшой холмик самодельным венком из пихтового лапника с бумажными цветами, они положили рядом несколько конфеток, и покрошили на могилку печенье. Это для птичек. Ещё древние славяне считали птиц посредниками между людьми и небесными силами. Птицы летают по небу и быстрее передадут туда людские молитвы. Поэтому птичек надо угостить. Второй венок Клавдия, став спиной ближе к лесу, кинула через голову. Это для мужа. Никто не знает где его могилка, да и есть ли та могилка. Пусть венок летит, куда упадёт.

Новая должность

Иногда жен «врагов народа» посылали и на другие грязные работы. По весне начали таять помойки, вокруг них собирались зловонные лужи. Вот и отправили бригаду жен «врагов народа» долбить эти помойки.

Клавдия всю зиму ходила на работу в кожаном пальто Иосифа, подпоясав его ремнем, на голове белый пуховый беретик. Она очень любила это пальто, казалось, оно несло не только какой-то почти неуловимый запах мужа, но и его тепло. Но когда она впервые появилась на работе в этой одежде, другие женщины, сами одетые в фуфайки и плюшевые жакетки, встретили её недружелюбно. Но только, когда узнали её поближе приняли за свою.

Женщины весь день долбили помойки, замёрзли и зашли погреться в контору. Столпились стайкой у входа, возле горячей печки. В это время в контору зашёл директор кирзавода. Вдруг остановился и оглядел Клавдию с головы до ног.

- Кто такая?

Уже уставшая бояться, Клавдия, подняв голову с вызовом ответила: «Жена врага народа».

- Грамотная?

- Грамотная.

- С завтрашнего дня выйдешь на работу в контору, табельщицей.

Премудрости бухгалтерского дела Клавдия постигала прямо на рабочем месте. Главный бухгалтер Зинаида Понкратьевна доходчиво всё объясняла, а у Клавдии была цепкая память на цифры, да и математику она любила ещё со школы.

Вскоре Клавдия, как специалист, получила квартиру, то есть две комнаты в деревянном бараке. Одну комнату она определила под детскую, а в другой размещалась её спальня и кухня одновременно. Как могла, Клавдия постаралась создать уют и красоту в своём доме. Для детской она на обратной стороне клеёнки нарисовала два детских коврика, Взяв обычные школьные краски, она изобразила на одном коврике мальчика и девочку, прячущихся от дождя под большим грибом, а на другом девочку, купающуюся в деревянной шайке, а гусь тянет к ней свою длинную шею. Сюжеты были перерисованы с немецких открыток. Подружки, приходившие к Миле в гости, с завистью смотрели на эти коврики.

А на следующую зиму у Зинаиды Понкратьевны, пышной интересной женщины, завёлся поклонник – страшненький мужичонка со смешной фамилией Хомик. По делу и без дела он заходил в бухгалтерию, вертелся возле Зинаиды Понкратьевны, сыпал шуточки и комплименты.

Морозным зимним вечером в бухгалтерии как всегда шла работа. Вдруг молоденькая табельщица, сидевшая у окна, заявила: «Мне страшно, на меня всё время кто-то смотрит»

-Ну, давай поменяемся местами, я ничего не боюсь,- предложила ей Клавдия, и они поменялись столами. За ничем не занавешенными окнами стояла зимняя темень. Зинаида Понкратьевна подошла к железной печке, погреть озябшие руки. Тут же за ней последовал и её, крутившийся здесь же кавалер. Он оторвал её руку от теплой печи и поцеловал самым галантнейшим образом. В это время распахнулась дверь, и в бухгалтерию ворвался разъяренный муж Зинаиды Понкратьевны.

- Ты больше ни дня не будешь работать в этом вертепе, - прорычал он.

На следующий день стол главбуха пустовал. Учитывая производственную необходимость, приказом директора на должность главного бухгалтера была назначена Клавдия Васильевна.

Ревизор

- Какая же я старая стала, уже тридцать «с хвостиком», - из зеркала на Клавдию смотрело усталое лицо с совершенно правильными чертами и большими тёмными глазами. Привычным движением она разделила волосы на прямой пробор, заплела в две косы, уложила на голове «короной».

Испокон веку так укладывали косы замужние женщины. Чтобы не показывать волосы чужим, одевали на голову повойник, при выходе на улицу – покрывали сверху платком. Существовал даже обряд расплетения девичей косы на второй день свадьбы.

Наступили новые времена, женщины сняли с головы платки и повойники, а сама прическа «короной» ещё долго оставалась. Клане нравилась эта прическа, она была строгая и нарядная, волосы не выбивались и не мешали работать.

-Не надеть ли мне на работу новое платье? Сегодня обещали ревизию.

Ревизоров она не боялась никогда. Отчётность старалась содержать в порядке. А свеженькое платье не помешает. Вот это тёмно-синее с воланами на груди будет как раз уместно.

Как всё-таки жизнь стала налаживаться. В магазинах появилась одежда, разные ткани и крепдешин и креп-жоржет. И ботики на каблучке она себе недавно купила, очень даже приличные.

Ревизор оказался высоким интересным мужчиной.

- Сергей Павлович Капустин, - представился он. По конторе сразу поползли слухи, что новый ревизор, чуть ли не граф и ни разу не женат. Из соседних отделов заглядывали любопытствующие, всем интересно было взглянуть на красавца-блондина. Но он сосредоточено работал, не замечая суеты вокруг. Клавдия подала ему очередную папку с документами и вышла в коридор покурить. Папироса уже давно стала неразлучной спутницей в её бедах и горестях, она помогала успокоиться, сосредоточиться, забыться.

- Разрешите к вам присоединиться?

Задумавшись, она не заметила прихода ревизора.

- Закуривайте, товарищ граф.

- Кто это вам сказал?

- Ваша слава бежит впереди вас. Интересно, почему это вас так прозвали?

- В нашей стране не принято об этом говорить, но вам я скажу, «граф» - это не прозвище, а наследный титул. А вы давно курите?

- Давно. В нашей стране не принято об этом говорить, но вам скажу. Курю с тридцать седьмого года, с тех пор, как был арестован мой муж. Арестован и расстрелян. Да я это чувствую, что он уже не с нами. Да и весточка мне была, что нет его в живых.

- И что ж, с тех пор у вас никого нет? Столько лет прошло.

- Мне не до глупостей. У меня дети. Курю вот только, что бы боль свою заглушить. Предлагали мне «доброжелательницы» начать выпивать дешёвенькое винцо. Но вид пьяной женщины вызывал у меня всегда отвращение. Я решила – лучше буду курить. Папироса – это моя единственная подруга, и успокоит и поддержит.

На следующий перекур они вышли в коридор вместе под перекрёстным обстрелом взглядов сослуживцев. Рабочий день подошёл к концу, но не было конца задушевным разговорам. Они вместе вышли из конторы, пошли вдоль забора кирпичного завода в одну сторону, потом в другую…

Через несколько дней ревизия закончилась, но не закончились душевные встречи двух уже немолодых людей.

- Серёжа, ты такой интересный мужчина. Почему ты до сих пор не женат?

- Потому, что я граф, - усмехнулся он. – Во времена «туманной юности» я встречался с девушкой. Потом привел её домой, представить маме, но маме мой выбор не понравился, и она не дала своего согласия на брак.

- Для тебя так важно материнское одобрение?

- Не просто важно, свято! Я же сказал, что я граф. Слово родителей для нас – закон. Две мои сестры тоже, пока не замужем. Пойми же, для мамы самая главная забота – достойное продление древнего рода Капустиных.

А та девушка, моя юношеская любовь, давно замужем. Я знаком с её мужем и со стороны наблюдаю за их семейной жизнью, и вижу, как же была права в своё время мама.

Визит к графине

Но настал и тот день, когда Сергей решился пригласить и Клавдию в гости, представить своей семье.

Шёл двадцать четвертый год Советской власти, но в этой семье время казалось, замерло. На столе - старинный сервиз, тяжёлые тарелки стоят на подтарельниках, посверкивает холодом фамильное серебро, в такие же серебряные кольца заправлены туго накрахмаленные салфетки.

Маман сидела с совершенно выпрямленной спиной, гордой посадкой головы и каждым жестом подчеркивая своё графское происхождение. Но Клаве, вдруг стало жаль эту стареющую больную женщину, пытающуюся сохранить былое величие. Приглашённые на ужин сёстры Сергея Софа и Гага, проявляя воспитанность, вели светский разговор. Обе они были старые девы, но строгая маман в пролетарском Красноярске не видела для них достойной партии.

- Ну, этикетом нас не возьмёшь, - внутренне усмехнулась Клавдия, и вспомнила, что не всегда она была женой «врага народа», а была одной из первых дам города Красноярска и примой театра «Красный бурлак», бывали они с мужем в дорогих ресторанах и Красноярска и Ленинграда, и попыталась мило поддержать светскую беседу. Но маман взглянула на неё и обратилась к сыну с вопросом на французском языке. Он ей ответил, и тоже на французском. Такого поворота событий Кланя никак не ожидала. Обида захлестнула её: говорят, как при прислуге. Но постаралась с достоинством выдержать до конца этот званый ужин. И только, когда Сергей пошёл проводить её, выплеснула всё, что накопилось у неё за вечер.

- Ваша семья – невоспитанные люди! Это очень неприлично – говорить при госте на незнакомо ему языке. Могли бы дождаться, когда я уйду, а потом уже «мыть мне косточки».

- Ну, прости, пожалуйста. Это действительно была бестактность. Но мама как раз говорила о тебе очень хорошо. Она пыталась выразить свое восхищение. Я думаю, ещё немного времени, и она даст согласие на наш брак. Видишь ли, у мамы есть приятельница, женщина, как и ты с двумя детьми. Мама планировала её видеть своей невесткой. Но моё мнение тоже, наверное, что-то значит, - ухмыльнулся он.

И действительно, прошло ещё какие-то три месяца, и строгая маман дала своё благословение.

На Базаихе

Отпраздновать помолвку решили всем управлением кирзавода. Стоял чудный воскресный день. Природа цвела во всей своей красе. Кирзаводские решили поехать на пикник на свое любимое место – речку Базаиху. Женщины в цветастых летних платьях, мужчины в белых рубашках заполнили кузов грузовика, превратив его в яркий цветник. Оглашая окрестности задорными песнями, выехали за город.

Поляна на берегу речушки Базаихи полыхала огнём распустившихся жарков, по самому бережку трепетали белыми лепестками легкокрылые ветреницы. В тенёчке леса наливались синевой водосборы.

На берегу развели костер, разложили сидорки. Мужички, дернув по рюмочке, занялись рыбалкой. В котелке закипал, пожертвованный кем-то ради праздника петух. Бабенки быстро почистили картошки, покидали в кипяток, но никому не хотелось следить за костром, заниматься готовкой. Манила к себе краса лета, и все разбрелись по лугу, по лесочку, собирали цветы, плели венки.

Клавдия с Сергеем остановились в тени берёз.

- Посмотри, Кланечка, какой красивый Наш День, словно на заказ. Это хорошая примета. Ведь как начнешь новую жизнь, такой она и будет, и я думаю, что вся наша жизнь с тобой будет такой же светлой и солнечной.

А с берега неслись ликующие вопли рыбаков. Над рябью реки сверкнула, изгибаясь серебряными боками вполне приличная щучка. Тут же её быстро почистили, и поскольку каждый мужчина считает себя знатоком готовки рыбы, особенно на костре, посыпались предложения: изжарить в золе, запечь в глине, сделать шашлык.

- Да чего вы мудрите? Вон на костре картошка кипит. Давайте щуку сюда, сейчас такую ушицу заварганим.

Через несколько минут они уже стучали ложками по дну мисок, созывая всех к столу.

- Сейчас мы вас такой ушицей угостим!

Но из котелка с ухой торчали ноги петуха, явно недовольного рыбным соседством. Горе-поваров подняли на смех. Но горяченькая с дымком, да еще под водочку «уха из петуха» показалась изысканным блюдом. Так со смехом, шуточками, песнями праздник продолжался.

Весёлая и счастливая с огромным букетом цветов возвращалась Кланя домой. Вечером к ней придёт Сергей, придет, что бы остаться навсегда. Разве не заслужила, не выстрадала она хоть немного, хоть капельку женского счастья. Нет, никогда не забыть ей этот светлый радостный воскресный день.

И вдруг, как на стену наткнулась на скорбные взгляды сидящих у крыльца соседок. Мелькнула страшная мысль: «У кого-то в нашем доме случилось горе. Нет-нет, только не в моей семье!».

- Клавдия! Ты, наверно, не слышала? Сегодня по радио передали. Война началась.

Едва переступила порог своей комнаты, к ней бросилась Миля: «Мамочка! Война!!!».

- Война, это страшно? – серьезно, по-взрослому спросил Виталий.

- Война – это очень страшно.

Обняв детей, Клавдия долго не могла остановить хлынувших потоком слез.

Горе случилось у всех, в каждом доме, в каждой семье.

Медовый месяц

- Сережа, наверное, зря мы затеяли эту женитьбу. Тебя же на фронт заберут.
- Кланечка, хоть день, да наш.

Но не день, а целый месяц подарила им судьба щедрой рукой. Война! Она страшным демоном вползала в каждый дом. Звучала тревожными сводками новостей из репродукторов, доносилась плачем соседок, провожавших своих мужей, сыновей, братьев на фронт, витала над удлиняющимися очередями за продуктами.

А в Кланином доме поселилось счастье. Деликатный и предупредительный, Сергей пытался предугадать её желания, окружал заботой и вниманием и её и детей. Каждый день в её доме появлялся свежий букет полевых цветов. Жарки уже отцвели, им на смену распустились саранки-царские кудри, венерины башмачки, а потом и зацвели ромашки. В своей небольшой квартирке Клавдия старалась создать большой уют. И любая мелочь из её стараний не оставалась незамеченной. На комод она постелила новенький, вышитый анютиными глазками накомодник. Букет в вазочке, всегда стоявший справа от зеркала, переставила слева. Ей показалось, что так будет красивее.

- А букету на новом месте – гораздо лучше, - отметил Сергей.

Но настал и для них день разлуки – 22 июля. И Клавдия стала жить с такой же болью в сердце, как все женщины в округе, как миллионы женщин на Великой Руси, жить в ожидании весточек с беспощадной войны, и всю свою любовь и нежность вкладывать в строчки писем. В одном таком письме Клавдия сообщила, что беременна.

Военный Красноярск

Наступила осень 1941 года. Клавдия с детьми поехали копать картошку на поле. На урожай рассчитывать не приходилось. Ещё по весне, когда приехали садить картошку на выделенную их конторе деляну, то ужаснулись. Всё поле было покрыто огромными глиняными глыбами, уже подсохшими на солнце до каменной твёрдости. Попытались их разбить, но лопаты только звянькали, а комки оставались целыми, не поддаваясь женским и детским силёнкам. Тогда пошли на хитрость. Клавдия с Милей приподнимали глыбу, а Виталик забрасывал под неё картошину.

- Ничего, - успокаивала Клавдия – дождичек глину размочит, и картошка всё равно вырастет. Но когда пришло время окучивать, глыбы лежали целёхоньки. Посрубали тяпками, где смогли сорняки, на том и оставили до осени. Глиняные глыбы пролежали до сентября. Но когда отвернули первую – ахнули! Под ней, как розовые поросята, лежали пяток длинных картофелин. Под другой глыбой – тоже! И под третьей – по три, пять, семь штук! Все крупные, почти одинаковые. Их собирали на руку, в беремя, как дрова. Мешки быстро наполнялись.

По меже прошла старушонка, вся в чёрном, сгорбленная, с клюкой. И всеобщей радости по поводу богатого урожая не разделила.

- «К голоду это, к мору великому. Господь заранее забоится о людях своих».

Но то, что от войны хорошего ждать не приходиться, было ясно и без её брюзжания.

А война набирала обороты. В Красноярск шли эшелоны с ранеными, эвакуированными, потом стали эвакуировать целые заводы.

На кирзаводе кипела работа. Директор Зохин Григорий Иосифович, как его за глаза называли «хитрый еврей», расширял производство. Эвакуированные заводы везли станки, оборудование, а стены возводили на месте. Селить народ тоже где-то надо было, кирпич нужен был всем. Но народ нужно было ещё чем-то кормить, и «хитрый еврей» открыл на кирпичном заводе коптильный цех, цех по варке патоки. Сахарную свеклу для этого растили тут же рядом, на полях. Для своих кирзаводских эту свёклу негласно разрешалось потихоньку воровать. Потом, соорудив гончарные круги, посадили на высокие табуреты подростков и женщин, вертеть глиняные горшки, крынки. Из пустого горшка не поешь, но в пору повального дефицита эту посуду охотно меняли на продукты в окрестных деревнях.

Анисья Фёдоровна с Милей смастерив рюкзаки из мешков, приспособив вместо лямок

старые чулки, носили такие горшки в Кузнецовку, в Овсянку. Дороги до Овсянки по правому берегу Енисея тогда ещё не было, шли пешком по тропинке[1].

Меняли двухлитровую крынку на два литра молока, литровую – на литр. Иногда давали за посуду небольшой кусочек сала. Ниса говорила Миле: «Жалко мне тебя, Милечка, но всё равно, пойдём, тебе хорошо подают».

Однажды Миля потеряла хлебные карточки, на всех, на всю семью, а может, кто вытащил их у неё в очереди. До новых оставался почти полный месяц. Эти дни вспоминали как самое голодное время.

Осенью ходили на поля, собирали колоски. За колоски сильно гоняли, могли даже посадить, поэтому собирали их, когда стемнеет. Однажды Клавдии сильно повезло: на повороте, на углу поля, под клоком придавленной соломы лежало просыпанное с комбайна зерно. Она насобирала чуть не полное ведро.

Зерно мололи на мельнице в Торгашино[2]. Любовь Никифоровна ждала очереди на помол уже вторые сутки. Клавдия отправила Милю отнести бабушке обед – лепёшки и в бутылке чай на травах с козьим молоком. Соседка по очереди удивилась: «Говорят, козье молоко густое, а ты его выпила, а на бутылке даже следов не осталось, от коровьего и то остаётся».

- Да, разве я себе бы позволила пить молоко. У нас же дети. А это чай травный, молоком только забелённый.

А козы их действительно выручали. Две козы, Рита и Светлана не только давали густое жирное молоко, но и приносили каждые полгода козлят. Рита – двух, Светлана – трех. Козлят подращивали до небольшого возраста и забивали на мясо. Молодая козлятинка была хорошим подспорьем в питании. Жаль, на большую семью хватало её не на долго.

Эвакуированные в Красноярск заводы сразу начинали выпускать продукцию для фронта. На заводе СибТяжМаш[3] делали снаряды. Тут же на пустыре за кирзаводом был организован полигон для их опробования.

Вездесущие мальчишки нашли на полигоне каким-то образом неразорвавшийся снаряд. Вчетвером принесли его в школу. За ними увязался младший братишка одного из них. Но его за малостью лет прогнали, не допустили до такого важного дела. Мальчишки, что бы им никто не помешал, выждали, когда в школе закончится первая смена и все разойдутся. И пока не пришли ученики и учителя второй смены, затащили снаряд на крышу двухэтажной школы. Двое остались на верху, а двое спустились вниз, смотреть, как разорвется снаряд.

Страшный взрыв потряс всю округу. В школе и окрестных домах повылетали стекла. Сбежавшейся на грохот толпе предстала жуткая картина. Из четырех мальчиков один был ещё жив, в его развороченной взрывом грудной клетке, глотая последние вздохи, шевелилось розовое легкое.

Из всех мальчишек уцелел только изгнанный из компании малыш. Он наблюдал за взрывом, спрятавшись от мальчишек за кирпичной кладкой водонапорной башни.

Война и здесь в далёком от фронта Красноярске собирала свою кровавую дань.

---

[1]Эту тропинку до Овсянки описал В. П. Астафьев в своём произведении «Последний поклон».

[2]ТоргашинО – пригород Красноярска.

[3]Первые эшелоны эвакуированного из города Ордженикидзе (г. Бежица, ныне Бежицкий район г. Брянска) паровозостроительного завода «Красный профинтерн» прибыли в Красноярск 4 августа 1941г.

Всего же в Красноярск из Бежицы прибыло около 6 тыс. вагонов. Завод «Сибтяжмаш» производил миномёты. К осени 1942 года выпустил первый паровоз «Серго Орджиникидзе».

Завод «Красмаш», эвакуированный из г. Коломны завод им. Ворошилова выпускал миномёты, авиабомбы, морские мины.

Клавдии приближался срок рожать. В это время совершенно неожиданно для всех скоропостижно скончалась мать Сергея – старая графиня. Умерла не у себя дома, пошла она к своей приятельнице в гости, там и прихватил её сердечный приступ. Сёстры Сергея Гага и Софа умоляли Клавдию не сообщать Сергею на фронт о смерти матери, ему там и так тяжело.

А в дом графини поселили эвакуированную из фронтовой полосы женщину с целым выводком ребятишек. Её муж погиб на фронте ещё в первые дни войны. Ходили слухи, что вроде бы та женщина нашла в доме Клавиной свекрови какой-то клад.

По весне Клавдия родила сына, и в честь воюющего на фронте отца назвала его Сергеем. Но наследнику графского титула Капустиных не суждено было прожить и месяца. Сёстры снова просили Клавдию не писать Сергею теперь уже о смерти сына, но потом сами не выдержали и сообщили в одном письме сразу две горестные вести.

Клад

Клавдия уже после войны, вернувшись в Красноярск, встретила женщину, жившую в доме матери Сергея, и спросила про клад. Та простодушно ответила, что действительно находила клад. Вселившись в дом, она затеяла побелку. Отодвинула большое зеркало, а за ним в стене – дыра, неумело замазанная глиной и слегка забеленная. Она ковырнула ножичком растрескавшуюся замазку, показалась какая-то тряпица. Она её потянула и вытянула узелок. А когда его развязала, то там оказались колечки с камушками, серёжки, цепочки, бусики.

- Да я за войну всё спустила, ничего не осталось. На рынке за ведро картошки отдавала колечко с камушком, за буханку хлеба – серёжки. Вот моё богатство – мои детки. Всех вЫходила. За войну вон как подросли, поднялись как грибочки.

Сергей

А война всё тянулась и тянулась. В 1943 году от Сергея долго не было писем, но потом пришло письмо из госпиталя. Оказалось, он получил сильнейшую контузию. После госпиталя его комиссовали из армии, и он вернулся в Красноярск. Приехал он действительно больным человеком. Врачи предписали ему строгую диету, если он не принимал пищу более трех часов – в желудке начинались сильнейшие боли. Соблюдать такую диету в голодном Красноярске было практически невозможно. У самой Клавдии в её «диете» были почти каждый день только драники из картофельных очисток. Свои 250 грамм хлеба, положенные ей как служащей, она отдавала детям. Им как иждивенцам полагалось только по 125 грамм. Но дети росли, и им этого явно не хватало.

Решили, что пережить это голодное время лучше в деревне. Сергей по направлению военкомата уехал в Ужур, устроился там, в колхозе счетоводом. И даже прислал с оказией наволочку муки. А Клавдию всё не отпускали с работы, время военное. А она рвалась душой к нему. Как же так получается, она с детьми – здесь, а он - там, один, больной. Но, наконец, через несколько месяцев её отпустили, как раз накануне её дня рождения.

Поездка в Ужур

При посадке в поезд стояла страшная давка. Клавдия затолкала Милю в один вагон, передала ей через головы мешок с лучшими вещами, она планировала обменять их в деревне на продукты. Виталика посадила в другой вагон, там показалась давка поменьше. Сама с узлами, чемоданами втиснулась в третий. Наконец поезд тронулся, все стали рассаживаться, а она пошла по вагонам, собирать детей и вещи. Забрала Виталика, дошла до плачущей Мили. Мешка с вещами у неё уже не было. Какой-то дядька просто выдернул его из рук девчонки, и в давке скрылся.

Поезд останавливался «у каждого столба», и везде входили и выходили люди с мешками, с узлами. Казалось, вся страна стронулась с места, и куда-то ехала.

- Мама! А дядя Серёжа нас встретит?

- Должен встретить, я ему сообщила.
- Мама, а он помнит, что у тебя день рождения?
- Наверно, не забыл.
- Мама! А ты помнишь, как мы тебе на прошлый день рождения сварили праздничный суп?
- Конечно, помню.

Праздничный суп отличался от обычного тем, что в него положили на пару картошин больше. В их семье это было традицией – в дни рождения накрывать праздничный стол. В войну, как могли, соблюдали эту традицию.

- Потерпите немного, ребятишки, уже подъезжаем.

В Ужуре на выходе опять давка. Клавдия пыталась рассмотреть в толпе на перроне Сергея, но не смогла. Наконец, поезд ушёл, толпа рассеялась, но Сергея на перроне не было. От перрона перетащились с вещами на улицу. Куда идти?

Мимо них пробежала стайка девчушек. Клавдия их остановила: «Девочки, вы не знаете, где живёт ваш новый бухгалтер?»

Одна из девчушек приостановилась.

- Это который контуженый? Что с палочкой ходил? Так он умер вчера. И побежала догонять подружек, они спешили в клуб на праздничный вечер. Приближался праздник – 7 ноября.

Ошарашенная, стояла Клавдия на холодной пустой улице, ощущая холод вселенской пустоты, и только прижавшиеся к ней плачущие дети возвращали её к жизни. Она плохо помнила, откуда появился парнишка, на запряжённой в сани лошадке. Он усадил их в сани, уложил их вещи.

А потом так же деловито выгрузил у дома, в одной половине которого приветливо светились окна, а в другой стояла зловещая темнота. Клавдия постучала в освещенное окно.

Вышла хозяйка и с порога запричитала: «Ой, приехали, сиротиночки. Замёрзли, поди? Раздевайтесь. Ребятишки, полезайте на печь». Туда же сунула им по пирогу, дала по кружке молока.

- А Сергей Павлович жил за стенкой. Я у него и полы мыла и готовила ему, постираю когда. Хороший был человек. Царствие ему небесное.

Взяв санки, Клавдия пошла в морг. Больничный сторож открыл ей подвал, в котором было ещё холоднее, чем на промозглой улице. Её поразило большое количество мёртвых, лежащих на полках. Несколько замерзших трупов стояли как брёвна, прислонённые к стене. Но спросить, почему столько мёртвых, почему их не хоронят, уже не было сил. Серёжа, её Серёжа лежал совершенно голый у самого входа на цементном полу. Сторож помог завернуть тело в покрывало, уложить в сани.

Сама обмыла, одела в военную форму. На груди гимнастерки увидала небольшую дырочку. Но в тумбочке, в картонной коробочке из под папирос «Казбек», вместо иголки с ниткой нашла медали и орден «Красной Звезды».

- Да, это же специально под орден дырочка!

Прикрепила к гимнастерке медали, прикрутила орден.

Печь в доме топить не стала. Присела на стул возле лежащего на столе убранного покойника.

- Серёжа-Серёжа. Так вот какой подарок приготовил ты мне на день рождения.

Так и сидела одна всю ночь в нетопленном доме. И вдруг услышала голос Сергея.

- Кланя, что же ты лежишь на холодном цементном полу? Так ты можешь простудиться и умереть.
- Вот и хорошо. Ты умер и я умру.
- Кланя, тебе нельзя умирать, у тебя – дети. Вставай, Кланя!

Клавдия открыла глаза. Она и не заметила, как задремала, положив голову на грудь любимого. Её щека совсем заледенела, и она долго растирала её ладонями.

- Спасибо, Серёжа, что ты меня разбудил. Мне и правда, умирать нельзя. Надо жить.

Наступило утро 7 ноября. Но ни сделать гроб, ни вырыть могилу было некому. Всё село праздновало 26 годовщину Великого Октября. Самогону – море разливанное. Мужички, которых в

селе было и так не густо, уже с утра были «готовенькие». Прошёл ещё один мучительный день и ещё одна ночь. Но и 8 ноября празднество продолжалось. И только 9 ноября наступил рабочий день, и тело было предано земле.

После похорон

Отрешенно сидела Клавдия после похорон. Что делать? Как жить дальше? Поезд на Красноярск будет ещё не скоро, поздно вечером.

- Что же я наделала? Я же картошку продала! Это же я своих деток обрекла на голодную смерть.

В сенях громыхнула дверь, кто-то сбивал снег с замёрзших сапог.

- «Ещё один любитель бесплатной похмелки» - в сердцах бросила Клавдия. Но в пороге стоял председатель колхоза. По исконной крестьянской привычке пошарил глазами под потолком, машинально поднял руку, но икон в доме не было. Потоптался у порога, не зная с чего начать разговор.

- Ну что ж теперь? Не у одной у тебя горе, у всех горе. Как-то жить надо. Всё война проклятущая. Чего делать-то надумала?

- Назад поеду.

- Девонька, не бросай, хоть ты меня, старика, - взмолился председатель – Я столько времени маялся без счетовода, появился грамотный человек, и вот опять один. А с меня какой бухгалтер? Не поспеваю я всё делать. Оставайся, а? Чем смогу – помогу. Ребятишки в школу пойдут. А тебе на трудодни вперед муки выпишем, картошки, овощ – ну там свекла, морковка. Вон, на базе корова пала на ноги[1] – резать надо. Так что мяска маленько подкинем на первый случай. Оставайся, а?

И Клавдия осталась.

На новом месте

Контора представляла собой одну большую комнату деревянного дома с печкой-голландкой посередине. У каждого специалиста здесь был отдельный стол, никаких кабинетов, только председатель заседал за фанерной перегородкой.

- Вот мое новое рабочее место.

На столе были аккуратно разложены папки с документами.

- Серёжа всегда любил порядок.

Раскрыла журнал и строчки знакомого, но по-стариковски дрожащего почерка поплыли перед глазами.

- Нет, так работать нельзя, нужно успокоиться.

В ящике стола лежал сложенный в несколько раз книжицей старый бланк. Уголки отстрижены, так удобнее отрывать листочки для закрутки. Рассыпая по столу крошки, драгоценного по военному времени табака, скрутила дрожащими руками самокрутку. Окно в сенях показалось ей удобным местом для курения. Подошла, открыла форточку. На подоконнике стояла изящная пепельница, и не сразу можно было догадаться, что это обыкновенная консервная банка, превращенная умелой рукой в ювелирное изделие. В ней лежала недокуренная «козья ножка». Такие «козьи ножки» Сергей научился скручивать на фронте.

- Серёжа, Серёжа, я ехала, что бы жить вместе с тобой, а приходиться – вместо тебя.

Клава села за стол, пробежала глазами колонки цифр, и рука машинально потянулась к костяшкам счёт, и знакомая работа, к её удивлению, быстро заняла всё её внимание, заглушила боль, дала новые силы к жизни.

Дети пошли в школу, Миля в шестой класс, а Виталий в четвертый. А ещё на их плечи легли все заботы по дому, а Клавдия пропадала на работе. Работать по военному времени приходилось допоздна, о выходных и не мечтали. Дети сами хозяйничали в доме, топили печь, готовили еду.

[1]Корова пала на ноги – ослабла от болезни или бескормицы и не может встать.

Даже по дрова ездили сами. Взяв в колхозе лошадку, запрягли её в специальные сани-волокуши. В лесу выбрали берёзы, не самые толстые, их им было бы не поднять, но и не самые тоненькие, что бы дров всё таки было побольше. Они уже спилили три берёзы, уложили их комлями на волокушу.

- Всё, больше сил нет, - сказала Миля – поехали домой!

- Ну да! А как мы по селу поедем? Что люди скажут? Скажут, взяли в колхозе лошадь, а сами везут три брёвнышка. Давай спилим ещё осинку, её пилить легче. Всё-таки будет четыре бревна.

По весне засадили огород. Соседи помогли семенами, рассадой. Урожай собрали весь до листочка. Засолили капусту, но верхние зелёные листья, снятые с кочанов не выбросили, а чисто вымыли и покрошили. К листьям добавили свекольную и морковную ботву, зелёные листья чеснока. Всё покрошили, посолили, спустили в подвал. Зима-подбериха всё подберёт. Называлось это блюдо незамысловато – «борщ». Зимой несколько поварёшек такого «борща» да в кипяток, да добавить картошечки, да лучку – получается просто объедение.

Пирожки

Дети самостоятельно хозяйничали в доме. Клавдия доверяла им и покупки. Они сами ходили на рынок за продуктами.

Купили всё необходимое, и ещё осталась сдача. Рядом тётка продавала пирожки с мясом. Сдачи хватило как раз на два пирожка. Миля с Виталием тут же на рынке их съели.

Не прошло и месяца, как эту тётку, торгующую пирожками арестовали. Оказалось, недалеко от Ужура в тюрьме у неё сидел брат. Этот брат, как только узнавал, что кто-то из осужденных готовится к освобождению, знакомился с ним, узнавал, где у него родственники. И если родственников не оказывалось, предлагал ему остановиться у его сестры в Ужуре. Писал для сестры письмо: «Встреть этого человека, приветь, как ты это умеешь». Эти слова для сестры были определённым сигналом. Она действительно приветливо встречала освободившегося из тюрьмы человека, угощала его, а потом убивала и пускала на пирожки.

Задание от военкома

Ужурскому колхозу от военкома поступило задание – сшить двенадцать комплектов теплой одежды для разведчиков. В комплект входили: собачий полушубок, шапка и собачьи рукавицы с отдельно сшитым, как у перчатки указательным пальцем, для удобства стрельбы из винтовки.

Стали собирать собачьи шкуры по дворам, но не набрали и половины необходимого количества. Тогда военком выдал Клавдии пистолет для отстрела бродячих собак. Женщины помогали ей ободрать шкуры, а потом вымачивали их, мяли в руках до ломоты в пальцах, пока жесткие шкуры не приобретали замшевой мягкости. Потом раскраивали, сшивали вручную скорняжным швом. Но шкур всё равно не хватило.

И вдруг в контору вошёл маленький дедок – этакий старичок-лесовичок. Стряхнув с плеча прямо на пол огромную собачью доху, с облегчением распрямился, сверкнул на всех единственным хитрым глазом.

- Нате-ка вот. Может сгодится?

Все принялись ахать, ощупывать роскошную доху. А дедок тем временем, как-то незаметно исчез.

- Чей это такой дед Щукарь? Надо хоть спасибо ему сказать.

Но выяснилось, что деда никто не знает, и раньше никогда не видели. А тот и не собирался называться, просто, чем мог, помог фронту.

Доху раскроили на детали. Задание военкома было выполнено.

Похоронка соседке

Кланя топила печь, сидела, не зажигая огня, сумерничала. Ребятишки припозднились в школе, готовились к Новогодней ёлке. Разучивали стихи, песни, готовили сценки. Как могли, украшали ёлку. Малыши клеили цепи из крашеных синькой газет.

- Как все-таки хорошо, что у детей и в войну есть праздники. Дома тоже надо будет поставить ёлку.

Посидим с ребятишками, сделаем какие-нибудь украшения из бумаги, ваты, шишек, из яичной скорлупы. Новогоднюю ёлку как всегда оставим до 12 февраля, до дня рождения Виталия.

За стеной у соседки что-то с грохотом упало, и послышался, даже не плач, а какой-то звериный вой, следом дружно заплакали ребятишки. Мимо окон пробежала, зажав варежкой рот молоденькая почтальонка.

-Похоронку принесла, - Как-то отрешённо подумала Клавдия, - могла бы и я получить похоронку.

Вот так просто, получить похоронку, и не срываться с места, не пережить столько мук. Почему судьба ко мне так жестока?

И вдруг острая жалость захлестнула её, но не к рыдающей соседке, а к девчушке-почтальонке.

- Это же, сколько сердца надо иметь, такие чёрные бумаги разносить? Как же ты сердечко своё не надорвешь?

Завернувшись в шаль, словно отгородясь ею и от холода, и от всеобщего горя, Клава пошла к соседке – вместе поплакать. Вместе-то оно всегда легче.

Особо горе горевать было некогда. Работа, работа с утра и до позднего вечера, работа «от светладцати до темнадцати», без отпусков и выходных. Лозунг «Всё - для фронта, всё – для Победы» был не пустым звуком. Фронту отдавали всё, оставляя себе жалкие крохи. Эти крохи делили на трудодни, это был уже не голод, но наличных денег долго не видели.

Но вот за хлеб нового урожая пообещали рассчитаться деньгами. Весь посёлок ждал получки. Клавдия поехала за деньгами на лошадке, которая не попала на фронт только по причине негодности к строевой. Правил лошадью старик-сторож с деревяшкой вместо ноги. Он же был и за охранника, под соломой в санях лежала старенькая берданка с единственным патроном в стволе.

Лошадка чуть трусила через лес. Клавдия, завернувшись в старенькую, видавшую виды «дежурную» доху прижимала к себе балетку[1] с деньками. Ох и натерпелась она страху. Но никто по дороге её не ограбил, только голодные волки, сверкая желтыми огоньками глаз, бежали вдоль дороги по перелеску. Они не отставали от лошади, и не забегали вперёд, но выйти на дорогу так и не решились. И только на околице, услышав лай собак, отстали.

Пропавшая ведомость

Вчера Клавдия допоздна выдавала колхозникам деньги, а утром ещё раз всё пересчитала, всё сошлось, копеечка в копеечку, и закрыла ведомость. Рядом растапливала печь припозднившаяся уборщица, женщина неопрятная, с провалившимся от сифилиса носом[2].

Косноязычно ругаясь, она материла, на чём свет стоит и печь, и сырые дрова, которые не хотели разгораться. Досталось и колхозу, и председателю, и войне, и Гитлеру. Слушать её матерщину было уже невыносимо. Клавдия с детства воспринимала маты, как что-то грязное, противное. В доме её бабушки Саломеи мужики, конечно, матерились, но при детях и женщинах – никогда. А слушать грязную брань из уст женщины было особенно неприятно. Клавдия свернула самокрутку и ушла покурить.

А когда вернулась, уборщица уже ушла, печка нехотя разгоралась. Клавдия села за стол, но закрытой платёжной ведомости на нём не было. Может она уже убрала её в папку? Но в папке ведомости не было. Перебрала все бумаги на столе, пересмотрела, перебрала все бумажки и в столе и на полках в шкафу, заглянула под стол. Ведомости не было. Её не было нигде.

Пришлось сообщать о пропаже в район. На следующий день приехала комиссия. Людей

---

[1]Балетка – дамская сумочка, в виде небольшого чемоданчика. Первоначально эту сумочку использовали для сменной обуви при выходе на танцы. Потом, просто как модную сумочку.

[2]Считалось, что если у больного сифилисом провалился нос, то он уже перестал быть заразным для окружающих.

собрали возле конторы и вызывали по одному, что бы они подтвердили получение денег и расписались во вновь составленной ведомости. Клавдия очень переживала, вдруг кто-то откажется. Особенно она сомневалась в командированном в их колхоз специалисте на ремонт техники. Он получил самую большую зарплату. У неё лично таких денег не было. Но люди, сочувствуя ей, подписывали новую ведомость, а командированный не только назвал полученную им сумму в рублях и копейках, но вспомнил какими именно купюрами её получил.

И только грязнуля-уборщица, едва переступив порог, забубнила: «Ничего не получала, нигде не расписывалась». Деньги она получала не ахти какие. Клавдия молча достала из своего кошелька нужную сумму. Та сгребла деньги со стола и продолжала бурчать: «Ничего не знаю, расписываться не буду».

- Нет уж, будьте любезны, распишитесь,- остановили её члены комиссии. И только под их нажимом, она изляпав ведомость кляксами нарисовала закорючку.

Бидончик с помятым боком

На Первомайский праздник Клавдия с соседками собрались у тетки Павлины. Но всем как-то не праздновалось. Павлина недавно получила похоронку, и выходило, что как раз на Май выпадал сороковой день её мужа. Посидели, погрустили, и за всех, и каждая за себя. И тут Глашка, молодая разбитная бабенка вдруг подскочила с места.

- Я сейчас!

И действительно, скоренько вернулась, неся в руках небольшой бидончик с помятым боком.

- Я вам самогоночки принесла, давайте выпьем с устатку.

Хозяйка достала из буфета стопки. Женщины пригубили и непонимающе уставились друг на друга, понюхали, попробовали ещё, но вкус не изменился, в стопках была вода. А Глашка уже хохотала над всеми, чуть не падая с табуретки.

- Ну, Глашка, ну язва!

Но она смеялась так заразительно, что не подхватить её смех было просто невозможно. Уже расходясь, женщины продолжали похохатывать над собой и над Глашкиными проделками.

Вот и настал День Победы. Женщины снова собрались у Павлины. Каждая несла припасённое к светлому празднику угощение. Кто банку засахарившегося варенья, кто кусок пожелтевшего, в крупной соли, как в инее сала. Павлина достала засохших, похожих на картонки распластанных рыбок.

- Хозяину своему берегла, думала, вернётся с войны, а я ему рыбку на стол. Любитель рыбки-то был. Да где он сейчас, хозяин мой? Поди и могилки нет. Лежит где-нибудь в окопе вверх ногами, земелькой слегка присыпанный. Это Клавдии одной подфартило – своими ручками мужика прибрала.

Напекли к празднику пирогов. Первым делом накормили ребятишек. Дочка Павлины пятилетняя Танька, взяв пирожок вдруг спросила: «Кого помянуть?». Дитя войны, она знала, что такое угощение бывает только на поминках. - Помяни, детонька, всех безвинно убиенных.

Тут и Глаша появилась и торжественно поставила на стол пресловутый бидончик с помятым боком.

- Опять ты со своей водой, - в сердцах бросила Павлина, схватила бидончик и выплеснула в помойное ведро.

- Так самогонка же, - ахнула Глафира, - к Победе берегла. Правдивость её слов подтвердил разлившийся по кухне крепкий сивушный дух. После минутной растерянности кто-то спросил: «А ведро-то не поганое?»

- Какое поганое? – нашлась Павлина, - поросятам в нём лузгу запариваю, а сейчас в нем только очистки. И робко предложила: «Можно же процедить. Марлечку вчетверо сложим и процедим».

Так и сделали. Процеженную мутную жидкость разлили по стопкам. Торжественно расселись за столом.

- С Победой, бабоньки. С Победой!

Весточка первая

После окончания войны Клавдия с детьми вернулась в Красноярск, устроилась на своё прежнее место работы.

Прошло время. Миля заканчивала школу. Она всегда училась хорошо. Выучив домашнее задание, она дома вставала у стола и громко, чеканя каждую фразу, пересказывала содержание невидимым слушателям. Перед собой она представляла класс умненьких послушных учеников, а она их учительница. Мечты о педагогической деятельности начали сбываться, когда она поступила в Педагогический институт на естественно-химический факультет.

- Виталий, а ты на кого хочешь учиться, - спрашивала Клавдия сына.

Виталий, хоть и был в семье младшим, но знал, что он единственный мужчина в семье, старался взвалить на свои плечи мужскую работу и мужскую ответственность за семью.

-Мама, пусть Миля учится, а двух студентов нам не потянуть. Кому-то ведь и работать надо.

Виталий закончил ПТУ по специальности мастер холодильных установок и был направлен на работу бригадиром на базы Норильстроя. Что за интересные люди работали в его бригаде: инженеры, учёные, преподаватели, деятели культуры, почти все с высшим образованием, даже один академик из Ленинграда. Тут же они были просто грузчики. Объединяло их только одно – 58 статья. Все они, отсидев немалые сроки, работали здесь «на поселении». Своего бригадира, несмотря на его юный возраст, «враги народа» обязаны были называть по имени-отчеству.

Во время одного из перекуров к Виталию подошёл человек из его бригады: «Виталий Иосифович, а отца вашего звали Иосиф Алексеевич?»

- Да. Вы что-то знаете о моём отце?

- Встречались… Я хотел бы поговорить с вашей мамой.

Дома решили пригласить этого человека по фамилии Сабанцев в ближайшее воскресенье на обед.

Клавдия купила на рынке стерлядку. Икру выпустила в вазочку, присолила. Из головы, хвоста и потрошков сварила уху. А из самой стерлядки завернула рыбный пирог. Званый обед получился из трех блюд. А вот разговор за столом не клеился. Поговорили «о погоде, о природе».

Пришедшие на обед родители Клавдии тоже не решались задать лишний вопрос. А гость при родителях, при детях не спешил откровенничать и, закончив обед, заторопился откланяться. Уже у порога сказал: «Клавдия, пожалуйста, проводите меня».

И только на улице, пройдя некоторое время молча, заговорил: «Я действительно знал Иосифа Козулина, но засомневался, ваш ли это муж. Вы такая молодая, а тот совсем старик, с огромной бородой, как у Карла Маркса. Тот Козулин был начальником Енисейского пароходства».

- Да, это он.

- Мы жили с ним в одном бараке. Барак огромный, как спортзал, и нары в два ряда. Но народу в этот барак набили столько, что места всем не хватало. Даже спали по очереди. Один спит полночи, другой стоит рядом с нарами, потом менялись. Вот мы как раз с Козулиным Иосифом делили одно место на нарах.

Иногда в барак приходили со списком. Выкликали 10 – 15 фамилий. Этих людей уводили, и они уже больше не возвращались. Предполагали, что уводили на расстрел. Летом 1938 года выкликнули и вашего мужа, но какого точно числа это было, я вспомнить не могу.

КОПИЯ

Форма № 45

СЕКРЕТНО

экз.№

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н-0150/58

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В составе: Председательствующего полковника юстиции Цырлинского

членов подполковника юстиции Боброва и
майора юстиции Рыжкова,

рассмотрела в заседании от 25 Февраля 1958 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА

по делу бывшего начальника Красноярского речного порта

КОЗУЛИНА Иосифа Алексеевича, 1909 года рождения, уроженца села Стрелка, Красноярского края, арестованного 7 июля 1937 года, осужденного 15 июля 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст.ст. 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества.

Заслушав доклад тов. Рыжкова и заключение помощника Главного военного прокурора подполковника юстиции Мацкевича,

У С Т А Н О В И Л А :

По приговору Козулин признан виновным в том, что он являлся участником антисоветской троцкистской организации и занимался вредительством.

В заключении прокурора предлагается приговор в отношении Козулина отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления в связи с тем, что дополнительным расследованием установлены новые обстоятельства, доказывающие невиновность Козулина.

Проверив материалы дела и дополнительного расследования и соглашаясь с заключением, Военная коллегия Верховного Суда СССР

О П Р Е Д Е Л И Л А :

Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 15 июля 1938 года в отношении КОЗУЛИНА Иосифа Алексеевича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями

С подлинным верно: Офицер Военной коллегии
Капитан юстиции (ТЫШЛЕР)

Верно

отп. 6 экз.
экз.№ 1 - НП
экз.№ 2 - УКГБ
экз.№ 3 - ГВП
экз.№ 4 - 1С/О
экз.№ 5,6 резерв

Веточка вторая

Когда Клавдия узнала, что муж её Иосиф сидел в Красноярске, и никуда из города его не увозили, то предположила, что и расстреляли его где-то рядом с городом, неподалёку. Зачем куда-то возить, тратится на дальнюю дорогу?

И когда по Красноярску разнесся слух о том, что строители алюминиевого завода разрыли на берегу Енисея какое-то захоронение, её озарило: не там ли последний приют её мужа. И версию эту подтвердил племянник Алик – Арнольд Николаевич Ерыкалин.

Что бы понять, с какого боку он нам родня, разберём одну веточку генеалогического древа. Любовь Никифоровну – Кланину свекровь мы уже знаем, знаем и её младшую сестру – Анисью Фёдоровну. Но была у них ещё и средняя сестра – Мария Никифоровна.

Сёстры всю жизнь роднились, как могли, поддерживали друг друга. Когда в 1958 году умерла старшая из сестёр – Любовь Никифоровна, оградку на кладбище поставили сразу на три могилки. Сёстры хотели быть рядом и после смерти. Вскоре похоронили рядом и Марию Никифоровну. А Анисья Федоровна еще 24 года ходила на кладбище помянуть сестёр, зная, что вот оно её местечко, рядом с ними.

Авдотья Михайловна с дочерьми: Любовь Никифоровной, Марией Никифоровной и Анисьей Федоровной.

Мужа Марии Никифоровны звали Маркел (это всё что о нём известно). Дочь её – Анна Маркеловна, по мужу Ерыкалина. А сын Анны Маркеловны – Алик Ерыкалин.

Алик призывался на службу из Красноярска, а служил где-то на Урале. К концу службы в их части появился вербовщик, предлагающий солдатам после демобилизации завербоваться в Красноярск на строительство алюминиевого завода. Сулил хорошую зарплату и в будущем квартиру в Красноярске. Алику это предложение понравилось, и он завербовался в свой родной Красноярск.

Вот у Алика Клавдия и решила расспросить о странном захоронении. Клавдия всегда поддерживала родственные связи со своей многочисленной роднёй. А тут как раз день рождения у Анны Маркеловны, где соберутся почти все близкие. Алик как раз работает на строительстве алюминиевого завода, не слышал ли он чего.

- Тётя Клава, не только слышал, но и своими глазами видел. Это именно моя бригада рыла

котлован. Экскаваторщик и разрыл ковшом это захоронение. Там были человеческие черепа с дырками от пуль, остатки волос, ремни, сапоги. Черепов было очень много.

- Ну и что вы с ними сделали?

- А что сделали, вызвали милицию. Место это оцепили. Разрытое захоронение велели нам зарыть. А котлован сделали в стороне, в обход этого захоронения[1].

Сейчас в Красноярске построен на пожертвования населения и организаций Свято-Никольский храм-памятник жертвам репрессий. Но стоит он на другом, правом берегу Енисея на месте бывшего пересыльного пункта КРАСЛАГа.

В Красноярске есть общество «Мемориал», собирающее списки репрессированных. Ими собран богатейший документальный материалд12, д13, д14, д20.

Миля посещала это общество. Она имела статус дочери репрессированного и даже получала какие-то небольшие льготы. Общество «Мемориал» предлагало ей помощь в получении компенсации за конфискованные при аресте вещи, квартиру. Но у них никакой конфискации не было. Вещи просто бросили в Ленинграде.

Миле удалось проникнуть в архив НКВД через каких-то знакомых. Подробности она не стала рассказывать даже мне. Но дела её отца и деда Алексея Евсеевича ей в руки не дали. Работник архива раскрыл папку с делом, показал лежавшую в нём фотографию Клавдии с детьми. Просил задавать вопросы. Но далеко не на все ответил. Листая документы, говорил: «На этот вопрос я вам ответить не могу». Еще много чего было под грифом «секретно».

30 октября с 1991 года проходит день памяти жертв политических репрессий. Миля, пока были силы, ходила в этот день в Свято-Никольский храм. Он находится за Торговым Центром на самом берегу Енисея.

---

[1]Сообщение Ерыкалина Арнольда Николаевича

Я работал на ВЦ КРАЗа, сейчас там находится техникум при КРАЗе. В обеденный перерыв мне предложили сходить на пустырь, там экскаватор раскопал кости. Было это весной 1963-65 г., в то время руководителем стал Брежнев. Пустырь находился над дер.Коркино, на этом пустыре была ложбина, и прямо по ней рыли ямы под блоки первой очереди очистных сооружений, которые тянули из города. Экскаватор копнул всего два или три раза. Вначале шел примерно метровый слой глины, потом сантиметров сорок был чернозем, под ним вновь глина. В слое чернозема находилось много костей, черепа были даже с волосами. Я видел сапоги яловые, комсоставовские. На пустырь мы больше не ходили, яму эту зарыли и изменили направление. Примерно в этом месте сейчас находится больница, спортзал, бассейн. Кто-то мне говорил, что старики и старухи из Коркино в 30-е годы слыхали там выстрелы, там шли расстрелы. Также говорили, что в яме видели остатки кожаной куртки, в каких ходили комиссары и политработники, но сам я этого не видел. Если будет нужно, готов оказать посильную помощь. Считаю, что нужно увековечить память о незаконно репрессированных в нашем крае.

Настоящее свидетельство было представлено Ерыкалиным А.Н. Красноярскому обществу “Мемориал” 26 октября 1988 года.

Свидетельские показания Ерыкалина передаются “Мемориалом” УКГБ по Красноярскому краю для проведения работы по выявлению мест массовых захоронений.

Председатель Красноярского “Мемориала” В.Сиротинин 29.11.90 г.

Путь от причала к стенке

В конце 30-х годов НКВД широко практиковал фабрикацию дел по профессиональному признаку. В Красноярске известны, к примеру, "дело врачей", "дело оркестра", "дело инженеров" Красмаша, а было еще "дело речников".

В очередном конверте, полученном от Владимира Сиротинина, председателя красноярского Мемориала, меня поразили две крохотных бумажки, очевидно, выписки из дела. "Козулин Алексей Евсеевич, 1987 г.р., начальник пристани Новоселово Енисейского речного пароходства. Расстрелян в Красноярске 22 июля 1938 года"; "Козулин Иосиф Алексеевич, 1909 г.р., начальник Красноярского речного порта. Расстрелян в Красноярске 15 июля 1938 года".

Вот и вся жизнь, две строчки... Отцу еще 51 год, он полон сил, но по чьему-то злому навету осужден. Сыну и подавно нет 30, но у него отнимают жизнь неделей раньше, чем у отца. Какие-то люди писали кляузы; какие-то - проводили то, что тогда называлось следствием; совсем другие выносили бесчестный приговор, а уж и вовсе иные - расстреляли.

Нам немногое известно о Козулине-старшем: когда у него родился сын, двадцатидвухлетний Алексей Евсеевич жил с семьей в поселке Стрелка и плавал старшиной (шкипером) на лихтере, после переехал на юг края, в Новоселово, но реку не оставил, и в апреле 1934 года начальник Енисейского управления государственного речного транспорта Павел Мещеряков утвердил его начальником тамошней пристани.

По вполне понятным причинам, о Козулине-младшем мы знаем много больше. В 1919 году (выходит, еще при Колчаке?) десятилетний Иосиф приехал в Красноярск и поступил в школу водников. Окончил он ее в 1927 году и сначала пошел работать матросом. Уже год спустя паренек вступил в ВКП(б), и стал активистом из самых первых: комсомольский секретарь водников, секретарь райкома комсомола, завотделом, член бюро горкома и окружкома. С 1931 года Иосиф поднимается уже по партийной иерархии: член бюро и зав.массовым отделом водников.

Заметьте, парню всего-навсего 22 года: что же его ждет впереди? Однако в том же 1931 году Козулин-младший уходит от профессиональных партийных забот к родной, потомственной стихии Енисея, в транспортный директорат Комсеверпути. Вначале он возглавляет экспедицию по вывозу графита с Нижней Тунгуски, после становится заместителем управляющего директората, но одновременно и парторгом.

Кажется, Иосифа захватывает карьера: с октября 1933 года он переводится в Енисейское управление речного транспорта, где опять же входит в партийное бюро, но Должность уже маячила перед ним; наконец, 1 апреля 1934 года Иосифа Алексеевича Козулина, в неполных 25 лет, назначают начальником Красноярской пристани, которая в тот же день получает более высокий статус речного порта, не иначе как под нового начальника. В соответствии с этим, Иосиф первым своим приказом переименовывает все пристани в причалы, а пристань N4 называет Пассажирским вокзалом.

Наверное, так было заведено в мужском роду Козулиных: к этому времени Иосиф уже не только женат, но имеет двоих детей - трехлетнюю дочь Людмилу и годовалого сына Виталия. Как безоблачна жизнь! Тем более, что в январе 1935 года Иосиф прошел аттестацию и получил характеристику, в которой сказано о нем так: "...тов.Козулин политически развит. Имеет волевые

качества, дисциплинирован, выдержан, проявляет большую инициативу в организации и улучшении работы порта, борется за проведение директив партии и правительства и умеет организовать четкое выполнение задания".

Можно предположить, что Алексей Козулин из новоселовского далека с гордостью наблюдал за успехами своего сына. Новости по реке быстро разносятся, и отец вполне мог вечерком, сидя на веранде за бутылочкой с кем-то из начальствующих соседей, важно рассуждать о том, что Ёська его, глядишь, со временем, и в Москве, в наркомате работать будет.

И впрямь, перспективного управленца Иосифа Козулина никак не могли не заметить в Москве. Февральским днем 1936 года в управление речпорта, которое тогда находилось на месте нынешнего ресторана "Енисей-батюшка", из наркомвода пришла телеграмма: "Начальник Красноярского речного порта Козулин Иосиф Алексеевич... командируется в город Москву в отдел кадров для посылки на учебу в Академию водного транспорта в город Ленинград".
Ему нет еще 27 лет, и трудно придумать более блестящей карьеры для парня из Стрелки с девятилеткой за плечами. Там, в Ленинграде, его и арестовали 7 июля 1937 года.

Отец пока на свободе, продолжает руководить своей Новоселовской пристанью, - наверное, очень переживает за сына и не верит в его виновность, но и для себя вряд ли чего хорошего ждет. Его очередь пришла осенью, 20 октября. Конечно, пришли, как обычно, ночью, дальше - долгий и бессмысленный обыск, - "Одевайтесь, пойдете с нами" и прощай, белый свет.

Вот они, на групповом семейном снимке. Отец и сын поразительно похожи друг на друга: серьезные лица, волевые подбородки - порода! Элита Сибири! А их - убили... И женщины Козулиных, широкоскулая мать Иосифа и красавица, жена его, Клавдия, - им до 1958 года, до реабилитации дорогих мужчин, жить с клеймом ЧСИР, член семьи изменника родины.

Обвинения Козулиным предъявили стандартные: ст.58 - 7,8,11 УК РСФСР. Отец, "...с 1927 года являясь троцкистом, активно вел борьбу против коммунистической партиии Советского правительства, а в 1929 году вошел в состав антисоветской троцкистской террористической диверсионно-вредительской организации, действовавшей в Енисейском пароходстве. По заданию этой организации занимался вредительством в области погрузочно-разгрузочных работ; способствовал хищению грузов и заражал перевозимое зерно клещем; знал и разделял террористическую деятельность организации в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства".

Сын "...являлся активным участником а/с диверсионно-террористической организации правая (?-А.Ф.), действовавшей в Енисейском пароходстве; проводил вредительство в системе пароходства, знал и разделял...", -- далее по тексту предыдущего обвинения.

Судила Козулиных одна выездная коллегия Верховного суда СССР в составе бригвоенюристов Кандыбина, Китина и Калашникова, но в разные дни: Иосифа 15 июля 1938 года, Алексея - неделей позже. Приговоры, согласно постановлению ЦИК от 1 декабря 1934 года были немедленно приведены в исполнение. Разумеется, "с конфискацией лично ему принадлежащего имущества".

Боже, как все было благополучно, и как же все рухнуло в одночасье! Так за что же так

бесславно, с клеймом врагов народа, погибли отец и сын Козулины? За лишний ромбик на петлице бессовестного уже к тому времени мерзавца-следователя?

Коли уж о совести, - ну да, каждый эти проблемы для себя решает сам. Только вот - есть некие стандарты; это вроде дворянской чести, однако для всех живущих, смертных: несоблюдение обязательных стандартов одной частью человечества считается делом обыденным, другой же полагается едва не смертным грехом.

Ведь даже в те, самые страшные времена, оставались в России еще незапуганные люди. Господа читатели, ваша воля отнести себя то ли к первым, то ли ко вторым. Ну да, знать об этом, копаться в прошлом, бередить в поколениях уже зажившие раны - мало кто на такое способен.

Лучше жить сегодняшним днем, не помня родства? Но если все мы станем подобными иванами, то нас самих уже и правнуки не вспомнят. Нет, надо помнить самим, надо напоминать и обществу, постоянно тормошить его с той единственной целью, чтобы это не повторилось при наших потомках.

Анатолий Ферапонтов
"Честь и Родина", 5 мая 1999

ПРИГОВОР

156

Именем Союза Советских Социалистических Республик

выездная сессия

Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Бригвоенюриста т.КАНДЫБИНА Д.Я.

Членов: Бригвоенюристов т.т.КИТИНА И.Г. и КАЛАШНИКОВА С.М.

При секретаре военном юристе I ранга т.КОНДРАТЬЕВЕ И.П.

В закрытом судебном заседании, в гор. Красноярске

22 июля 1938 года, рассмотрела дело по обвинению:

КОЗУЛИНА Алексея Евсеевича, 1887 года рожд., бывшего начальника пристани Новоселово, Красноярского края,

по ст.ст.58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Козулин с 1927 года примкнув троцкистом, активно вел борьбу против коммунистической партии и Советского правительства, а с 1929 году вошел в состав антисоветской троцкистской террористической диверсионно-вредительской организации действовавшей в Енисейском параграфе по заданию этой организации занимался вредительством в области погрузочно-разгрузочных работ; способствовал хищению

грузов и заражал перевозимое зерно клещем; этим и разделял террористическую деятельность организации в отношении Руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Таким образом установлена виновность Козулина в совершении им преступлений предусмотренных ст. ст. 53-7, 53-8 и 53-11 Уг. код. РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 Упк РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР

Приговорила:

Козулина Алексея Евсеевича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1-го декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий [signature]

Члены [signature]

[signature]

В партийных рядах восстановлены

Бюро краевого комитета КПСС рассмотрело ходатайство т. Козулиной К.В. о реабилитации в партийном отношении ее мужа – Козулина И.А. (посмертно)

Козулин Иосиф Алексеевич, 1909 года рождения, состоял членом ВКП(б) с 1928 года по июль 1937 года, партбилет № 0577880, русский, образование н/среднее. В период привлечения к партийной ответственности являлся слушателем Транспортной академии Наркомвода в г. Ленинграде.

Октябрьский районный комитет ВКП(б) г. Ленинграда 28 июля 1938 года исключил Козулина И.А. из членов партии, «как троцкистского двурушника».

Бюро постановило: рассмотрев ходатайство Козулиной К.В., учитывая, что ее муж – Козулин И.А. – по уголовному обвинению оправдан, реабилитировать его в партийном отношении (посмертно).

Козулин Алексей Евсеевич, 1887 года рождения, состоял членом ВКП(б) с февраля 1925 года по июль 1936 года, партбилет № 0490293, образование начальное. В период привлечения к партийной ответственности работал начальником пристани Новоселово Енисейского пароходства.

Новоселовский РК ВКП(б) 12 декабря 1936 года, Красноярский крайком партии 3 июля1937 года исключил Козулина А.Е. из членов ВКП(б) за сокрытие своей принадлежности к троцкистской оппозиции и неразоблачение известных ему троцкистов.

Военной коллегией Верховного суда СССР 22 июня 1938 года Козулин А.Е. осужден к высшей мере наказания за активную борьбу против Коммунистической партии и Советского правительства.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 25 февраля 1958 года приговор отменен за отсутствием состава преступления.

Бюро постановило: рассмотрев в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 11 июля 1988 года материалы персонального дела Козулина А.Е., учитывая, что по уголовному делу он оправдан, восстановить его членом КПСС (посмертно).

Возможно, в документ вкралась ошибка. Алексей Евсеевич был арестован в мае 1937 года. Вряд ли его исключали из партии ещё до ареста в 1936 году.

вестник Красноярского краевого комитета КПСС №9 1989г.

Рассказы о людях, упомянутых в книге.

Рассказ о доме, построенном Василием Устиновичем в Курае. Поездка в детство.

Дом, построенный дедом моим Василием Устиновичем, жив и сейчас. Он стоит на берегу Курайчика у моста.

В 1984 году мама моя Клавдия Васильевна съездила в свою родную деревню. Она не была в ней 57 лет.

Приехала. Вышла из автобуса, осмотрелась и ничего не могла узнать. Деревня выросла в большое село. Куда идти? В какую сторону? В первую минуту мама растерялась, но потом решила, что речка-то осталась на месте. Нужно идти к реке.

Вот и речка, и плотина на месте. Посидела на бережочке, отдохнула. Выдернула несколько корешков солодки, сполоснула в воде, пожевала. Какой же сладкой она была в детстве. И вызванные этим вкусом, запахом нахлынули детские воспоминания.

Вон на горе за плотиной стоит кряжистая сосна. Жива ещё старушка. Когда-то в Гражданскую она служила партизанской почтой. В её дупле оставляли записки.

Плешина горы шевелилась как живая, волнующимся под ветром серебром ковыля. В её детстве ковыль весь вырезали на кисти для побелки. А теперь вот стоит.

Пошла вдоль речки, вот и мостик. Да вот же он на берегу и отцов дом, большой с террасой. Его сразу можно узнать, хотя немного перестроен и подведён новый фундамент.

Постояла у нового нарядного палисадника. Сквозь штакетины просунули головки любопытные космеи. Из калитки вышла молодая женщина с ребёнком, удивилась, - Вы к кому?

- Да, наверное, к вам. Я родилась в этом доме, детство моё здесь прошло. И вот уже 57 лет, как я не была здесь. Разрешите зайти на минутку.

Женщина замялась, - извините, у меня не убрано.

Из калитки выглянул хозяин, молодой, улыбчивый.

- Ситуация интересная. Заходи, бабка, под крышу дома своего.

Зашла, постояла, узнала.

Дом, конечно, немного перестроили. Сразу после революции в нём размещалась школа, потом было общежитие механизаторов, а сейчас переделали на две квартиры. Квартиры получились просторные, удобные.

Осмотрелась, обстановка современная, добротная. Ну а то, что не убрано немного, так ведь разбросаны-то детские вещи да игрушки. Значит, жизнь в доме продолжается. Новый расточек растет.

А тут и хозяйка несёт чай, к столу приглашает.

- Спасибо вам, добрые люди. Пусть будет вам счастье в доме, построенном моим отцом.

В 2008 году я посетила мамину родину, село Курай. Нашла плотину через Усолку и почти пересохший ручей Курайчик. На его берегу стоял большой старинный дом с обгоревшей крышей. По описанию – это и был дом моего деда. Соседка рассказала, что дом сгорел лет десять назад.

Восстанавливать его не стали, но и на дрова никто не разобрал.

Устинович Василий Дмитриевич

Василий Дмитриевич Устинович был родом из города Гданьска, но по другим записям воспоминаний из под Кракова. Возможно, родом из Гданьска был его отец Дмитрий Устинович, участник Польского восстания, потом переехал в сельскую местность под Краковом. (Это всего лишь версия). Поскольку Василий Дмитриевич был родом из Польши, само собой напрашивается, что он исповедовал католичество. Но в церковной записи рождения Клавдии записано, что её родители оба православного вероисповедания. Возможно, Василий Дмитриевич перед женитьбой на Варваре Машуковой принял православие. Так делали многие ссыльные поляки, женившись на местных женщинах, так как дети, родившиеся в браке католика и православной, считались «нечистыми».

По рассказам бабушки Вари (Варвары Тихоновны) в Польше у её мужа оставались братья. Они получили в наследство от отца землю, но совсем немного. Когда разделили на всех братьев, получилось по небольшому клочку. Сосланный в Сибирь старший из братьев Василий сообщил своим родным, что в Сибири есть возможность взять свободной земли столько, сколько сможешь обработать. И его братья приехали в Сибирь. Где они поселились неизвестно, но точно не в Курае.

Бабушка рассказывала, что это у младшего из братьев её мужа Василия – Юзика здесь в Сибири родился сын Николай, который и стал известным писателем.

Но вот здесь начинаются нестыковки с документами. Отца писателя звали Станислав Иванович, и переселился он в Сибирь на «вольные хлеба» из Белоруссии. Был он мещанин из города Полоцка Витебской области, переехал вместе с женой Софьей Осиповной (урождённой Беляевой) и двумя детьми в 1907 году. Николай Станиславович родился в деревне Горелый Борок Нижне-Ингашского района, Красноярского края 18 мая 1912 года.

Мама моя, Клавдия Васильевна рассказывала, что у неё была встреча с писателем Николаем Станиславовичем Устиновичем. Он сам нашел её, пришел домой, долго стучал в ворота. Соседи сказали, что Клавдия на работе. Он пришел в бухгалтерию кирпичного завода. Там и произошла их встреча. Писатель сказал, что он давно хотел повидаться с сестрёнкой и попенял, почему она сама не искала с ним встречи. На что Клавдия ответила, что она «жена врага народа», а он - известный писатель и негоже ей самой лезть к нему в родню. Николай Станиславович отметил, что она не только очень красивая, но и умная женщина. На прощанье подарил свою книгу с дарственной надписью.

Эту книгу потом попросили почитать соседи и «зачитали» с концами.

Таскин Андрей Георгиевич

Андрей Георгиевич Таскин – легендарная личность, человек с очень богатой биографией. Родился он в Красноярске в 1891 году. Трехлетним остался без отца, жил с матерью-прачкой. Рано начал работать. Закончил один класс народного училища. Работал рабочим на верёвочном заводе, в типографии, лесорубом.

В 1911 году уехал на Амурскую железную дорогу. В 1912 году вступил в члены Владивостокской группы анархистов. В 1915 году ему и ещё одному товарищу было поручено организовать восстание Харбинского гарнизона, а так же проходивших через Харбин эшелонов мобилизованных солдат из Владивостока. Восстание не удалось. Военный суд в городе Харбине приговорил его к 20 годам каторжных работ. Но события 1917 года освободили его от каторги, и он выехал в свою воинскую часть в Иркутск, был выбран в полковой совет.

После июльских дней 1917 года был арестован и сидел как большевик. После освобождения был вновь избран в полковой совет 26 Сибирского полка 7 дивизии. До февраля 1918 года был эмиссаром полка.

В 1918 году вступил в отряд Кравченко и до 1920 года, до слияния с Красной Армией был партизаном.

В сентябре 1920 года вместе с Кравченко выехал на польский фронт.

В 1921 году был демобилизован по возрасту и вернулся в свой родной Красноярск. В Красноярске поступил на водный транспорт. Прошёл путь от матроса, шкипера до начальника речного порта в Игарке.

Среди речников у Таскина был лучший друг Козулин Алексей Евсеевич. Их связывала настоящая мужская дружба. Алексей Козулин был женат на Любови Никифоровне, а Андрею Таскину приглянулась её младшая сестра Анисья. Он посватался к ней. Но Анисья замуж за Таскина не пошла.

Тогда Андрей Таскин женился на другой женщине. У неё был небольшой мальчик Володя. Но не прошло и года, как эта женщина заболела и умерла. Так Андрей Георгиевич остался вдовцом с чужим ребёнком на руках. Посвататься вновь к Анисьи он не решался. Тогда она сама подошла к нему: « Ты, помнится, замуж меня звал, так вот, согласная я».

Так сиротка Володя обрёл новых папу и маму. И они действительно относились к нему с душевной теплотой.

Вскоре в новой семье родилась девочка Женя.

Ещё, будучи в Красноярске, Таскин по призыву партии стал так называемым «двадцати пяти тысячником». Партийное руководство решило для подъема сельского хозяйства направить в деревни 25 тысяч лучших надёжных коммунистов. Андрей Георгиевич работал в селе Частоостровское.

Из заметки в газете того времени: «Товарищ Таскин – председатель подшефного Частоостровского колхоза «Оборона страны». Старый водник, командирован в колхоз треугольником бассейна.

Колхоз выведен из самых отстающих в передовые в районе, досрочно 21 сентября закончил план зернопоставок и возвратил государству ссуды».

Жена его Анисья Федоровна тут же на селе поднимала культуру. Созданная ей агитбригада чествовала передовиков, пели песни, частушки, вели агитационную работу.

После того, как работа в Частоостровском была налажена, Таскина перевели в Канск, поднимать и здесь сельское хозяйство в одном из близлежащих сел. Здесь в Канске родился их второй ребёнок Валентин.

А потом уже в Красноярске родился и младший Таскин. Отец дал ему революционное имя Ким. Что означало Коммунистический Интернационал Молодежи.

Отец всегда очень хорошо относился ко всем детям, беседовал с ними, много читал вслух, сам он учился всю жизнь. Никогда в доме не было ссор. Сам больной израненный, он находил время съездить с детьми за грибами или на речку купаться. Сам очень любил книги и пристрастил к чтению всех.

Часто бывая в командировках, брал с собой старшего – Володю, что бы побыть с ним вместе, да и Анисьи полегче.

Дети отца боготворили, для них он был непререкаемым авторитетом.

Андрея Георгиевича часто переводили по работе, и Анисья с детьми безропотно следовала за ним. Поехала и в Игарку, когда его назначили начальником Игарского порта.

Дальше идут воспоминания старшей дочери Евгении.

В ночь с 13 на 14 мая 1937 года в Игарке. Мне было 13 лет, меня подняли с постели, искали подо мной, Всё в доме было перевёрнуто, и утром только мама сказала, что был обыск, и папу увели. Очень много взяли книг, малопульное ружьё[1] и другие вещи.

Арестованных держали в бывшем складе какого-то купца. Склад купец строил добротный из прочных брёвен с одним малюсеньким окошком под крышей.

Брат Валентин ходил вокруг этой тюрьмы и заметил, что под этим маленьким оконцем насыпана куча опилок, и люди поднимаются на эту кучу и с кем-то разговаривают в это оконце. Он тоже залез на эту кучу. Из окошка его спросили: «Ты чей?»

- Таскин Валентин.

Это мама его так всегда называла, не Валька, не Валя, а именно Валентин.

- Подожди здесь.

Вскоре в окошке показалась голова отца.

- Передай матери, пусть срочно уезжает к сестре в Красноярск, да к тёте Любе. Поторопитесь, оставаться здесь – опасно.

Взяв самое необходимое мама увезла нас в Красноярск. Старший Володя учился в Красноярске в речном училище.

Мама устроилась на работу на кирпичный завод, но не сразу, её долго не брали.

Нас с братом Валентином исключили из пионеров. Перед строем, перед всей школой сняли с нас галстуки. После всех этих событий у Валентина в 11 лет на голове появились седые волосы. Он очень этого стеснялся и просил меня или Милю продергивать седину, но она снова вырастала.

В комсомол нас в школе не приняли.

Что бы помочь маме, мы торговали полевыми цветами, возили на себе дрова на продажу. Этим одевались.

[1]С этим ружьем «малопулькой» Анисья Федоровна охотилась в тундре на лебедей, гагар. Сама выделывала лебединые шкурки, выщипав из них крупные перья. Получался лебединый пух. Полосками такого лебединого пуха модницы украшали одежду, шляпки. Из такого лебединого пуха сделаны украшения на головах балерин в балете «Лебединое озеро»

Евгения Андреевна Таскина (Вадюнина)

В 1942 году девятнадцатилетней девочке Евгении, дочери «врага народа» пришла повестка от военкомата, учиться на шофёра. А уже в 1943 Женя уехала из Красноярска на фронт. Служила в 4ой ударной армии, 16 отдельной автороте, шофёром. Там на фронте её приняли в комсомол.

Трудности для Жени начались уже при получении обмундирования. На её рост армейской одежды просто не шили. Пришлось ей брюки–галифе застегнуть на груди, подтянув их до подмышек. Гимнастерка на ней походила на коротенькое платьице. Но она подпоясалась, как положено по уставу солдатским ремнём и получился славненький солдатик, только босой. Кладовщик долго подбирал ей сапоги и бурчал, что его склад предназначен для солдатского обмундирования, а не для детского сада. Но даже самые маленькие, найденные им сапоги, были Жене великоваты размера на три. Пришлось натолкать в мысы соломы, старых газет.

Одетая в новенькую форму Евгения получила старенький, видавший виды ЗИС-5, с фанерной кабиной и деревянным кузовом.

В первый же рейс этот кузов «под завязку» загрузили снарядами, патронами и Женечка покатила на передовую. Только отъехала, в небе загудели вражеские самолёты. Когда они только пронеслись над кабиной, Женечка бросила и руль и педали, машина сама заглохла и остановилась в чистом поле. Взрывы гремели и спереди и сзади, и слева и справа. Со страху Женя сползла с сидения и забилась под руль. Самолёты уже улетели, а она всё сидела, сжавшись в комочек, боясь шелохнуться.

Вытащил её оттуда пробегавший мимо офицер, с матерком усадил за руль.

- Там люди снаряды ждут, а она тут прохлаждается. Вперёд, скорей!

С тех пор она только это и слышала, всю войну, всю свою фронтовую дорогу.

-«Скорей! Вперёд!» и обязательно с матом.

На передовой солдатики быстро разгрузили ящики с патронами и снарядами, а кузов заполнили ранеными. Раненых было много и что бы как-то всех разместить, на колени тем, кто мог сидеть, укладывали лежачих. И Женечка зарулила в сторону медсанбата по разбитой дороге. На каждой кочке и ямке на голову неумелого водителя сыпались самые «лестные» словечки. Разгрузила раненых и снова за снарядами на склад. Так и кружила по фронтовым дорогам, без отдыха, почти без сна. И никаких скидок на слабый пол. Ни помыться, ни переодеться. Очень завидовала девчонкам, которые попали служить при штабах, при медсанбатах, те хоть чистенькие ходили.

А тут и «дамские дела» приспели, обычное, в общем-то, дело, но у неё из средств личной гигиены, только мазутная ветошка. Пока разгружали раненых, прислонилась Женя головой к дверце кабины, задремала, даже команды не услышала – «Скорей, вперед!». Офицер рванул на себя дверцу, а Женечка и свалилась прямо ему на руки. Галифе в крови, на сиденье – кровь.

- Санитары, сюда! – заорал он, - Водитель ранена.

Послав его «куда подальше», Женечка захлопнула дверцу и рванула машину с места. Она и без его команды знала, что надо «Вперед, быстрее!»

Извиваясь змеёй, линия фронта то приближалась, то отдалялась. И вместе с линией фронта двигалась Женина авторота.

В небольшом освобождённом городке машины поставили в огороженный по периметру машинный двор. На ночь выставили караул. Жене с подругой выпало дежурить в самую темноту.

Они с винтовками на плече, пошли от угла снаружи забора в разные стороны, на противоположном углу встретились. Постояли, поговорили, опять разошлись.

Но дойдя очередной раз до угла, Женя не обнаружила там подружки. Осторожно заглянула за угол, подруга лежала с ножом в спине. Сдернув с плеча винтовку, Женя выстрелила, подняла тревогу. С тех пор ни одна девчонки из автороты не хотела идти в ночной караул.

Часть, где служила Евгения, заняла небольшой прибалтийский городок. Немцы его покинули, покинули и местные жители. Совершенно пустые улицы, пустые дома.

Девчонки из автороты, получив увольнение, пошли бродить по пустым улицам. Женя

вошла в один из домов, прошлась по комнатам: всё на своих местах, а в шкафу на плечиках висят нарядные платья. Женя примерила одно, другое, повертелась перед зеркалом на высоких каблуках. Зашла в другой дом, примерила наряды там, потом в третьем доме. Но время увольнения заканчивалось и пришлось снова влезать в галифе, гимнастёрку и сапоги. Брать что-то из вещей с собой не имело смысла. Это офицеры высшего командного состава отправляли домой вещи вагонами, а рядовым разрешалось отправить две посылки в год по 2 килограмма. Женя послала матери в Красноярск посылочку ниток мулине. Увлечение вышивкой она пронесла через всю жизнь с юности и до старости, пока глаза могли видеть.

Клавдии с войны Женя прислала свою фотографию в солдатской форме. На обороте надпись: «Клаве и детям от Жени. Берлин, апрель 1945».

Женина служба продолжалась и после Дня Победы. На границе огромное стадо коров перегоняли из Германии в Российский колхоз, на бывшую оккупированную территорию. Солдатики, гнавшие стадо сами устали и коров загнали, а коровы к тому же не доеные, ревут с переполненным выменем. А тут на пути девчата-шофера!

-Девчата, подоите коров. Молочка попьёте, сколько захотите.

Девчонки и рады стараться, коров доить – это же не воевать. Молока надоили много, все уже напились от пуза.

-Девушки, а вы умывайтесь молоком, знаете, какие красавицы будете.

То-то радости. Девушки умываются, плещутся. Вдруг и правда,

Так и думала Женя, что скоро вернётся домой целёхонькой, пройдя кромешный ад, без единой царапинки. Но коварная война приготовила и для неё свою порцию металла.

Евгения перевозила грузы в небольшом, освобождённом от фашистов городке. В очередной раз ехала она по уже знакомой дороге. Рядом в кабине – подружка, такая же девушка-водитель, как и она. Ночью прошёл дождь, и Женя чуть свернула с дороги, что бы объехать лужу. Спрятанная мина оказалась прямо под правым колесом. Подруга погибла на месте, а Женю взрывом выбросило из кабины и бросило навзничь на землю. Десятки осколков впились ей в спину.

Вернувшись после госпиталя в Красноярск, Женя вдруг почувствовала, что отношение к женщинам-фронтовичкам совсем неоднозначное. Это парни вернулись с фронта героями, а ей прямо говорили: «Разве вы воевали? Вы и ездили на фронт только за тем, что бы спать там с мужиками».

Очень обидно было ей это слышать. Маленького росточка, ещё и фронтовичка, ей и кавалера путного не нашлось в обедневшем на мужчин послевоенном Красноярске.

Но всё же появился и в её жизни некий Коля, очень «темная лошадка». О себе ничего не рассказывал, исчезал на несколько дней, затем появлялся, приносил какие-то вещи, объяснял, что друг попросил сохранить, что бы родственники не пропили, в его отсутствие.

- Держалась бы ты, Женя, от этого Коли подальше, - посоветовала ей мать.

- Поздно, мама, я беременна.

- Как беременна?! – ахнула мама, - Женечка, что же ты натворила?

А ночью нагрянула с обыском милиция, забрали Колины чемоданы, в них оказались ворованные вещи.

На суде её Коля так повернул дело, что это она Женя всё воровала, а он совсем ни при чём. Посадили их обоих и ещё каких-то Колиных дружков Срок Жене дали небольшой, но её единственный ребёнок, девочка Оля родилась в тюрьме.

Но время, проведенное на фронте, не прошло для Евгении даром, она научилась приспосабливаться к обстановке, находить нужных людей, завязывать выгодные знакомства. Приспосабливалась она и в тюрьме, что бы её девочке было хоть чуть получше.

Замуж Евгения так и не вышла, прожила всю жизнь с мамой, растила дочь, а потом

дочкиного сына – Андрея Бурфанова. У дочки семейная жизнь тоже не сложилась.

Но в любые времена советского дефицита Женя умела «доставать» великолепные книги. Дома у неё была богатейшая библиотека. Читала она много, иногда одновременно 2-3 книги, лежавшие с закладками в спальне, в зале у кресла на торшерном столике и в туалете.

Умела Женя, и зарабатывать деньги, и могла приобрести на них и одежду, и вкусные продукты и прочий дефицит. Она никогда не опускалась до воровства. Всё необходимое ей несли прямо домой, меняя один дефицит на другой, а то и на нужные знакомства.

Валентин Андреевич Таскин

Валентин окончил в Красноярске ремесленное училище №2. "Ходил" мотористом на катере по Енисею далеко на Север. Там на севере завербовался на стройку, вступил в партию, был депутатом райсовета.

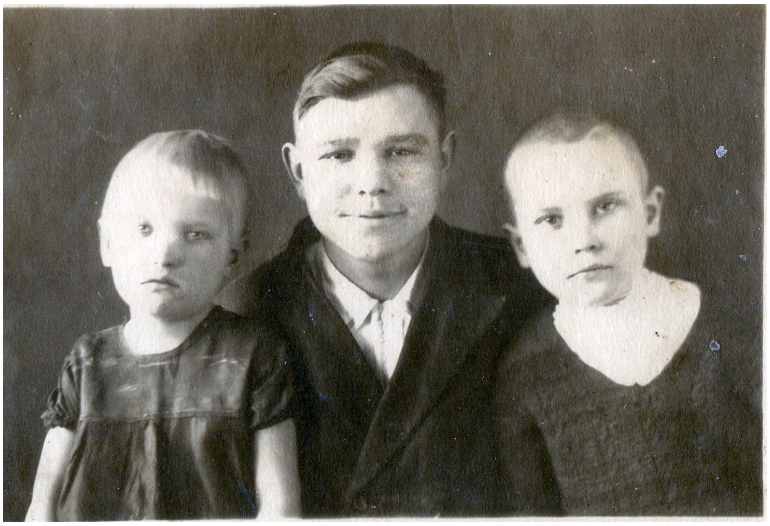
На стройке познакомился со своей будущей женой Лидой. И он, и она заработали там неплохие деньги. Лиду привез в Красноярск к матери. На заработанные деньги построили дом в посёлке Водников. В этом доме они прожили всю жизнь, там у них родились две дочери - Елена и Ирина

Лида – девушка грамотная, знающая себе цену, взялась подтягивать культурный и образовательный уровень мужа. Когда Валентин подарил ей свои стихи с огромным количеством грамматических ошибок, она взялась сама обучать его русскому языку. Отправила его учиться в вечернюю школу, затем в техникум. Работал Валентин на ХМЗ в отделе снабжения.

По молодости играл в оркестре на барабане, вместе со старшим неродным братом Володей. Володя играл на духовых инструментах.

Миля форсила перед подругами на танцах, заказывала дядькам фокстроты, танго, краковяк.

У Валентина Таскина был крепкий добротный дом, который он всю жизнь расширял и благоустраивал. И такая же крепкая семья. Жили они всю жизнь в достатке. Жена его Лидия Ивановна была грамотным бухгалтером не только на работе, но и с толком вела домашнюю бухгалтерию. Оставшуюся от посадки огорода рассаду продавала на рынке. На рынок же несла излишки урожая с огорода. Любую мелочь умела обернуть себе в пользу.



Валентин Таскин с детьми неродного брата Володи.
На обратной стороне надпись:
1946 г. Март
На память Людмиле и Виталию от Валентина, Адольфа и Августы

Их дочери вышли замуж тоже не за самых бедных людей. У старшей муж был летчик в какой-то частной компании. Часто летал за границу. У младшей муж стал хозяином альтернативного Енисейского пароходства. Сколотить первоначальный капитал ему помогала теща – Лидия Ивановна.

Она рассказывала, какую дачу её зять построил в Овсянке, каменную в три этажа. Держал там сторожа, садовника и других работников. Лидия Ивановна любила там отдыхать на шикарной лавочке на самом берегу Енисея.

Когда зять с внуками решили посмотреть Сочинскую Олимпиаду, то не стали мелочиться на гостиницу, а купили в Сочи квартиру.

Несколько лет назад я была в гостях у сестры Мили. И она предложила навесить Лидию Ивановну. Валентина Таскина к тому времени уже не было в живых. Мы позвонили Лидии Ивановне, что собираемся к ней в гости. Она же в ожидании гостей позвонила зятю, он на тот момент отдыхал в Египте. Сказала, что она ждет гостей и ей нужна осетрина, другая енисейская рыбка, икра. К нашему приходу ей было всё доставлено на дом.

Через несколько месяцев после нашего визита меня очень встревожила новость Красноярского телевидения. Показывали горящий дом в поселке Водников и сказали, что пострадала одинокая пенсионерка. Оказалось – это действительно Лидия Ивановна. Пожарные её вытащили из задымленного дома, но она скончалась в больнице на третий день, не приходя в сознание.

Ким Андреевич Таскин

Ким – младший из детей Таскиных. Он очень гордился своим революционным именем, данным ему отцом. Отца своего он боготворил, так же как и другие дети. В то, что его отец - начальник порта в Дудинке, арестованный в 1937 году, мог стать «врагом народа», он не верил никогда. Отец для него был и оставался самым уважаемым человеком. А звание сына «врага народа» прошлось бульдозером и по его детству. Его не приняли в школе ни в пионеры, ни в комсомол. Многие родители не разрешали своим детям дружить с ним – мальчиком из плохой семьи.

Он связался с компанией шпаны, такой же безотцовщины, как и он.
Они залезли в ларёк, набрали вина, колбасы, конфет. Угощали девчонок. За этим занятием их и застала милиция.

Следователь, разбиравшийся с этим делом, считал лучшим методом воспитания – это ругать и обзывать пацанов самыми грязными словами.
Получив свою порцию безобразных измывательств, Ким молчал, понимал – виноват. Но тут следователь стал поливать грязью и его отца – «врага народа». Лучше бы помолчать этому следователю, не трогать отца. Ким не выдержал, схватил со стола мраморную чернильницу и запустил её в следователя. Тяжёлая чернильница угодила прямо в висок следователя, и тот скончался на месте в одно мгновение.

Киму присудили двадцать пять лет тюрьмы без лишних разговоров, которые он и отбыл от звонка до звонка.

Отбывал он свой срок недалеко от Красноярска в Хайрюзовке. Мать, Анисья Фёдоровна, несколько раз, когда давали разрешение на свиданье, ездила к нему.

На последних годах отсидки познакомился по переписке с заочницей – женщиной с Украины. Выйдя из тюрьмы, навестил родню и покатил на Украину.

У этой женщины Фроси была своя горькая судьба. Молодой девушкой выходила она замуж за хорошего парня в своей родной станице Аджамке Кировоградской области. По местным традициям ехали они с женихом в разукрашенной цветами и лентами повозке, запряженной двумя лошадьми. Вылетевший из переулка грузовик с пьяным водителем сбил свадебный поезд, убил на смерть Фросиного жениха, ей самой не причинив ни царапинки. Так в один день, не успев стать женой, Фрося стала вдовой. Вековала свой век вместе со старшей сестрой Марией, тоже вдовой. Муж Марии погиб на войне. Воевал он вместе с известным летчиком, героем Советского Союза, Виктором Талалихиным. Имел тоже какие-то звания и награды и Мария получала за него какую-то пенсию.

Жили сёстры в большом доме с хорошим садом. Фрося работала заведующей почтой. Там, через почту и познакомилась с Кимом.

Кима сестры встретили очень хорошо, не знали куда посадить и чем угостить. На стол ему подавались только его любимые блюда.

Мы с мамой в 1973 году ездили на Украину в гости к Киму. Нас тоже встретили очень приветливо. Уже тогда меня поразила неестественная худоба Фроси. Её скулы были обтянуты болезненно-смуглой, какой-то пергаментной кожей. Её сестра Мария хоть и была старше, выглядела вполне обыкновенно, немного полноватая деревенская женщина.

Через несколько лет Ким приехал в Красноярск, навестить родню. Остановился он тогда у нас. Я случайно услышала разговор Кима с моим отцом. Ким говорил, что не вернётся в Аджамку, пока сёстры не купят ему автомобиль. Денежки у сестер водились, но потратить их было жалко. Через несколько дней на наш адрес пришла телеграмма от Фроси: «Ким, приезжай. Москвич стоит во дворе».

У Фроси было действительно какое-то серьёзное заболевание, прожила она не долго. Перед смертью наказала Киму остаться в доме, для этого женится на её старшей сестре Марии.

Ким Андреевич Таскин (во втором ряду в центре), выше в платке – Фрося, рядом с ней её старшая сестра Мария.
По местным традициям на свадьбе всех мужчин повязывают рушником (полотенцем), женщин – платком, молодежь – лентами.
Свадьба племянника Фроси и Марии – Сергея.
Станица Аджамка, Кировоградской области. Сентябрь 1973 года.

Документ из интернета Красноярского общества «Мемориал»

ТАСКИН Андрей Георгиевич. Род. в 1891. Уроженец и житель г. Красноярска. Русский, неграмотный. Проживал в г. Красноярске. В 1912-1915 член партии анархистов. В гражданскую войну участвовал в партизанском движении. С 1918 по март 1920 в должности помощника командира отряда, комвзвода, член армейского совета, заведующий госпиталем. Арестован 02.04.1920 по обвинению в КРА. Обвинение в КРО. Освобожден 03.04.1920 под подписку о невыезде. Избранная мера пресечения отменена 16.07.1920 Красноярской ГубЧК. Член ВКП/б/ с 1927. Не прошел обмен партдокументов как выходец из другой партии.

Проживал в г. Игарке. Начальник Игарского затона. Арестован 14.08.1937. 22.08.1937 исключен из партии. Обвинение по ст. 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговорен 19.07.1938 ВК ВС СССР к ВМН. Расстрелян 19.07.1938 в г. Красноярске. Реабилитирован 21.04.2004 прокуратурой КК и 10.06.1958 ВК ВС СССР (П-6477, П-9598).

Племянницы Гавриила Дормидонтовича

Три сестры Прокушевы: Ольга Дмитриевна, Александра Дмитриевна и Мария Дмитриевна. Их дед Григорий приходился родным братом отцу Гавриила Дормидонтовича.

Старшая Ольга была не замужем.

У Александры муж был немец Оскар Фрийберг. Дети – Нелли и Эдуард.

Оскар работал механиком на судне Енисейского пароходства. Матрос на его судне переносил рацию, уронил и разбил. Оскара за это арестовали и посадили за халатность. Статью дали «Порча государственного имущества» и конечно «враг народа».

Мария вышла замуж за латыша Альфреда Страдина. Познакомила их Ольга. Они уезжали на работу в Монголию. Потом вернулись в Красноярск. В Красноярске у них родились двое детей Изольда и Эрнест.

Альфреда Страдина Арестовали в 1937 году как «врага народа». В 1939 году отпустили (Когда посадили Ежова). Семья воссоединилась, и у них родился сын. Назвали они его Альмаром, соединив свои имена - Альфред и Мария.

Когда у средней и младшей сестер арестовали мужей, все три сестры, поддерживая друг друга, жили в одном доме. Катилась вторая волна арестов, арестовывали жён «врагов народа». И действительно, вскоре в их доме среди ночи раздался стук. Первыми к двери высыпали испуганные ребятишки. Пришедший офицер стал разбираться, где, чьи дети. Женщины в страхе ждали, кого из жён «врагов народа» он арестует, но он увёл незамужнюю Ольгу. Посчитали, что пришедший арестовывать военный пожалел их детей. Ольге дали срок – десять лет. Отбывала она его в Канске.

Мама моя Клавдия Васильевна роднилась со всеми ими, казалось бы, далёкой роднёй. У младшего – Алика Страдина мы не раз бывали в гостях. Его семья всегда нас приветливо встречала.

Потом я была у них вместе с Милей, когда мамы уже не стало. Алик старался нам с Милей всячески услужить. Выходило, что из уважения к тёте Клаве, он для нас её дочерей готов разбиться в лепёшку.

Альмар Альфредович Страдин с внучкой (справа) и женой (внизу фотографии). Правее Миля (Кутакова Людмила Иосифовна) и я (Наталья Емельянова).
День города Красноярска 2003 год.

Когда у меня родился сын Дима, и мы с ним лежали в Красноярском роддоме, муж мой Михаил Ашурок заехал к тёще Клавдии Васильевне и застал там Эрика – Эрнеста Альфредовича. Они решили вдвоем поздравить меня с рождением сына. Передали фрукты, подарки. Роддомовские записочки с поздравлениями я храню до сих пор, там есть и от Эрика.

№ 6/100 14 февраля 2007

Крупская называла ее землячкой

Написав автобиографический роман «Надежда Бурина», красноярская писательница Валентина Леусова годами обивала пороги партийных кабинетов, добиваясь его напечатания. Отчаявшись, обратилась в ЦК КПСС: «Помогите издать роман за границей». Через месяц в ее квартиру постучали...

– Чехов, литконсультант по Сибири и Дальнему Востоку, – представился мужчина. – Антону Павловичу – не родственник.

В нынешнем феврале ей исполнилось бы сто лет. Она прожила, как принято говорить, яркую большую жизнь. Даже день ее рождения приходится на историческую дату – 23 февраля. Она смогла написать книгу – рассказ о собственной судьбе, под которым подписались бы тысячи ее современниц. История создания романа полна препятствий и трудностей, как и вся жизнь Валентины Георгиевны. Благодаря своей книге она познакомилась с писателями, которыми сейчас гордится русская литература: Иваном Пантелеевым, Алексеем Черкасовым.

Как было

Дочь белорусского каторжника и польской крестьянки, она родилась в Сибири. В деревеньке Старосвинино под Краснотуранском. Отец рано умер, и мать – Аполинария Муравская ходила работать «в люди». Семья считалась бедной, хотя на дворе были и лошадь, и корова.

– Мама начала работать еще в детстве, пятилетней девочкой нянькалась с детьми зажиточного хозяина из соседней деревни, – рассказывает сын писательницы Валерий Леусов. Юношей-студентом он печатал на старенькой машинке мамин роман, вслушиваясь в родной голос. Про своего хозяина Валентина Георгиевна рассказывала, что это был добрый, совестливый человек. Вместе с женой он работал в обширном хозяйстве, а присматривать за малышами нанимали девчонок из бедных семей. За четыре месяца житья «в няньках» маленькая батрачка заработала воз добра: бочонок меда, корзину ягод, шубку, рыбу, мясо. Цензор, читавший ее роман, отчитал за то, что она представила «мироеда-кулака» с человеческим лицом.

– Пришлось переделывать. В окончательном варианте бывший хозяин нападал на главную героиню, грозясь зарубить топором. На самом деле этого человека, когда создавали колхозы, раскулачили и сослали куда-то на север, в Енисейский район.

«Землячку» Крупской обвинили

Окончив школу крестьянской молодежи, Валентина Леусова активно занялась комсомольской работой. Вместе с другими агитировала за создание товариществ по совместной обработке земли, а позднее колхозов. Окончила педучилище в Минусинске. Ее как члена горкома комсомола отправили в Москву. Там она попала на прием к Крупской. Валерий Петрович говорит, что, по словам его мамы, Надежда Константиновна очень тепло расспрашивала девушку о жизни в глухих деревнях и даже называла землячкой. Позже Валентина поехала в Ростов-на-Дону, на рабфак. Там у нее родился сын Валера.

– Мама всегда и всем говорила, что в Сибири живут замечательные, особые люди, – подливая мне чай в голубую фарфоровую чашку, вспоминает Валерий Петрович. – За это в 37-м ее обвинили в создании какой-то «сибирской антипартийной школы», лишили партбилета.

Но почему-то не арестовали. Узнав об этом, кто-то из энкавэдэшников удивился: «Леусова еще на свободе? Ее должны были взять еще год назад!» А на следующий день говоривший сам оказался в тюрьме.

Помогли и поддержали

Роман Валентина Георгиевна начала писать еще в пятидесятых, когда уже тяжело болела. Закончив, отправила рукопись в московские издательства. В том числе в «Молодую гвардию». Ответ редактора пришел через полтора года. Он пенял сибирскому автору на безграмотность и непонятный язык.

– Мол, нет такого слова «палисадник», еще к чему-то придирался. Маму это сильно обидело, она выписала все не понравившиеся москвичу слова, сделала к ним пояснения из словаря Даля и отправила письмо в Москву. Показывала она свой труд и Алексею Черкасову. Тот прочитал и сказал, что работу бросать нельзя ни в коем случае. За роман надо бороться.

Черкасов уже был известен своей повестью «Лика». В шестидесятые, живя в Красноярске, трудился над «Хмелем». Юный Валера частенько его видел в магазине на Волгоградской. разглядывал высокого худого человека. Черкасов всегда был немногословен и очень сдержан. Двухэтажный дом, где жила писательская семья, говорят, сохранился до наших дней. Жена Черкасова Полина училась в одной школе с Иваном Пантелеевым.

– Тот ее иначе как Полька и не называл, – смеется Валерий Петрович.

Именно Пантелеев оказал неоценимую помощь в подготовке романа к печати.

Дело сдвинулось после обращения в ЦК. Приехавший к Леусовой однофамилец Чехова посоветовал ей печататься в красноярском издательстве. «Прикрепил» к ней работавшего там редактором писателя-фронтовика Пантелеева.

– Иван Иванович часто бывал у нас дома, помогал маме в работе. Давал советы, какие куски надо переработать, какие сократить.

Первая книга романа вышла в 1972 году. Вторую к изданию подготовил ее литературный «опекун»: Валентина Георгиевна была парализована и уже не вставала с постели. Ее не стало вскоре после выхода книги. Названный в ее честь внук так никогда и не увидел бабушку. Он родился после ее смерти. В семье бережно хранят две небольшие книжицы и несколько старых карточек замечательно красивой и талантливой женщины.

Галина ЭЙСНЕР

Ее не стало вскоре после выхода книги. Названный в ее честь внук так никогда и не увидел бабушку

Ерыкалин Арнольд Николаевич

В документе общества «Мемориал» говорится, что Арнольд Николаевич серьёзно болен. Он действительно испытывал сильные боли, лежал дома, его выписали из онкологии на «домашнее лечение».

Однажды ему приснился сон. Он утром позвал взрослую дочь и рассказал ей, что ночью к нему пришел какой-то человек и сказал, что боли его скоро прекратятся. Счастливый Арнольд Николаевич говорил дочери: «Я скоро выздоровею. Этот человек во сне назвал точное число. Ты запиши! Нет, не на бумажке, бумажка потеряется. Ты напиши прямо на обоях возле кровати».

После этого случая Арнольд Николаевич прожил чуть больше месяца. На поминках его дочь показала Миле надпись на обоях. Там стояла дата смерти её отца.